ВЕСТНИК ТВЕРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия: История № 3 (79), 2026

Научный журнал

Основан в 2007 г.

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
ПИ № ФС77-61026 от 5 марта 2015 г.

Учредитель:
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Тверской государственный университет»

Редакционная коллегия серии:
д-р ист. наук, проф. Т.Г. Леонтьева (*глав. редактор*);
канд. ист. наук, доц. С.В. Богданов (*отв. секретарь*);
д-р ист. наук, ст. науч. сотр. В.Б. Аксенов (ИРИ РАН, г. Москва);
д-р ист. наук, проф. А.В. Белова;
д-р ист. наук, глав. науч. сотр. В.П. Булдаков (ИРИ РАН, г. Москва);
д-р ист. наук А.М. Ермаков (ЯрГПУ, г. Ярославль);
д-р ист. наук, проф. Н.Л. Пушкарёва (ИЭА РАН, г. Москва);
д-р ист. наук, проф., чл.-кор. РАН А.В. Сиренов;
д-р ист. наук, проф. В.В. Шелохаев (ИРИ РАН, г. Москва);
д-р гум. наук, проф. Е. Икэда (Токийский университет, Япония);
проф. истории Гр. Фриз (университет Брандейса, г. Уолтем, США)

Адрес редакции:
Россия, 170100, г. Тверь, ул. Трёхсвятская, д. 16/31, каб. 201
Тел.: +7(4822)34-16-85

Все права защищены. Никакая часть этого издания не может быть репродуцирована без письменного разрешения издателя.

© Тверской государственный университет, 2026

VESTNIK

TVER
STATE
UNIVERSITY

Series: History № 3 (79), 2026

Scientific Journal

Founded in 2007

Registered by the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology and Mass Media
PI № ФС77-61026 of March 5, 2015

Translated Title:
Herald of Tver State University. Series: History

Founder:
Federal State Budget Educational Institution
Of Higher Education
«Tver State University»

Editorial Board of the Series:
D. Sc. In History, prof. T.G. Leontieva *(editor-in-chief)*;
Cand. Sc. in History S.V. Bogdanov *(executive secretary)*;
D. Sc. in History V.B. Aksenov (IRI RAS, Moskow);
D. Sc. in History, prof. A.V. Belova;
D. Sc. in History V.P. Buldakov (IRI RAS, Moscow);
D. Sc. in History A.M. Ermakov;
D. Sc. in History N.L. Pushkareva (IEARAS, Moscow);
D. Sc. in History, prof., Corresponding Member of the RAS A.V. Sirenov;
D. Sc. in History V.V. Shelokhaev (IRI RAS, Moscow);
Prof. of Humanities Y. Ikeda (The University of Tokyo, Japan);
Prof. of History Gr. Freeze (Brandeis University, Waltham, USA)

Editorial Office:
Office 201, 16/31, Trehsvyatskaya st., Tver, 170100, Russia
Tel.:+7(4822)34-16-85

All rights reserved. No part of this publication
may be reproduced without the written permission of the publisher.

© Tver State University, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ РОССИИ

Пушкарева Н.Л. К исторической антропологии русского материнства: истоки нравственных традиций женского социального служения 5

Белова А.В. Женская память о повседневной жизни провинциальных дворянок в столичных институтах (1764–1850-е годы) 17

Лисицына О.И. Матримониальное поведение московского дворянства в первой половине XIX века 35

Карандашев Г.В. Антропология девиантного поведения (на примере Тверской губернии во второй половине XIX – начале XX века) 52

Громова А.И. Антропология женской телесности (по материалам журнала «Женский вестник», 1904–1917 гг.) 67

ИСТОРИОГРАФИЯ. ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ. МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Секенова О.И. Антропология академической жизни: направления и подходы (1970–2020-е годы)..... 80

Калашникова Д.И. Девичество как этап женского жизненного цикла: итоги изучения за два века российской историографии 94

Петров К.А. Южноафриканская историография 1980–1990-х гг. в контексте антропологии насилия..... 107

АРХЕОЛОГИЯ. ЭТНОГРАФИЯ. ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ

Фурсова Е.Ф. Заговоры в практиках лечения детских болезней русскими крестьянками Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX века 121

СТРАНИЦА АСПИРАНТА

Забелина Е.Н. Концепт «традиционного» в изучении ремесленных практик: эволюция подходов в отечественной этнографии и народоведении (XIX – начало XXI в.) 137

Коваль К.С. Семейные ценности и идеальный образ материнства в трудах церковных мыслителей России второй половины XIX – начала XX века 151

Шумяков Р.А. «Ленинцы» и Апрельский кризис глазами участников демонстрации на Невском проспекте Петрограда 21 апреля 1917 года . 160

Спиридонова Д.С. Эмоциональное проживание повседневности британки на Ближнем Востоке: опыт Гертруды Белл 170

СООБЩЕНИЯ

Кокорина Г.А. Память о Н.Н. Микулухо-Маклае как нематериальное культурное наследие: практики коммеморации в России и Папуа-Новой Гвинее..... 178

КРИТИКА. БИБЛИОГРАФИЯ. НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Дмитриева Н.А. Рецензия на книгу: *Юкина И.И.* От дам-патронесс до женотделовок: история женского движения России. М.: Новое литературное обозрение, 2024. 680 с. 184

СВЕДЕНИЯ ДЛЯ АВТОРОВ 190

CONTENTS THEMATIC ISSUE
HISTORY OF RUSSIA

N.L. Pushkareva To the Historical Anthropology of Russian Mothernity: Origins of Moral Traditions Women's Social Service …… 5
Anna V. Belova Women's Memory of the Everiday Life of Provincial Noble Women in tge Capital's Institutionas (1764–1850s) ……... 17
O.I. Lisitsyna Moscow in the Context of the Marital Behavior of the Russian Nobility in the First Half of the 19th Century ……. 35
G.V. Karandashev Anthropology of deviant behavior (using the example of Tver province in the second half of the 19th – early 20th centuries) ……... 52
A.I. Gromova The Anthropology of the Marginalized Female Body in the «Women's Herald» (1904–1917) …… 67

HISTORIOGRAPHY. SOURCE STUDY. METHODS OF HISTORICAL RESEARCH

O.I. Sekenova Anthropology of Academic Life: Directions and Approaches (1970s–2020s) …… 80
D.I. Kalashnikova Girlhood as a Stage of the Female Life Cycle: the Results of Studying the History of Russian Historiography Over Two Centuries ……... 94
K.A. Petrov The Problem of Social Deprivation of Women in the Societies of Post-Colonial Sunsaharian Africa ……... 107

ARCHAEOLOGY. ETHNOGRAPHY. HISTORICAL GEOGRAPHY

E.F. Fursova Spells in the Treatment of Childhood Illnesses by Russian Peasant Women in Western Siberia in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries 121

THE PAGE OF THE POST-GRADUATE STUDENT

E.N. Zabelina The Concept of the «Traditional» in the Study of Craft Practices: The Evolution of Approaches in Russian Ethnography and Folk Studies (19th – Early 21st Century) ……. 137
K.S. Koval Family values and the perfect image of Motherhood in the works of Russian Church Thinkers of the Second Half of the 19th – early 20th century ….. 151
R.A. Shumyakov «The Leninists» and the April Crisis through the Eyes of Participants in the Demonstration on Nevsky Prospect in Petrograd, April 21, 1917 .. 160
D.S. Spiridonova Emotional Experience of Everyday Life of a British Woman in the Middle East: Gertrude Bell's Experience …….. 170

THE REPORTS

G.A. Kokorina The Memory of N.N. Miklukho-Maklay as an Intangible Cultural Heritage: Practies of Commemoration in Russia and Papua New Guinea …….. 178

THE CRITICISM. THE BIBLIOGRAPHY. THE SCIENTIFIC LIFE

N.A. Dmitrieva Book Review: Yukina I.I. From Lady Patronesses to Women's Departments: A History of the Women's Movement in Russia. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2024. 680 p. ……... 184

INFORMATION FOR AUTHORS ……... 190

Вестник ТвГУ. Серия «История». 2026. № 3 (79). С. 5–16.

ИСТОРИЯ РОССИИ

УДК 94(47)”10/17”+055.52-055.2+173
DOI 10.26456/vthistory/2026.3.005

К исторической антропологии русского материнства: истоки нравственных традиций женского социального служения

Н.Л. Пушкарева

ФГБУН «Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН», *г. Москва (Россия)*

Отсутствие в современном гуманитарном знании информации о том, как сформировалось традиционное для русской культуры представление о материнстве как о социальном долге, обязательстве, заставило автора статьи восполнить этот пробел. На основе анализа секвенций хрестоматийных текстов древнерусской литературы сделан вывод о том, что тема нравственности материнства императивна для русской идентичности. В ценностных характеристиках русского материнства на первом месте была забота без условий, заступничество, не требующее заслуг. В русской традиции нет истории материнских наказаний, зато есть тема готовности матери терпеть, принимая муки. Материнское в русской культуре превалирует над эротическим, как общественно-важное над индивидуальным. Как ни в одной европейской культуре, в русской материнство приравнено к социальному служению и ассоциировано с готовностью выполнять его, являя равную любовь ко всем детям.

Ключевые слова: *история женщин, материнство в России, антропология материнства, аксиосфера женского, история русской этики, женская повседневность.*

Для современного человека материнство – это рождение себе подобных и взаимодействие с рожденными, т. е., помимо самого акта рождения, это состояние, которое включает в себя педагогику как систему передачи другому поколению статуса, имущества, прав, обязанностей и межпоколенческую трансляцию отношений и смыслов[1]. Материнство для аналитика – это сплетённость социально-психологических, медико-гигиенических аспектов, подходов социальной работы и одновременно констелляция самых

[1] Статья подготовлена в рамках Программы НИР ИЭА РАН «Гендерные исследования городской и сельской повседневности: историко-антропологическая перспектива. 2024–2026.

© Пушкарева Н.Л., 2026

устойчивых из этнокультурных и этноконфессиональных стереотипов, базовая социальная практика, социальные институты которой принадлежат к корневым механизмам воспроизводства культуры.

Концепции материнства всё время остаются в центре живых дискуссий в российском обществе. Их множит сама жизнь. Споры возникают как в связи с нерешённостью старых, можно сказать традиционных, социальных проблем (например, о праве самой женщины решать вопрос о сохранении беременности), так и в связи с появлением проблем новых (например, связанных с суррогатным материнством или разрешением на усыновление/удочерение одиноким людям, не состоящим в браке).

«Материнская тема» в российской историографии «бытописательства». Утверждение о том, что десятилетиями (если не веками!) материнство рассматривалось прежде всего как биологический или, по крайней мере, биологически предопределяемый феномен, в известной степени трюистично. В российской историографии XVIII – начала XX в. о материнстве у разных народов писали уже участники первых академических экспедиций конца XVIII в. (П.С. Паллас, И.П. Фальк, И.И. Лепехин), рассказывавшие о «семейственном» быте, об обрядах и ритуалах, связанных со свадебными благопожеланиями многочадия[2]. В XIX в. Русское географическое общество активно содействовало научному собиранию этнографических описаний быта и нравов разных народов, населявших Российскую империю; при нем работали видные фольклористы И.И. Срезневский и В.И. Даль, собравшие огромный фольклорный материал, отразивший взгляды народа на материнскую любовь и ее отсутствие, на основы материнской педагогики[3]. Во второй половине XIX в. учёные-демократы А.П. Щапов и Г.Н. Потанин, интересовавшиеся «семейственными обычаями» у русских, по-разному оценивали их. А.П. Щапов (а вслед за ним и этнограф Н.А. Костров, и историк-публицист С.С. Шашков) склонен был считать отдаленные земли России заповедником «семейно-родового эгоизма», порождающего деспотизм и низкий уровень нравственной жизни людей вообще и матерей в частности, резко критиковал «грубость их инстинктов»[4]. Г.Н. Потанин думал иначе, считая, что «сохранение старины в обычаях и нравах» есть фактор положительный, и искал рациональные основания строгости народных семейных

[2] *Паллас П.С.* Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб., 1788; Записки путешественника академика Фалька // Полное собрание ученых путешествий по России. Т. 6. СПб., 1824; Записки путешественника академика Лепехина // Там же. Т. 5. СПб., 1822.

[3] *Срезневский И.И.* Роженицы у славян и других языческих народов // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемый Николаем Калачевым. Книги второй, половина первая. М., 1855. С. 97–122.

[4] *Щапов А.П.* Историко-этнографическая организация русского народонаселения // Русское слово. 1865. № 3. С. 1–38; *Костров Н.А.* Юридические обычаи крестьян-старожилов Томской губернии. Томск, 1876; *Шашков С.С.* История русской женщины // Собр. соч. в 2-х тт. Т. 1. СПб., 1898. С. 697–757.

нравов в отношении матери и материнства[5]. Тема нравственных основ семейного быта была затронута в конце XIX в. в труде Д.Н. Жбанкова «Бабья сторона», содержащем описание образа жизни крестьянок Костромской губернии в конце XIX в. Приведённые в конце его книги документы личного происхождения (письма крестьянок) и фольклорные тексты позволили наметить необычный срез исследования темы – восприятие самими матерями-крестьянками своего статуса, своих прав и обязанностей[6]. В известном смысле их дополнили выразительные материалы судебных дел в книге Ф. Покровского[7]; он был первым, кто обратил внимание на особенность русских семейных нравов, издревле характеризуемых обязательностью беспрекословного подчинения взрослых сыновей матерям. Эта тема присутствовала и в исследованиях этнографов, публиковавших статьи в журнале «Живая старина», но общей чертой всех тогдашних описаний была их далёкость от проблем взаимосвязи нравственных устоев и эмоциональной жизни женщин, имеющих детей, а также внутрисемейных отношений родителей и их чад[8].

В этнографической литературе советского времени «материнская тема» (как и этнография родительства) получила освещение ещё меньшее, нежели в литературе дореволюционной. Изучавшие семейный быт исследователи в большей степени интересовались структурой семейно-родовых связей, численностью семей, зависимостью между составом семьи и степенью хозяйственного освоения регионов, нежели трудноуловимыми аспектами частной жизни наших предков, их духовным и эмоциональным миром. На многие десятилетия эта тема была задвинута в отечественных гуманитарных науках и лишь в 1990-е гг. появились фундаментальные работы, посвященные анализу концепций материнского воспитания и ухода за детьми в различных европейских культурах[9], но на современном материале. Благодаря психологам был сделан вывод о том, что «социализирующий потенциал русской семьи определяется функционированием разветвлённой сети взаимо-

[5] См. подроб.: *Зверев В.А*. Дети – отцам замена. Воспроизводство сельского населения Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Новосибирск, 1993.

[6] *Жбанков Д.Н.* Бабья сторона. Статистико-этнографический очерк. Кострома, 1891.

[7] *Покровский Ф.* О семейном положении крестьянской женщины в одной из местностей Костромской губернии по данным волостного суда // Живая старина. 1896. Вып. 3–4. С. 457–476.

[8] *Афиногенов А.О*. Жизнь женского населения Рязанского уезда в период детородной деятельности. Медико-статистическое исследование. СПб., 1903.; *Смирнова М.* Родильные и крестильные обряды крестьян // Этнографическое обозрение (далее – ЭО). 1911. № 1–2. С. 252–253; *Харузина В.Н.* Несколько слов о родильных и крестильных обрядах и об уходе за детьми // ЭО. 1906. № 1. С. 1–79; *Кузнецов Я.О.* Родители и дети по народным пословицам и поговоркам. СПб., 1911.

[9] *Анерт Л., Майшнер Т., Шмидт А., Доскин В.А.* Кросс-культурное исследование взаимодействия с детьми русских и немецких матерей // Вопросы психологии. 1994. № 5. С. 20–30.

действия, в центре которой является мать», о «морально-эмоциональном характере» русских воспитательных концепций[10]. Никто из авторов не касался темы истоков нравственных традиций русских матерей; абсолютное большинство их были типичными биологическими детерминистами. Все они считали, что женщины самой природой созданы для вынашивания, рождения и вскармливания, а следовательно, и воспитания, пока младенец не станет ребенком (см.: *Пушкарева Н.Л.* Статус женщины в Древней Руси и в России Нового времени: Обзор современных исследований // Русь между Востоком и Западом. Культура и общество X–XVII вв. М, 1991. С. 222–242). На этой основополагающей идее были выстроены концепции и античных философов, и средневековых дидактиков, и учёных и общественных деятелей Нового и Новейшего времени.

Антропологический поворот в историографии и модернистские теории. В конце XX в. очевидное, казалось бы, было подвергнуто сомнению. Сомнение исходило со стороны *социального детерминизма* и особенно *социального конструктивизма* – концепций, нашедших многочисленных приверженцев в 60-е и последующие годы XX в. сначала в Европе и США, а затем и в СССР и России. Социальные конструктивисты, к которым ранее других направлений присоединились и сторонницы женской истории, решительно отвергли биологический детерминизм, поставив на первое, приоритетное место детерминизм социальный, сойдясь на том, что не биология, а господствующие ценности и нормы определяют в любом обществе, любой эпохе поведение матери. Социальные детерминисты поставили задачу изучить то, как *конструируется* материнство (а вместе с ним и материнская любовь), т. е. как именно складываются наши представления, связанные с материнством, всё то, что мы вкладываем в содержание этого понятия (см.: *Пушкарева Н.Л.* Материнство в новейших философских и социологических концепциях // Этнографическое обозрение. 1999. № 5. С. 47–59).

Историки женщин развернули эту задачу, призвав изучить старые контрфорсы (самые древние балки) этой конструкции, чтобы понять истоки социального конструирования феномена, подобно тому, как археологи изучают особенности строительства домов, служивших местом жительства много веков тому назад. И речь в этих призывах была не о поиске трансисторической составляющей (хотя многие учёные, не считающие себя социальными конструктивистами, полагают, что, несмотря на всю культурную и историческую обусловленность, такая составляющая существует, поскольку в истории материнства есть нечто постоянное, связанное с женской физиологией и гормональным фоном). Речь шла об изучении возможно большего числа *вариаций* общественного конструирования содержания материнства в разные исторические эпохи.

[10] *Мартынова Э.И.* Материнство и духовный мир женщины // Социальные трансформации и положение женщин в России. Иваново, 1995. С. 143–148.

Каковы были эти вариации в России? Что для неё безусловно характерно и определяет (словами поэта Е. Боратынского) её «лица необщее выраженье»? Для исследователя-гуманитария в этом случае важно (чтобы не потеряться в возникающем океане проблем) постоянно иметь в виду материнство как *этическую ценность*, как некую константу в системе ценностных ориентиров этносов, населяющих Россию, и прежде всего русских. Целью данного исследования является как раз выявление устойчивых паттернов русского материнства как этической ценности.

Этические истоки понимания материнства как социального служения в древнерусской литературе. Лексема «*матерство»* – одна из наиболее ранних, упомянутых словарем древнерусского языка (термин «*матерство»* превратился в «*матер**ин**ство»* не ранее XVII в.). Слово это встречается и в древнейшем письменном памятнике русских – Изборнике Святослава 1076 г., и в Минях-Четьях 1097 г. [11]. «Обычаи матерства» – словосочетание, постоянно присутствующее в учительной литературе и подразумевающее обычай почета, почетное положение женщины, родившей детей. От века к веку, с самых первых лет письменной культуры Древнерусского государства складывались таким образом *нравственные традиции русских, конструирующие материнство как этическую ценность*. О них и пойдёт речь…

Древнерусская философская концепция женственности в значительной мере была выстроена на противопоставлении, отличиях материнства от отцовства[12]. Всякий раз, когда автору необходим был *символ заботливого отношения* правителя к подданным или настоятеля монастыря к монахам, именно образ материнского отношения к объекту заботы был к его услугам[13]. Даниил Заточник – древнерусский книжник, современник Юрия Долгорукого – призывал идеального правителя глядеть на подданного, «аки мать на младенца»[14].

Безусловной нравственной традицией русских с крещением Руси была также *приверженность православию*. При том что утвердилась новая религия не сразу, всё же со времен «Слова о законе и благодати» митрополита Иллариона 1050 г. аллегорическим изображением крещения русов был именно материнский символ – молоко; Илларион, говоря о Крещении, именовал оное «*млеком* благодати»[15].

[11] Словарь русского языка XI–XVII в. Вып. 9. М., 1982. С. 43.

[12] *Рябов О.В.* Русская философия женственности. Иваново, 1999. С. 27–28.

[13] Повесть временных лет / подгот. текста Д.С. Лихачева; пер. Д.С. Лихачева и Б.А. Романова; под ред. чл.-кор. АН СССР В.П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950. Ч. 1. С. 377; ср.: Повесть о Петре и Февронии Муромских // Памятники литературы Древней Руси. Т. VI. М., 1984. С. 643.

[14] Моление Даниила Заточника // Памятники литературы Древней Руси. Т. II (XII век). М., 1982. С. 389, 393.

[15] Слово о законе и благодати // Памятники литературы Древней Руси. Т. II. С. 600.

Материнская любовь «заступницы и молебницы» за всех людей выступала в православном учительстве как неизменное и постоянное, как «божественный покров, заступление и спасение»[16]. Материнское качество заступничества сформировалось, вобрав в себя языческий субстрат – образ матери сырой земли. Тема материнского заступничества – и в русских былинах, и в массе писаных текстов раннего времени: от «Слова о полку Игореве» до «Задонщины» – это абсолютная константа.

Осознание особой мистической связи матери-родительницы Русской земли и Богородицы – этическая ценность, просуществовавшая у русских века. Мать сыра земля и много веков спустя воспринималась как воплощение высших сил. Они могли спасти в случае болезни чада, если связи с матерью сырой землей не были нарушены. В письменные источники эта сторона русской культуры не попала, но была исключительно живучей – по наблюдениям фольклористов, до середины 1960-х гг. в обетных и пронимальных ритуалах спасения младенца (возвращения его из мира мертвых в мир живых через символическую передачу, пронимание через окно или иное отверстие) старшие подсказывали матери, как действовать, что говорить. Такой патронаж позволял женщинам осознать, что ответственность за жизнь младенца лежит не только на матери, что она находится в компетенции Родительницы Бога и Матери сырой земли. Заложена она и в чаяниях верующих сегодняшнего дня, в их просьбах заступиться, понять их заботы, в том числе и в травмирующих социальных правилах современных родильных отделений[17]. В стародавних апокрифах (например, «Хождении Богородицы по мукам», X в.) противопоставление отцовской безжалостности материнскому заступничеству было явлено однозначно и очевидно: пока Всевышний наказывает, ибо всем «должно воздаться по злобе их», Богоматерь не только не наказывает, но, напротив, сама готова принимать муки, одна за всех[18].

Необычайно символично и то, что в русской традиции – в отличие от западноевропейской (подробнее см.: *Пушкарева Н.Л.* Этнография восточных славян в зарубежных исследованиях (1945–1990). СПб., 1997) – образ Родительницы Бога ассоциирован именно с выполнением материнского долга. *Материнство как главный женский долг – часть ценностного мира у русских*. Культ женственности у русского этноса ни в средневековье, ни позже не включал сакрализации поклонения девической красоте[19]. Среди канонизированных лиц женского пола (до XVIII в.) лишь одна девственница –

[16] *Максим Грек* Молитва ко Пресвятой Богородице // Сочинения преподобного Максима Грека в русском переводе. Ч. 3. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1911. Ч.1. С. 278.

[17] Материнство в советской деревне: Ритуалы, дискурсы, практики: в 2 т. Т. 1: Исследование / Сост. Л.В. Голубева, С.О. Куприянова; статья, коммент., подг. текстов Л.В. Голубевой, С.О. Куприяновой; под общ. ред. С.Б. Адоньевой. СПб., 2022. С. 228; *Плюханова М.Б.* Сюжеты и символы Московского царства. СПб., 1995. С. 74.

[18] Хождение Богородицы по мукам // Памятники литературы Древней Руси. Т. XII. М., 1994. С. 289–290.

[19] *Fedotov G.P.* The Russian Religious Mind. V. 1. Kievan Christianity, the 10th to the 13th c. Cambridge, 1966. P. 20.

княжна Евфросинья Полоцкая[20]. Мария в стародавних (да и более поздних) текстах – это не Госпожа, а именно *БогоРодица,* Родительница Бога, исполнившая обет высшим силам – выносившая дитя и тем выполнившая долг. Этот нюанс очень важен для понимания значимости материнства у русских и нашей нравственной системы.

На Западе культ Марии сливался с эротическим подтекстом культа служения Прекрасной Даме. На Руси же отношение к эротике было довольно равнодушным, женщина-мать не могла восприниматься как эротический объект (что очевидно и в изображениях, и в текстах). *Материнское* в русской культуре *превалирует над эротическим* и выдвинуто намного вперед всех других характеристик женственности, будучи заявленным как объект поклонения (см: *Пушкарева Н.Л.* Сексуальная этика в частной жизни древних русов и московитов X–XVII вв. // Секс и эротика в русской традиционной культуре. М., 1996. С. 51–103): «для единой потреби мужу жена сотворена бысть – детородства ради» (Пчела XV в.)[21].

Материнская черта отношения к близким выведена летописцем как обязательный поведенческий паттерн, характерный для выдающихся древнерусских князей Владимира Мономаха и Дмитрия Донского. Оба призывали своих потомков следовать принципу равной любви ко всем подданным – а это материнский принцип, *принцип равного расположения к любым детям,* в то время как принцип отцовской любви – это «любовь по заслугам», «по справедливости»[22].

Примечательно и важно для российской нравственной системы и то, что в ранних древнерусских текстах не было установки на желательность рождения мальчиков; рождение дочери – будущей матери – почиталось не меньше, именовалось удачей, радостью, «честью дому»[23]. Отсутствие же детей считалось в русской народной культуре величайшим несчастьем, «сугубой бранью», сущим кошмаром. Идеалом супружества была, как и во всех традиционных культурах, *многодетность.* Это была нравственная, этическая норма, и женщина в этой системе нравственных координат должна была быть готовой рожать не единожды. Наказанием за желание ограничить число детей были штрафы за самый «помысел» исключить частое рождение чад[24], не го-

[20] *Рябов О.В.* Указ. соч. С. 27–28, *Barker A.M.* The Mother Syndrome in the Russian Folk Imagination. Columbus (OH), 1986. P. 48; *Hubbs J.* Mother Russia: The Feminine Myth in Russian Culture. Bloomington (Indiana), 1988. P. 100.

[21] МДРПД. I (7). Ст. К-72. С. 6; XI. Ст. 3. С. 64; П-1. Ст. 76. С. 16.

[22] *Рябова Т.Б.* Материнская и отцовская любовь в русской средневековой традиции // Женщина в российском обществе. 1996. № 1. С. 30.

[23] Пчела XV в. // Рукописный отдел Российской национальной библиотеки. F. п. 1. № 44. Л. 188 об.

[24] Требник XV в. // Рукописный отдел Российской национальной библиотеки. F. п. 1. № 61. Л. 92 об. – 93 об.

воря уже о вытравлении ребенка с помощью зелий и об оперативных вмешательствах[25]. Это сами женщины, уставшие от частых родов, могли сформулировать присловье «кабы вы детушки, часто сеялись, да реже всходили!», а установкой все же была готовность к частым родам.

С учётом многодетности и требования равного отношения ко всем рождённым наследникам и наследницам, православная этика формировала установку на *безусловное уважение* всеми детьми их матери. «Не забывай матерня труда, еже о чадех печаль и болезнь. Можеши о ней поболети, яко же она о тебе, тем же страхом раболепным послужи еи…»[26] Даже когда чада вырастали и могли претендовать на право самостоятельно определять свою модель поведения, уважение к матери не могло быть поставлено под сомнение; отделение и отдаление от матери нормой никто не считал. Напротив, своеобразием русской традиционной культуры и этики было *уважение (вплоть до подчинения) любому слову матери в любом возрасте*. В основе этой установки особенности эволюции семьи у славян (сохранение многопоколенности вплоть до нынешнего XXI в.). Матриархальный символизм русской культуры отражен и в нашей инвективной лексике. (Инвективы характеризуют русскую культуру как культуру с высоким статусом родственных отношений по материнской линии, ибо только в таких культурах большую роль играют оскорбления матери. Упоминание женских гениталий и отправление ругаемого в зону рождающих органов, символика жеста «кукиш», изображающего женский детородный орган, намеки на то, что «собака спала с твоей матерью», ругательства со значением «я обладал твоей матерью» (в инверсии о распутстве самой матери) – все эти признаки характеризуют особую табуированность именно разговоров о матери и попутно характеризуют значимость «матриархального символизма»[27]). Такой символизм есть прямой антоним и антагонист безмерного уважения, свидетельство особого внимания ко всему материнскому в русской национальной культуре.

Русская история содержит многочисленные примеры если не подчинения сыновей матерям, то сверхуважительного отношения. Взрослые сыновья в русских летописных текстах постоянно спрашивают совета у матерей и следуют материнскому наставлению (Иван III – Мария Ярославна, Михаил Романов – Ксения Юрьевна Шестова), в русской истории примеры зависимости детей от материнского самовластья стали хрестоматийными (как в случае с императрицей Екатериной II и сыном, которого она не допускала к престолу, Павлом Петровичем). Этической нормой в системе русских тра-

[25] *Гальковский Н.* Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. Раздел II // Записки Московского императорского археологического института. Т. XVIII. М., 1912. С. 97.

[26] «Не раздражай матери своее, чадо. Лета свои с кротостью провожай...» (Российский государственный архив древних актов. Ф. 381. № 355. Л. 182–182 об.).

[27] *Isacenko A.V.* Un juron russe du XVIe siecle // Lingua viget. Commentationes slavicae in honorem V. Kiparski. Helsinki, 1964. P. 68–70.

диционных ценностей было признание не просто долговременного, но *вечного главенства матери.* В отличие от западноевропейской юридической ситуации, при которой женщинам разрешалось опекунство лишь с позволения мужчин-родственников по линии умершего супруга, на Руси и в России вдовые матери часто осуществляли сами опекунские полномочия и распоряжались судьбами детей, какого бы возраста те ни были. Экономические рычаги были в женских руках, изъятие их (типа указа Петра Великого о единонаследии, по сути о майорате 1714 г.) действовало недолго (уже в 1732 г. Анна Иоанновна отменила майорат).

Такие взаимоотношения между матерями и взрослыми детьми часто исключали раздоры и очень сплачивали родовые кланы, цементировали их, хотя и могли вести к распылению собственности. Осознанию родового единства способствовала и традиция именовать детей и внуков именами дедов и бабушек[28], пережившая не одно столетие и сохранившаяся вплоть до текущего времени. Обязанностью матери было *воспитание детей в понимании значимости родственной дружбы* и семейной взаимопомощи, умения мириться и прощать друг друга.

Элементом русской нравственной традиции, сформированным еще в допетровские столетия (до начала XVIII в.), но ставшим ясно выраженным тогда, когда появилось женское литературное письмо, стало понимание (трудно выразимое на словах, но понимаемое сердцем) *обязанности рожать и воспитывать*. Это понимание в наибольшей степени по сравнению с иными эмоциональными мотивами заставляло девушек относиться к замужеству как к самому значительному, переломному жизненному рубежу[29]. Приоритет духовного над материальным, вера в то, что мир не без добрых людей и необходимо быть добрыми к миру, нравственные идеалы, воспитанные матерями, – вот темы, которые появились в женских документах личного происхождения в XVIII в. и сохранялись в образованном сословии полтора века.

***

Осмысляя перечисленные выше сугубо русские этические паттерны, можно определить русское материнство как продуктивную любовь, основанную на духовно-нравственных усилиях. Тема нравственности материнства императивна для русской идентичности, нежелание иметь детей, напротив, означалось как безнравственное, а подготовка к материнству составляла содержание девичьего воспитания. Не просто замужество, но именно рождение дитяти заявлялось как главный переломный женский жизненный этап; бездетность выставлялась как наказание за неправедную жизнь.

На первом месте в ценностных характеристиках русского материнства стояла забота без оговоренных условий. Материнское отношение в русской

[28] *Экземплярский А.В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г. Т. 1–2. СПб., 1891.

[29] Российский этнографический музей. Ф. 7. Оп. 1. Д. 48 (Муромский у.). Л. 16–16 об.; Д. 68 (Шуйский у.). Л. 1.

традиции – это заступничество, не требующее заслуг, невзирающее на контекст и обстоятельства. Нет в русской традиции подробной «истории материнских наказаний», зато присутствует тема готовности матери принимать муки, страдать, терпеть. Как ни в одной другой европейской культуре, в русской материнство приравнивалось к женскому долгу. Оно было ассоциировано с готовностью осознавать его как обязанность выполнять эту женскую работу (рожать и воспитывать), являя равную любовь ко всем детям и не обнаруживая преимущественной любви ни к кому, включая дочерей.

Нравственной традицией была и многодетность, как во всех обществах до первого демографического перехода; на многодетность был общественный и экономический запрос, уклонение от выполнения этого запроса было наказуемо, а выполнение поощряемо. «Вечность» главенства матери – характерная черта русской культуры, равно как требование уважения к ее материнскому труду на протяжении всей жизни, подготовка к готовности «кормить ю, егда она оухудеет умом в старости» – характерная отличительная черта «русскости». Всё это индоктринировалось настолько успешно, что в русской культуре даже взрослые дети не только женского, но и мужского пола оставались в материнской «воле», подчинялись материнскому слову (убежденные в том, что материнская обида «искоренит», т. е. лишит собственного потомства). Сохранению семейной памяти по сей день служит традиция именовать детей именами предков (которая в других европейских культурах сохранилась поверхностно).

Многовековая русская культура держится превалированием материнского над эротическим – как общественно-важного над индивидуальным. Материнство в отечественной культуре есть *общественное* служение в противовес рациональному, но именно индивидуальному выбору в культуре европейской.

Список литературы:

1. *Анерт Л., Майшнер Т., Шмидт А., Доскин В.А.* Кросс-культурное исследование взаимодействия с детьми русских и немецких матерей // Вопросы психологии. 1994. N 5. С. 20–30.
2. *Зверев В.А*. Дети - отцам замена. Воспроизводство сельского населения Сибири во второй половине XIX - начале XX в. Новосибирск: Наука, 1993
3. *Мартынова Э.И.* Материнство и духовный мир женщины //Социальные трансформации и положение женщин в России. Иваново: Ивановский государственный университет, 1995. С. 143 - 148
4. *Плюханова М.Б.* Сюжеты и символы Московского царства. СПб.: Акрополь, 1995. С. 74.
5. *Рябов О. В.* Русская философия женственности. Иваново: «Юнона», 1999. С.27-28.
6. *Рябов О. В.* Русская философия женственности. Иваново: Ивановский государственный университет, 1999.
7. *Рябова Т.Б.* Материнская и отцовская любовь в русской средневековой традиции // Женщина в российском обществе. 1996. N 1. С. 30

8. *Смирнова М.* Родильные и крестильные обряды крестьян // Этнографическое обозрение (далее – ЭО). 1911. N 1-2. С. 252-253;

9. *Barker A.M.* The Mother Syndrome in the Russian Folk Imagination. Columbus (OH): Slavica Publishers, 1986.
10. *Fedotov G.P.* The Russian Religious Mind. V. 1. Kievan Christianity, the 10th to the 13th c. Cambridge: Harvard University Press, 1966.
11. *Hubbs J.* Mother Russia: The Feminine Myth in Russian Culture. Bloomington (Indiana): Indianapolis Indiana univ. press, 1988.
12. *Isacenko A.V.* Un juron russe du XVIe siecle // Lingua viget. Commentationes slavicae in honorem V.Kiparski. Helsinki: *Published by n.p.*, 1964. P. 68-70.

Об авторе:

ПУШКАРЕВА Наталья Львовна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра гендерных исследований, ФГБУН Институт этнологии и антропологии им. Н.Н.Миклухо-Маклая РАН (119334, Москва, Ленинский проспект, 32 а). email – pushkarev@mail.ru

To the Historical Anthropology of Russian Mothernity: Origins of Moral Traditions Women's Social Service

N.L. Pushkareva

The Russian Academy of Sciences N.N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology, *Moscow, Russia*

The article concludes that there is no general information in modern humanitarian knowledge about how the traditional Russian culture idea of motherhood as a social service was formed. To fill this gap, a scrupulous analysis of the sequences of textbook texts of ancient Russian literature was carried out. It is concluded that the theme of the morality of motherhood is imperative for Russian identity; ideas about motherhood as a public service as opposed to rational individual choice in European culture have been brought up in the public consciousness for centuries. In the value characteristics of Russian motherhood, care without conditions, intercession that does not require merit, came first. In the Russian tradition there is no history of maternal punishment, but there is a theme of the mother's willingness to accept torment and endure. The maternal in Russian culture prevails over the erotic, as socially important over the individual. Like no other European culture, in Russian motherhood is equated with a social duty and is associated with a willingness to fulfill it, showing equal love for all children.
Keywords: *history of women, motherhood in Russia, anthropology of motherhood, axiosphere of the feminine, history of Russian ethics, women's everyday life.*

About the author:

PUSHKAREVA Natalia Lvovna – Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher, and Director of the Center for Gender Studies, the N.N. Miklukho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences (32a Leninsky Prospekt, Moscow, 119334). Email – push-karev@mail.ru

References:

Ahnert L., Maishner T., Schmidt A., Doskin V.A. *Cross-cultural study of interaction with children of Russian and German mothers* // Questions of psychology. 1994. N 5. P. 20 - 30

Barker A.M. *The Mother Syndrome in the Russian Folk Imagination*. Columbus (OH): Slavica Publishers, 1986.

Fedotov G.P. *The Russian Religious Mind*. V. 1. Kievan Christianity, the 10th to the 13th c. Cambridge: Harvard University Press, 1966.

Hubbs J. *Mother Russia: The Feminine Myth in Russian Culture*. Bloomington (Indiana): Indianapolis Indiana univ. Press, 1988.

Isacenko A.V. *Un juron russe du XVIe siècle* // Lingua viget. Commentationes slavicae in honorem V. Kiparski. Helsinki: Published by n.p., 1964. P.68-70

Martynova E.I. *Motherhood and the spiritual world of a woman // Social transformations and the position of women in Russia.* Ivanovo: Ivanovo State University, 1995. pp. 143 - 148

Plyukhanova M.B. *Subjects and symbols of the Moscow kingdom*. St. Petersburg: Acropolis, 1995.

Pokrovsky F. *On the marital status of a peasant woman in one of the localities of the Kostroma province according to the data of the volost court* // Living Antiquity. 1896. Issue. 3-4. pp. 457-476.

Ryabov O.V. *Russian philosophy of femininity*. Ivanovo: Ivanovo State University, 1999.

Ryabova T.B. *Maternal and paternal love in the Russian medieval tradition* // Woman in Russian society. 1996. N 1. P. 30

Zverev V.A. *Children are substitutes for fathers. Reproduction of the rural population of Siberia in the second half of the 19th - early 20th centuries*. Novosibirsk: Nauka, 1993.

Статья поступила в редакцию 22.06.2026 г.

Подписана в печать 11.09.2026 г.

Вестник ТвГУ. Серия «История». 2026. № 3 (79). С. 17–34.

ИСТОРИЯ РОСИИИ

УДК 94(47)17/18+316.343.32-055.2
DOI 10.26456/vthistory/2026.3.017

Женская память о повседневной жизни провинциальных дворянок в столичных институтах (1764–1850-е годы) [1]

А.В. Белова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», *г. Тверь, Россия*

Статья посвящена проблеме женской памяти о повседневной жизни в дворянских институтах во второй половине XVIII – середине XIX в. в контексте предметных областей антропологии закрытых сообществ и антропологии памяти. Основное внимание уделено соотношению вынужденного подчинения направленному формированию нормативной «женственности» и позднейшего осмысления пережитых эмоциональных опытов детства. Рассматриваются вопросы личностного нивелирования и игнорирования индивидуальных потребностей в авторепрезентациях институтской дворянской повседневности в женской семейной памяти. Выясняются возможности этнологического изучения воспоминаний и нарративов о повседневности детства в закрытых сословных учреждениях как пространствах нормативного социального дисциплинирования и замкнутых женских сообществ.

Ключевые слова: *антропология закрытых сообществ, антропология памяти, женская семейная память, женская автобиографическая память, женская история, дворянки, институтки, женская повседневность*.

Изучение женской памяти о повседневной жизни провинциальных дворянок в столичных институтах относится к предметным областям антропологии закрытых сообществ и антропологии памяти. В фокусе исследования – феномен институтского образования как внедомашнего детства девочек-дворянок, отличий его от семейного воспитания, более направленного формирования стереотипов «женского» поведения, идеалов нормативной «женственности» у представительниц дворянского сообщества в России во второй половине XVIII – середине XIX в. Вместе с тем предметом исследования станет память об эмоциональных переживаниях и опытах, сопряжённых с пребыванием в закрытых воспитательных учреждениях, соотношение внешних санкций и предписаний с внутренними установками и ценностными ориентациями.

[1] Статья подготовлена в рамках проекта РНФ «Женская семейная память в России XVIII–XXI вв.: формы передачи, динамика трансформаций, социальная миссия» (№ 24-18-00212).

© Белова А.В., 2026

Рационалистические и гуманистические принципы, положенные в основу системы российского женского образования, были заимствованы из педагогических воззрений Локка, Руссо, Гельвеция[2], а организация Смольного института напоминала французский *maison royale* в Сен-Сире[3] (*la maison de Saint-Cyr*[4]), учреждённый в 1686 г. Франсуазой маркизой Ментенон, урождённой д'Обиньи (1635–1719), второй, морганатической, женой Людовика XIV, для дочерей бедных дворян[5]. Тем не менее уже в конце XIX в. исследовательница истории женского образования в России Е.О. Лихачева считала ошибочным мнение о том, что «Воспитательное Общество благородных девиц» было «не более как копией Сен-Сира»[6].

Выполнение женскими институтами особых культурных функций с известными оговорками осознавали уже мемуаристки, бывшие воспитанницы институтов. А.В. Стерлигова, урожденная Дубровина (1839 – не ранее 1878), восторженно замечала: «А сколько из них (институток. – *здесь и далее примечание наше, А.Б.*) было достойных матерей, жен, дочерей! Сколько добрых семян рассеяли они в своих и чужих семьях! Сколько из них поддерживали благосостояние семьи, занимаясь образованием своих и чужих детей!»[7] По словам А.Н. Энгельгардт, урожденной Макаровой (1838–1903), «институты играли такую важную роль в деле женского образования, что могут претендовать на историческое значение в русской жизни»[8]. Созвучно высказывалась и Е.Н. Водовозова, урожденная Цевловская (1844–1923): «Институт в прежнее время играл весьма важную роль в жизни нашего общества. Институтки в качестве воспитательниц и учительниц как своих, так и чужих детей очень долго имели огромное влияние на умственное и нравственное развитие целого ряда поколений»[9]. Однако еще более существенна культурно-моделирующая роль женских институтов в отношении самих будущих «воспитательниц и учительниц», направленная на формирование в дво-

[2] Энциклопедический словарь Брокгауз и Ефрон: биографии: в 12 т. Репринт. изд. / отв. ред. В.М. Карев, М.Н. Хитров. М., 1992. Т. 2. С. 212; *Водовозова Е.Н.* На заре жизни // Институтки: воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц / сост., подг. текста и коммент. В.М. Боковой и Л.Г. Сахаровой, вступ. статья А.Ф. Белоусова. М., 2001. С. 217.

[3] *Ржевская Г.И.* Памятные записки // Институтки... С. 41; *Глинка С.* Кадетский корпус // Русский быт по воспоминаниям современников: XVIII век. Время Екатерины II: сб. отрывков из записок, воспоминаний и писем / сост.: П.Е. Мельгунова, К.В. Сивков, Н.П. Сидоров. М., 1923. Ч. II. Вып. 3. С. 92.

[4] *Сен-Симон.* Мемуары: избр. отрывки / на фр. языке. Сост.: Л.Я. Гинзбург, Э.Л. Линецкая; автор предисл. Л.Я. Гинзбург; автор коммент. О.С. Заботкина. М., 1976. Т. I. С. 107.

[5] Подробнее см.: *Лихачева Е.О.* Материалы для истории женского образования в России (1086–1856). СПб., 1899. Ч. 1. С. 83–92.

[6] Там же. С. 133.

[7] *Стерлигова А.В.* Воспоминания // Институтки... С. 93.

[8] *Энгельгардт А.Н.* Очерки институтской жизни былого времени // Институтки... С. 131.

[9] *Водовозова Е.Н.* Указ. соч. С. 217.

рянских девочках осознанного соответствия принятому стандарту «женственности». Как подчёркивала мемуаристка А.В. Стерлигова, «они (родители)… радовались, что дочери их получают образование, подобающее высшей касте, будут себя держать прилично в обществе, говорить на иностранных языках, танцевать и пр., а не для того, чтобы добывать себе кусок хлеба, как в настоящее время»[10]. Тем самым они выражали расхожее представление о том, что дворянки учились не для того, чтобы уметь зарабатывать себе на жизнь и самим себя обеспечивать.

Для уяснения культурной специфики женских институтов важно рассматривать их не только как собственно учебные заведения, реализовывавшие определенные идейные и идеологические установки и организованные соответствующим образом, но и как своеобразные «локусы повседневности» дворянских девочек/девушек, влиявшие на их психологию, мировоззрение и весь последующий образ жизни. В связи с этим исследователи выделяют институток как особый «тип русской женщины»[11] или «новый тип русской светской женщины»[12], маркируя их как образованных и вместе с тем плохо ориентировавшихся в реалиях повседневной жизни. Сами мемуаристки-выпускницы приписывали «славу о непрактичности институтского образования» «плеяде тупоумных патентованных дур», которые «ничего не делали, ничему не учились»[13].

Согласно составленному Бецким и утверждённому Екатериной II 12 марта 1764 г. «Генеральному учреждению о воспитании обоего пола юношества», институтское образование основывалось на постоянном пребывании дворянских девочек/девушек в возрасте в среднем от шести до восемнадцати лет в специальном закрытом учебном заведении[14]. Реализуемую при этом цель можно сформулировать как смену парадигмы воспитания, провозглашенную формулой И.И. Бецкого о необходимости создания «новой породы или новых отцов и матерей»[15]. Своеобразным залогом успешного функционирования вводимой воспитательной модели должно было стать ограничение не только повседневных, но и эпизодических контактов юных дворянок с их родителями, которым отказывали в достойной подражания добродетельности. Интеллектуальное и нравственное развитие дворянских девочек должно было совершаться в отрыве от семей в духе известных добродетелей «века Просвещения». Проект женского институтского образования, как и многие другие из числа санкционированных Екатериной II, был

[10] *Стерлигова А.В.* Указ. соч. С. 92.

[11] *Михневич В.О.* Русская женщина XVIII столетия: репринт. воспр. изд. 1895 г. М., 1990. С. 119.

[12] *Белоусов А.Ф.* Институтка // Школьный быт и фольклор: учеб. мат-л по русскому фольклору: в 2 ч. / сост. А.Ф. Белоусов; отв. ред. С.Н. Митюрев. Таллинн, 1992. Ч. 2: Девичья культура. С. 143.

[13] *Стерлигова А.В.* Указ. соч. С. 93.

[14] Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб., 1830 (далее – ПСЗ. 1). Т. XVI. № 12103. С. 670.

[15] Там же. С. 669.

рассчитан, в первую очередь, на публичный резонанс и одобрение европейских «экспертов». Этой цели российская императрица – «поклонница Франции и последовательница философов»[16] – достигла и, принимая похвалу от Вольтера, Гримма, Дидро[17], несомненно, больше заботилась о собственной репутации «просвещенной» государыни, нежели о противоречии новой концепции сохранявшимся в дворянской среде традициям воспитания.

Институтские уставы обязывали родителей не забирать дочерей до окончания установленного срока обучения. В Смольном этот срок был сокращен с двенадцати до девяти[18] лет лишь в самом конце XVIII в. в связи с переходом женских образовательных учреждений в ведение императрицы Марии Федоровны[19]. Посещения же родителями дочерей в стенах института допускались не часто, были строго регламентированы, происходили в определенные дни в присутствии начальницы или одной из классных дам[20]. Провинциальные дворяне, жившие в удалении от столицы и зачастую стесненные в средствах, были не в состоянии часто навещать воспитывавшихся в институтах дочерей, что приводило к их многолетнему отрыву от семей. При помещении их как в Смольный, так и в Екатерининские институты родители и другие родственники принимали на себя обязательства «по собственному своему произволению»[21] не забирать их оттуда «для каких бы то причин нибыло»[22] в течение всего срока получения ими образования. Бывшая выпускница «Екатерининского петербургского института»[23], мемуаристка А.В. Стерлигова, воспитывавшаяся в нем в 1850–1856 гг.[24], т. е. с одиннадцати до семнадцати лет, позднее писала: «В наше время домой не отпускали, разве только опасно больных, с разрешения Императрицы; поэтому все шесть лет мы проводили вместе, без перерыва…»[25]. Тем самым юных дворянок стремились оградить от пагубного воздействия среды, связанного, по мнению мемуаристок, с «ужасами крепостничества», «пошлостью чиновничества»[26], «зловредными влияниями семьи»[27], «произволом помещиков», «развратом в

[16] *Tulard J., Fayard J.-F., Fierro A.* Histoire et dictionnaire de la Revolution francaise 1789–1799. Paris, 1987. P. 628.

[17] *Михневич В.О.* Указ. соч. С. 105.

[18] Государственный архив Тверской области (далее – ГАТО). Ф. 1233. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

[19] См.: *Демков М.И.* Очерки по истории русской педагогики. М., 1909. С. 60–61; *Белоусов А.Ф.* Указ. соч. С. 120; *Озерская Ф.С.* Женское образование // Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР: XVIII – первая половина XIX в. / отв. ред. М.Ф. Шабаева. М., 1973. Раздел 3. Гл. XIV. С. 258.

[20] *Семенов-Тян-Шанский П.П.* Детство и юность // Русские мемуары. Избранные страницы. (1826–1856) / сост., вступ. ст., биогр. очерки и примеч. И.И. Подольской. М., 1990. С. 447–448; *Стерлигова А.В.* Указ. соч. С. 96, 100–101.

[21] ПСЗ. 1. Т. XVI. № 12154. С. 743.

[22] ГАТО. Ф. 704. Оп. 1. Д. 33. Л. 4.

[23] *Стерлигова А.В.* Указ. соч. С. 79.

[24] См.: Там же. С. 69, 92.

[25] Там же. С. 92.

[26] *Энгельгардт А.Н.* Указ. соч. С. 211.

[27] *Энгельгардт А.Н.* Указ. соч. С. 212.

помещичьих домах», в которых «содержались целые гаремы крепостных девок, когда пиры сопровождались невообразимым разгулом, пьянством, драками, грубою бранью, когда из конюшен раздавались отчаянные крики засекаемых крестьян. Разлучая дочерей с подобными родителями, институт спасал их от нравственной гибели»[28].

Юные воспитанницы институтов обычно тяжело переносили смену привычной домашней обстановки, а главное, разлуку с родителями, родственниками и знакомыми: «Я… плакала неутешно, вспоминая своих и свой родной дом»[29]; «Когда после ужина мы пришли в дортуар… оцепенение, в котором я находилась целый день, уступило место страшной, жгучей боли. Я принялась рыдать и рыдала долго, неутешно. Так закончился первый день моего пребывания в институте»[30]. Однако на некоторых девочек, как, например, на родственницу дворянки Новоторжского уезда Тверской губернии Прасковьи Ниловны Аболешевой, Лилю, царившая в институте атмосфера производила благоприятное впечатление, побуждая в письмах к родным одобрительно отзываться о своей институтской жизни и о новом окружении, в котором предстояло вращаться в течение последующих лет: «…получила и от нее (Лили) очень коротенькое письмо. Пишет что она всем и всеми в Институте довольна, воспитанницы с которыми она во 2м отделении теперь будет есть очень милые дамы класныя и учителя хорошие»[31]. Хотя в данном случае возможно и другое объяснение. Принятая в России практика перлюстрации писем воспроизводилась на локальном уровне женских институтов. Как вспоминала А.В. Стерлигова, «нераспечатанное письмо никогда не отдавалось воспитаннице»[32]. Разумеется, письма, написанные институтками, также просматривались классной дамой, а иногда она прямо говорила, что именно следует написать родственникам. Только в записочках, передаваемых с посетителями, девочки могли более или менее откровенно выражать свои настроения и впечатления. Екатерина Самарина наставляла в письме от 20 августа 1825 г. свою дочь-институтку «друга Вариньку»: «… теперь с папинькай загатов писмы к сестрам пабольше, и Милая Саша верно будет писать к кузинам…»[33].

Особенно усилилась внутренняя цензура в институтах в середине XIX в. в связи с происходившими в стране политическими событиями и ужесточением идеологических запретов. Так, во время Крымской войны 1853–1856 гг. воспитанницы вынуждены были довольствоваться («ведь у каждой из нас болело сердце за близких родных или знакомых»[34])

[28] *Водовозова Е.Н.* Указ. соч. С. 314.
[29] *Стерлигова А.В.* Указ. соч. С. 83.
[30] *Энгельгардт А.Н.* Указ. соч. С. 141.
[31] ГАТО. Ф. 1022. Оп. 1. Д. 23. Л. 1.
[32] *Стерлигова А.В.* Указ. соч. С. 120.
[33] Российский государственный архив древних актов. Ф. 1277. Оп. 2. Д. 14. Л. 2.
[34] *Стерлигова А.В.* Указ. соч. С. 116.

«слухами»[35] вместо получения достоверной информации через переписку. По словам А.В. Стерлиговой, «письма, посылаемые оттуда (с войны), не отдавались нам и большей частию пропадали, что я испытала на себе»[36]. Однако в предшествующий период, до 1828 г., пока женские образовательные учреждения состояли в ведении не IV отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, а императрицы Марии Федоровны, она не только не чинила препятствий переписке девочек с родственниками, участвовавшими в военных действиях, но и лично содействовала надежной доставке писем. Её фрейлина, мемуаристка М.С. Муханова (1802–1882), замечала: «Когда настала вторая Турецкая война (русско-турецкая война 1828–1829 гг.), она (Вдовствующая Императрица Мария Федоровна) приезжала в институт, в Смольный монастырь и собирала там письма воспитанниц, чтобы с курьером вернее доставлять к их родным»[37]. Письма оставались, по существу, единственной связующей нитью девочек с домом, с родителями, по которым многие сильно тосковали и зачастую только в эпистолярном общении могли поделиться этими переживаниями. Что касается большинства девочек, именно продолжительное пребывание вдали от семьи заставляло их особенно остро ощущать свои «корни», учило по-настоящему ценить и любить близких. Как выразилась А.Н. Энгельгардт, «семью любили, очень любили; она была чем-то священным, чего не касалась ничья критика, и в этом отношении институтки, беспощадные во всех других случаях друг к другу, выказывали замечательную, необыкновенную, изящную деликатность»[38].

Не всегда воспитанницы закрытых учебных заведений компенсировали недостаток семейного тепла и родственного общения добрым обращением друг с другом. Судя по воспоминаниям институток, взаимоотношения между девочками разного возраста и социального происхождения определялись оппозицией «дразнить»[39] – «обожать»[40]. А.Н. Энгельгардт, называя «пресловутое обожание» «в высшей степени глупым, хотя, в сущности, весьма невинным обычаем»[41], настойчиво отрицала в нём что-либо «двусмысленное и порочное»[42].

Тем не менее мемуаристки указывали на позитивное отличие от мужских корпусов, школ и училищ в обращении с «новопринятыми» в женских институтах: «В противность мужским учебным заведениям, где принято *новичков* обижать, бить и чинить над ними всякие каверзы, в

[35] Там же.

[36] Там же. С. 120.

[37] *Муханова М.С.* Из записок Марии Сергеевны Мухановой // Русский архив. 1878. Кн. 1. Вып. 3. С. 299–329. С. 306.

[38] *Энгельгардт А.Н.* Указ. соч. С. 209.

[39] *Водовозова Е.Н.* Указ. соч. С. 311.

[40] Там же. С. 256–257.

[41] *Энгельгардт А.Н.* Указ. соч. С. 163.

[42] Там же. С. 165.

институте с *новенькими* обращались вежливо, говорили им *"вы"* и оберегали от неприятностей. Сами воспитанницы наблюдали за этим, и беда, если какая-нибудь девочка осмеливалась обидеть *словом* новенькую (voies de fait (побоев) не существовало вовсе ни для новеньких, ни для стареньких; всякая ручная расправа была противна институтским понятиям, институтскому духу и навлекла бы на виновную такую бурю и такую гонку со стороны товарищества, что самые строптивые вели себя безукоризненно в этом отношении), то все остальные налетали на нее разом и осаживали словами: "Как вам не стыдно, разве вы забыли, что она новенькая!"» (курсив – А.Н. Энгельгардт)[43]. Свидетельство П.П. Семенова-Тян-Шанского, воспитанника «школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров»[44], подтверждает и конкретизирует замечание А.Н. Энгельгардт относительно «неуставных» взаимоотношений в мужских учебных заведениях в России середины XIX в.: «доходившее до бесчеловечности приставание к новичкам»[45]. Различное обращение с «новенькими» в женских и с «новичками» в мужских закрытых учебных заведениях указывает на особые механизмы адаптации в сообщества дворянских девочек и мальчиков. В первом случае речь шла о горизонтальной опеке, адаптации на основе уподобления, предполагавшей сделать «новенькую» «своей», введя её «в курс дела». При этом преимущественная позиция «стареньких» проявлялась в символическом престиже обладания знанием «внутренних законов» и в возможности через назидание ощутить и продемонстрировать свое более высокое положение в замкнутом сообществе, осознавая себя стоящими «над» кем-то, чей статус ввиду некомпетентности воспринимался как более низкий. Во втором случае имела место вертикальная иерархия, адаптация на основе противопоставления, вследствие которой «своим» становился тот, кто сумел «завоевать» себе право считаться членом «мужского» сообщества. Завоевание же этого права было сопряжено с преодолением посредством силового противодействия статуса не «обучаемого», а открыто «депривируемого». При этом доказательством состоятельности «неофита» служили проявленные им дерзость и нежелание мириться со своей маргинальной позицией, физическое превосходство над «неновичками» или, по крайней мере, равенство сил с ними.

Между обучавшимися дворянками-сверстницами могли с самого начала устанавливаться вполне доброжелательные и даже дружеские отношения[46]. Своеобразной проверкой этих отношений становились наиболее критические и трагические моменты в жизни юных воспитанниц[47]. В отдельных случаях дружба между институтками сохранялась и после

[43] *Энгельгардт А.Н.* Указ. соч. С. 141.
[44] *Семенов-Тян-Шанский П.П.* Указ. соч. С. 459.
[45] Там же. С. 463–464.
[46] *Семенов-Тян-Шанский П.П.* Указ. соч. С. 442.
[47] ГАТО. Ф. 1016. Оп. 1. Д. 45. Л. 81 об.

окончания учебного заведения и даже переносилась на членов семьи[48]. Значение дружеских отношений, завязывавшихся в стенах института, было настолько велико, что они поддерживались по прошествии многих лет, даже десятилетий, после выпуска[49]. Некоторые выпускницы продолжали переписываться, несмотря на разделявшее их расстояние, жизненные обстоятельства, различия в последующем образе жизни[50], упоминали о посещавших их воспоминаниях о тех, с кем они дружили в институте[51]. Мемуаристка А.В. Стерлигова обращала внимание на особое чувство социальной взаимопомощи и поддержки, развитое у бывших воспитанниц закрытых заведений, некоторые из которых, ввиду своего статуса, могли оказывать неформальное влияние и содействие в решении жизненно важных вопросов менее «удачливым» соученицам[52]. Образ самого института был окружен в памяти его бывших воспитанниц своеобразным романтическим ореолом. А.В. Кафтыревой по прошествии почти 20 лет со времени выхода её из «Воспитательного Общества благородных девиц», или, иначе, Смольного монастыря, была присуща, по словам Софьи Капцевичевой, «любовь ко всему монастырскому»[53].

Институтская повседневность регулировалась не только светскими, но и религиозными устоями. «Смольнянка» (термин А.В. Стерлиговой)[54] Е.Н. Водовозова подтверждала: «Наше воспитание отличалось строго религиозным характером»[55]. Особое внимание уделялось исполнению воспитанницами ежедневного молитвенного правила – утренней молитвы до начала занятий и вечерней перед отходом ко сну[56]. Продолжительность сна зависела от возраста девочек/девушек и составляла для первого класса 9 часов, для второго – 8, для третьего – 7½, для четвертого – 6½[57]. Вне зависимости от возраста все воспитанницы должны были подниматься утром в одно и то же время[58], причём достаточно рано – в 6 часов[59]. Как и ранние подъемы

[48] *Ржевская Г.И.* Указ. соч. С. 42.
[49] ГАТО. Ф. 1233. Оп. 1. Д. 2. Л. 67 об.
[50] Там же. Ф. 103. Оп. 1. Д. 1389. Л. 1–14 об.
[51] Там же. Л. 9 об.
[52] *Стерлигова А.В.* Указ. соч. С. 126.
[53] ГАТО. Ф. 1233. Оп. 1. Д. 2. Л. 94.
[54] *Стерлигова А.В.* Указ. соч. С. 114.
[55] *Водовозова Е.Н.* Указ. соч. С. 302.
[56] *Ржевская Г.И.* Указ. соч. С. 38; *Стерлигова А.В.* Указ. соч. С. 85–86; *Энгельгардт А.Н.* Указ. соч. С. 143–144; *Водовозова Е.Н.* Указ. соч. С. 227, 243, 245.
[57] ПСЗ. 1. Т. XVI. № 12154. С. 754.
[58] Там же.
[59] Воспоминания воспитанницы XVIII выпуска Софии Черевиной, по замужеству Родзянко, от декабря 1847 до февраля 1853 г. СПб., 1898. С. 5; *Стерлигова А.В.* Указ. соч. С. 83; *Энгельгардт А.Н.* Указ. соч. С. 142; *Водовозова Е.Н.* Указ. соч. С. 242–243; *Лотман Ю.М.* Беседы о русской культуре... С. 82.

девочек, воспитывавшихся дома и занимавшихся с гувернантками, институтские «пробуждения» также воспринимались неизменно негативно и оставались едва ли не самым неприятным детским впечатлением[60].

Мемуаристки, воспитанницы петербургского (А.В. Стерлигова) и московского (А.Н. Энгельгардт) Екатерининского и Смольного (Е.Н. Водовозова) институтов, в унисон сокрушались о невозможности привыкнуть к дисциплинирующе-репрессирующему воздействию «раннего вставания». Однако, несмотря на негативное отношение и нервирующее влияние на психику, такое начало дня со временем непроизвольно входило в привычку девочек, повседневная жизнь которых с детства подчинялась устойчивому, «жесткому» распорядку («И так неизменно, изо дня в день, как заведенные часы»[61]). Впоследствии эта привычка оказывалась востребованной во взрослом возрасте, особенно при ведении хозяйства[62].

За время пребывания в Смольном и Екатерининском институтах дворянские девочки / девушки приучались совершать как частную, так и общественную молитву, посещая храм в воскресные и праздничные дни[63]. Госпожи надзирательницы и учительницы строго следили за тем, чтобы они соблюдали правила благочестивого поведения в храме, не разговаривали, «стояли бы со страхом и с должным благочинием»[64]. Институтские уставы предписывали наставницам проявлять в этом случае ещё большую твёрдость к своим подопечным, чем вне стен церкви, где девочки подвергались «выговорам и замечаниям», по словам А.В. Стерлиговой, «иногда за такие пустяки, о которых не стоило и говорить»[65].

Воспитание в женских институтах предполагало повседневный контроль над поведением девочек, санкционировало одобрение или порицание каждого конкретного поступка с их стороны. Как и в большинстве закрытых обществ и сообществ, регулирование поведения в них осуществлялось по типу, названному одной из виднейших представительниц американской культурной антропологии Рут Фултон Бенедикт (*Ruth F. Benedict*, 1887–1948) *shame-culture*, или «культурой стыда»[66]. Нарушительница подвергалась публичному осуждению и должна была испытывать стыд, будучи наказанной в назидание другим воспитанницам, свидетельницам её «недостойного» поведения[67]. В этом смысле домашнее воспитание было более «мягким», за исключением стратегий, использовавшихся гувернантками и

[60] *Стерлигова А.В.* Указ. соч. С. 83; *Энгельгардт А.Н.* Указ. соч. С. 142; *Водовозова Е.Н.* Указ. соч. С. 242–243.

[61] *Энгельгардт А.Н.* Указ. соч. С. 144.

[62] ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 1389. Л. 10 об.–6.

[63] ПСЗ. 1. Т. XVI. № 12154. С. 750; *Стерлигова А.В.* Указ. соч. С. 96, 99; *Водовозова Е.Н.* Указ. соч. С. 303.

[64] ПСЗ. 1. Т. XVI. № 12154. С. 750.

[65] *Стерлигова А.В.* Указ. соч. С. 114.

[66] *Бенедикт Р.* Хризантема и меч: модели японской культуры / пер. с англ. М., 2004.

[67] *Стерлигова А.В.* Указ. соч. С. 115.

направленных также на публичное «пристыжение» подопечной[68]. Аналогичные меры педагогического воздействия на девочек практиковались и в институтах[69].

Такие воспитательные стратегии и формы контроля за поведением институток были направлены на их личностное нивелирование и принудительную социализацию, которые, в свою очередь, обеспечивали управляемость сообщества, более лёгкое манипулирование им. По поводу этого Е.Н. Водовозова писала: «Муштровка и дисциплина приводили воспитанниц к одному знаменателю, стирали индивидуальность, делали институток похожими друг на друга не только манерами, но, за небольшими исключениями, даже характерами и вкусами, вырабатывали из них созданий, «к добру и злу постыдно равнодушных», лишенных воли, энергии, и прежде всего какой бы то ни было инициативы. Начальство *сознательно стремилось обезличивать* их, – с такими ему *легче было справляться*… (курсив мой. – *А.Б.*)»[70]. О «нравственной и умственной муштровке, которой подвергалась личность как со стороны начальства, так и со стороны самого товарищества» писала и А.Н. Энгельгардт[71]. «Стирание индивидуальности» и «стремление обезличить» дворянских девочек приводило к тому, что они начинали ощущать себя не то что не личностями, но «каким-то несчастным, ничтожным созданием, каким-то червяком»[72], «манекеном… слабым, беспомощным, бесполезным, беззащитным существом»[73]. «Чувство нравственной беспомощности, – по словам А.Н. Энгельгардт, – бессознательно овладевало каждым ребенком» и делало его конформным институтскому режиму, психологической основой поддержания которого был страх, облекавшийся порой в мистическую форму[74]. Возникает вопрос: какие же позитивные уроки могли вынести из ранних опытов подчиненного детства институтки-дворянки? Маленькие девочки без всякой психологической поддержки близких им взрослых должны были сами учиться отстаивать себя, что удавалось, как показала А.Н. Энгельгардт, далеко не всем: «Многие платились болезнью за переживаемое потрясение; иные портились нравственно и превращались в гнусных, подленьких, заискивающих существ»[75]. Те воспитанницы, которые справлялись с задачей сохранения собственной личности[76] в условиях многолетнего прессинга институтской повседневности, очевидно, обретали опыт рефлексивного и критического отношения к себе и к действительности.

[68] *Ковалевская С.В.* Воспоминания детства // *Ковалевская С.В.* Воспоминания. Повести / отв. ред. П.Я. Кочина. М., 1974. С. 29.

[69] *Водовозова Е.Н.* Указ. соч. С. 227.

[70] Там же. С. 313.

[71] *Энгельгардт А.Н.* Указ. соч. С. 135.

[72] Там же.

[73] *Водовозова Е.Н.* Указ. соч. С. 310.

[74] *Энгельгардт А.Н.* Указ. соч. С. 134–135.

[75] Там же. С. 135.

[76] Там же. С. 212.

Помимо совершения молитв и посещения храма, религиозное воспитание юных дворянок включало в себя соблюдение постов[77], хотя в «Уставе» Смольного на этот счёт не было никаких предписаний. Мемуаристка Е.Н. Водовозова отмечала пагубное влияние «недостаточности пищи и изнурительности постов» на детское здоровье, в результате чего «в Великом посту однажды, – по её словам, – более половины институток было отправлено в лазарет»[78]. Для части дворянских девочек усвоенные в институте уроки благочестия, включая и основы христианского вероучения в доступной детскому пониманию форме, и образцы поведения, становились начальным этапом на пути последующего духовного совершенствования. Е.Н. Водовозова утверждала: «Религиозное воспитание, получаемое нами, состояло как в теоретическом изучении обширного курса Закона Божия, так и в практическом применении к жизни предписаний православной религии, из которых на первом месте стояли строгое соблюдение постов и чрезвычайно частое посещение церкви»[79]. Однако формализм и игнорирование возрастных и психологических особенностей девочек зачастую приводили к результатам, противоположным ожидаемым: от выстаивания долгих церковных служб воспитанницы падали в обморок, симулировали болезни или «дурноту», «чтобы избавиться от посещения церкви», «устанавливали очередь» на пропуск богослужений[80]. Следствием этого становилась своего рода профанация конфессионального воспитания, что, по словам мемуаристки, «содействовало только нравственной порче и полному индифферентизму к религии». Религиозность утрачивали «даже те, которые с таким благоговением и трепетом приступали к причастию в первый год своей институтской жизни, перед последним причастием уже грызли шоколад, нередко делая это демонстративно и громко высмеивая религиозные обряды»[81].

Тем не менее для некоторых девочек (пусть и малой их части, по наблюдению Е.Н. Водовозовой) получение элементов духовного воспитания в стенах Смольного всё-таки способствовало укоренению в них религиозной настроенности, сохранявшейся в течение последующей взрослой жизни. Письма бывших смолянок (например, М.Л. Манзей, А.В. Кафтыревой, М.А. Волковой) отражают вполне уважительное отношение к религии, православное мироощущение их авторов и определявшийся этим мироощущением образ жизни, реалиями которого наряду со светской обыденностью были частые посещения храмов и монастырей, причащения, дела милосердия и др.

[77] ГАТО. Ф. 1016. Оп. 1. Д. 45. Л. 8; *Стерлигова А.В.* Указ. соч. С. 101; *Водовозова Е.Н.* Указ. соч. С. 246, 302.

[78] *Водовозова Е.Н.* Указ. соч. С. 246.

[79] Там же. С. 302.

[80] Там же. С. 303.

[81] Там же.

Как замечала А.Н. Энгельгардт, «многие воспитанницы страдали от голода»[82] по причине недостаточности и малой калорийности рациона, не покрывавшего потребностей растущего детского организма[83]. «Подспорьем» голодавших институток становились черный хлеб и квас, однако их употребляли не все. А.В. Стерлигова считала «черный хлеб» не только не «дворянской» пищей, но одним из видов наказаний прислуги. Неприятие данной пищи было связано как с отсутствием физиологической привычки к ее употреблению, так и с ценностным отторжением ввиду ее уничижительности для дворянок. Вынуждая девочек заглушать голод неподобающими «квасом да черным хлебом» и тем самым преодолевать внутренние барьеры, институтское начальство заставляло их сознавать свою зависимость, внушало чувство вины. Позднее А.Н. Энгельгардт вспоминала в письме к дочери, что «по целым годам никогда не была сыта» и что «от недостатка питания» у нее «было самое хилое, самое чахлое детство»[84]. Дворянка передавала свои детские ощущения: «… мне казалось, что быть вполне сытой достаточно для счастья человека»[85].

Не только недостаточное питание и несбалансированный рацион причиняли ущерб здоровью институток, но и освоение некоторых дисциплин. Навыки шитья оценивались мемуаристкой Е.Н. Водовозовой не менее пессимистически, чем «обучение кулинарному искусству»[86]: «Что же касается рукоделия, то громадное большинство кончало курс, выучившись одному или двум швам»[87]. При этом «от продолжительного сидения в согнутом положении при вышивании по канве», по наблюдению лейб-медика Маркуса, среди институток встречалось «немало случаев искривления позвоночного столба»[88]. Акцент делался на «естественное предназначение» – самым старшим воспитанницам надлежало участвовать в обучении «первых классов девиц», поскольку считалось, что они «от сей практики навыкнут заблаговременно, как им будучи матерями обучать детей своих, и в собственном своем воспитании найдут себе великое вспоможение, в каком бы состоянии им жить ни случилось»[89].

Институткам внушали жесткие этические требования, формировавшие и внешние запреты, и внутренние ограничения, которые должны были удерживать их от любых чувственных порывов. Е.Н. Водовозова сохранила в памяти предостережение-угрозу дяди в свой адрес, когда её старшего брата, навестившего её в Смольном, классная дама ошибочно приняла за постороннего офицера, друга младшего брата, которого, в отличие от первого, она знала в лицо: «Но если в твою головенку когда-нибудь заползет

[82] *Энгельгардт А.Н.* Указ. соч. С. 148.
[83] Там же. С. 148–149.
[84] См.: *Бокова В.М., Сахарова Л.Г.* Комментарии // Институтки... С. 531.
[85] Там же.
[86] *Водовозова Е.Н.* Указ. соч. С. 304.
[87] Там же. С. 306.
[88] Там же. С. 314.
[89] ПСЗ. 1. Т. XVI. № 12154. С. 751.

дикое и пошлое желание на самом деле поцеловать чужого мужчину, в чем тебя заподозрила mademoiselle Тюфяева, потому что у тебя чертики бегают в глазах... берегись! Тогда... тебя не придется и исключать из института... О нет, я этого не допущу! Понимаешь ли ты... я этого никогда не допущу! (При этом он страшно расширил глаза.) Я в ту же минуту явлюсь сюда и своими руками... своими собственными руками оторву тебе голову... задушу... убью!»[90] Поскольку общественные ожидания от воспитания девушек сводились к тому, «чтобы блюсти за… нравственностью!»[91], все, что касалось сексуальной сферы жизни, табуировалось, и, следовательно, даже помышление о возможном нарушении этих запретов порождало у них подспудное чувство вины, не говоря уже о получении информации и опыта.

Особенно гипертрофированные представления о стыде и чести были присущи институткам как членам замкнутого девического сообщества, имевшего свои особые идеалы и ценности («секреты!»[92], по выражению институтского доктора) и вместе с тем бдительно следившего за соблюдением нормативных социальных ограничений. Е.Н. Водовозова описала произошедший с ней инцидент падения с лестницы, вследствие чего у нее «шея и грудь… распухли и покрылись кровоподтеками», и она испытывала «мучительную боль в груди»[93]. Тем не менее её институтские «подруги» считали зазорным не только для нее, но и для всего «девичьего сообщества» обращение за медицинской помощью: «… они потолковали между собой по этому поводу и единогласно пришли к мысли, что при таком положении для меня немыслимо идти в лазарет: перед доктором придется обнажить грудь, и этим я не только опозорю себя, но и весь выпускной класс. Это обстоятельство, рассуждали они, должно заставить каждую порядочную девушку вынести всевозможные мучения скорее, чем идти в лазарет. То одна, то другая задавала мне вопрос: неужели у меня не хватит твердости характера вынести боль? Я, конечно, вполне разделяла мнение и взгляды моих подруг на вопросы чести, но не могла им отвечать как от головокружения, так и от смертельной обиды на них за то, что они могут сомневаться во мне по такому элементарному вопросу, как честь девушки»[94]. Несмотря на то, что ей «становилось все хуже», подругам в течение трех дней удавалось «скрывать» болезнь, о которой стало известно «дежурной даме», заподозрившей неладное, только после того, как девушка у нее на глазах «упала без чувств»[95]. Помещённой в лазарет и пролежавшей одиннадцать дней без сознания Водовозовой в конце концов была «сделана операция», за которой последовал длительный период лечения. Тяжелое физическое состояние повлекло за собой временную девальвацию, в представлении девушки, социальных предписаний, тяготевших над ней при удовлетворительном самочувствии: «Прошло уже около двух месяцев, как

[90] *Водовозова Е.Н.* Указ. соч. С. 293.
[91] Там же. С. 293.
[92] Там же. С. 299.
[93] Там же. С. 297.
[94] Там же. С. 297.
[95] Там же. С. 298–299.

меня принесли в лазарет, а я была так слаба, что не могла сидеть и в постели. Тупое равнодушие овладело мною в такой степени, что мне не приходила даже в голову мысль о том позоре, которому я, по институтским понятиям, подвергала себя при ежедневных перевязках, когда доктора обнажали мою грудь; не терзалась я и беспокойством о том, как должны были краснеть за меня подруги. Кстати замечу, что, по тогдашнему способу лечения, мою рану не заживляли более двух месяцев, и я носила фонтанель»[96]. Фонтанель (от франц. *fontanelle* – родничок, маленький источник) означал «искусственно вызванное нагноение; глубокий надрез на коже, куда закладывали горошину, кусок марли и т. п.» Считалось, что, «мобилизуя защитные средства организма, подобный метод «способствовал быстрому выздоровлению»[97]. Данная процедура из области репрессивной медицины опасна и неэффективна. Помимо того, что искусственная рана могла стать источником бактериальных инфекций и сепсиса, высокого риска для жизни, она вызывала сильные болевые ощущения, которые девушка должна была переносить.

Однако как только она «почувствовала себя несколько бодрее»[98], сразу стала протестовать против дальнейших процедур, так что медикам пришлось делать «перевязку и очищение раны», удерживая её за руки[99]. Интересно, что оперировавший и лечивший её профессор считал «немыслимым» добровольное решение девушки, не обратившейся своевременно за медицинской помощью, «выносить такие страдания!» и называл мотивы, его побудившие, «пошлой конфузливостью», которая могла стоить ей жизни[100]. Это означает, что усугублением социальных предписаний институтки были обязаны собственно этосу «девичьего сообщества», т. е. негласным внутренним правилам. Неудивительно, что некоторым уже взрослым дворянкам, не только не выходившим замуж, но и замужним, не удавалось преодолеть ложной стыдливости, или прюдкости (от фр. *prude* – притворно добродетельный, преувеличенно стыдливый, недоступный), как тогда говорили. Вместе с тем мемуаристкам конца XIX в. подобная ложная стыдливость казалась странным анахронизмом («закрывала даже шею платочком от нескромного взгляда», доктора «заставили смотреть в дырочку на простыне, которая была повешена через комнату, на больную ногу, тщательно закрытую платками, кроме того места, где была рана»)[101].

Замена привычной домашней обстановки новой атмосферой казённого заведения, узкого круга родных и близких – более обширным коллективом чужих и незнакомых людей, жизни в относительно «маленьком» усадебном

[96] *Водовозова Е.Н.* Указ. соч. С. 299.
[97] См.: *Бокова В.М., Сахарова Л.Г.* Указ. соч. С. 542.
[98] *Водовозова Е.Н.* Указ. соч. С. 299.
[99] Там же. С. 300.
[100] Там же. С. 299.
[101] *Керн А.П.* Из воспоминаний о моем детстве // *Керн (Маркова-Виноградская) А.П.* Воспоминания о Пушкине / сост., вступ. ст. и примеч. А.М. Гордина. М., 1987. С. 348–349.

доме – пребыванием в «большом» здании института, собственной (либо разделяемой с сестрами и братьями) «детской» комнаты – местом в дортуаре, спальном помещении, общем со многими другими (посторонними) воспитанницами, символизировала в восприятии девочек из провинциальной дворянской среды условный переход из «своего» (близкого, родного, знакомого, малого) пространства в «чужое» (дальнее, постороннее, незнакомое, большое). Расторжение связи с привычным «маленьким» миром приводило к утрате ими чувства психологической защищенности, делало их эмоционально уязвимыми. При этом на них обрушивался мощный прессинг внешних предписаний и санкций со стороны институтских наставниц, что оказывало ещё большее травмирующее воздействие. В то же время это был благоприятный эмоциональный фон для внушения нормативных представлений о подобающем и неподобающем дворянкам поведении, образе мыслей, чувствований и самоощущении. В сознание подверженных страху и инстинкту самосохранения девочек внедрялись установки пассивности, зависимости, конформизма. Бывшая институтка Е.Н. Водовозова вспоминала об этом так: «К молчанию и безусловному повиновению институток приучали весьма систематично. Впрочем, на женщину в то время вообще смотрели как на существо, вполне подчиненное и подвластное родителям или мужу, – институт стремился подготовить её к выполнению этого назначения, но чаще всего достигали совершенно противоположных результатов… Как ни была жива и шаловлива девочка при поступлении в институт, суровая дисциплина и вечная муштровка, которым она подвергалась, а также полное отсутствие сердечного участия и ласки быстро изменяли характер ребенка»[102].

Определение в институты дворянских девочек, живших до этого в имениях с родителями, означало психологическую грань, преодолеть которую они пытались путём своеобразной имитации в общении с подругами и воспитательницами «домашних» отношений с родными. В более старшем возрасте, приспособившись уже к порядкам и нравам закрытых сообществ, они, напротив, как бы начинали ощущать свою причастность к некоему особому «институтскому миру»[103] (термин мемуаристки А.Н. Энгельгардт), отличному от того, который располагался за пределами учебного заведения. По словам А.Н. Энгельгардт, «институтки начинали считать институт центральным пунктом вселенной и с забавной важностью говорили, наподобие *курочки* и *кота* в сказке Андерсена “Гадкий утенок”: мы, то есть институт, а потом и весь свет!»[104]. В каком-то смысле, это был даже привилегированный мир, поскольку он был связан с известной «близостью» к императорскому двору. Институт за годы пребывания в нем дворянских девушек становился в их представлениях как бы «домом», а подруги и воспитательницы – «семьей», разлучиться с которыми им было также

[102] *Водовозова Е.Н.* Указ. соч. С. 226–227.

[103] *Энгельгардт А.Н.* Указ. соч. С. 214.

[104] Там же. С. 210. Сравн.: *Сенковский О.И.* Вся женская жизнь в нескольких часах // *Сенковский О.И.* Сочинения Барона Брамбеуса. М., 1989. С. 286.

психологически трудно, как в своё время привыкнуть к ним[105]. Действительность за пределами института мыслилась ими как полная противоположность институтской повседневности[106].

По мнению Е.Н. Водовозовой, «русское общество того времени предъявляло девушке лишь эстетические требования. Наклонную к серьезному чтению и разговору называли “синим чулком” и жестоко высмеивали»[107]. Внушавшиеся с детских лет стандарты «женственности» соответствовали символической женской «роли», внедрялись в сознание воспитанниц посредством усвоения представлений об атрибутах социально-полового порядка. Конечный продукт институтского образования – формирование обладающих светскими манерами потенциальных жен, матерей, домашних хозяек, достигающих успеха «в приобретении знаний, наук и рукоделий соответственных ея полу с касающимися до нужнаго домоводства упражнениями»[108].

Воспитанниц, даже самых маленьких, не позиционировали как детей; неслучайно их называли не девочками, а «девицами». Вводившиеся градации по классам, цвету форменной одежды, способностям и прилежанию призваны были заменить возрастные особенности и атрибуты детства, завуалировать, прежде всего в глазах самих институток, их причастность к своеобразному «детскому миру». Тем не менее «мир института», подменяя собой в известном смысле «мир детства», не мог компенсировать преимуществ домашней детской повседневности. Семейные «вольности», главной из которых было отсутствие жесткого распорядка дня «по звонку»[109], замещались предписаниями и ограничениями принудительной социализации, оставлявшей ощутимые негативные переживания и оценки у бывших институток. Институтское детство представляло собой своего рода переходную форму между собственно детством и девичеством, в которое девочки-институтки вынужденно психологически вступали раньше своих сверстниц, воспитывавшихся дома и сохранявших дольше, несмотря на существовавшие запреты, возможность более или менее непринужденно играть, шалить и резвиться. В то же время институтское детство, как и домашнее, часто идеализировалось[110] в женской автодокументальной традиции, невзирая на вполне критическое его осмысление, что также может истолковываться как стратегия эмоциональной компенсации негативных переживаний прошлого.

[105] *Стерлигова А.В.* Указ. соч. С. 122–123. Сравн.: *Погорельский А.* Монастырка // *Погорельский А.* Избранное / сост., вступ. ст. и примеч. М.А. Турьян. М., 1985. С. 188.

[106] *Водовозова Е.Н.* Указ. соч. С. 311–312.

[107] Там же. С. 308–309.

[108] ГАТО. Ф. 1233. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

[109] *Водовозова Е.Н.* Указ. соч. С. 310.

[110] *Ржевская Г.И.* Указ. соч. С. 36, 38; *Стерлигова А.В.* Указ. соч. С. 69.

Список литературы:

1. *Бенедикт Р.* Хризантема и меч: модели японской культуры / пер. с англ. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. – 256 с.
2. *Лотман Ю.М.* Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб.: Искусство – СПБ, 1994. – 399 с., 5 л. ил.
3. *Озерская Ф.С.* Женское образование // Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР: XVIII – первая половина XIX в. / отв. ред. М.Ф. Шабаева. М.: «Педагогика», 1973. Раздел 3. Гл. XIV. С. 255–269.
4. *Tulard J., Fayard J.-F., Fierro A.* Histoire et dictionnaire de la Revolution francaise 1789–1799. Editions R. Laffont, S.A., Paris, 1987. 1214 p. (Bouquins collection dirigee par Guy Schoeller).

Об авторе:

БЕЛОВА Анна Валерьевна – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой всеобщей истории, Тверской государственный университет (Россия, 170100, г. Тверь, ул. Трёхсвятская, д. 16/31), e-mail: Belova.AV@tversu.ru

Women’s Memory of the Everiday Life of Provincial Noble Women in tge Capital’s Institutionas (1764–1850s)

Anna V. Belova

Tver State University, *Tver, Russia*

This article examines women's memory of everyday life in noble institutions from the second half of the 18th to the mid-19th centuries, within the context of the anthropology of closed communities and the anthropology of memory. The focus is on the relationship between forced submission to the directed formation of normative “femininity” and the subsequent understanding of childhood emotional experiences. The article examines the issues of personal leveling and the ignoring of individual needs in self-representations of noblewomen’s everyday life in women's family memory. The author explores the potential for an ethnological study of memories and narratives of the everyday life of childhood in closed class institutions as spaces of forced social discipline and closed gender communities.

Keywords: *anthropology of closed communities, anthropology of memory, women's family memory, women's autobiographical memory, women's history, noblewomen, female institute girls, women's everyday life.*

About the author:

BELOVA Anna Valeryevna – Doctor habilitatus in History, Professor, Head of the Department of General History, Tver State University (Russia, 170100, Tver, Trekhsvyatskaya St., 16/31), e-mail: Belova.AV@tversu.ru

References:

Benedikt R., *Hrizantema i mech: modeli yaponskoj kul'tury*, per. s angl. Moscow: «Rossijskaya politicheskaya enciklopediya» (ROSSPEN), 2004. – 256 s. (Seriya «Kniga sveta»).

Lotman Yu.M., *Besedy o russkoj kul'ture: byt i tradicii russkogo dvoryanstva (XVIII – nachalo XIX veka)*, Saint Petersburg, Iskusstvo – SPB, 1994. – 399 s., 5 l. il.

Ozerskaya F.S., *Zhenskoe obrazovanie*, Ocherki istorii shkoly i pedagogicheskoj mysli narodov SSSR: XVIII – pervaya polovina XIX v., otv. red. M.F. Shabaeva. Moscow, «Pedagogika», 1973. Razdel 3. Gl. XIV. S. 255–269.

Статья поступила в редакцию 04.06.2026 г.

Подписана в печать 11.09.2026 г.

Вестник ТвГУ. Серия «История». 2026. № 3(79). С. 35–51.

ИСТОРИЯ РОССИИ

УДК 94(470-25) 18+316.343.32-055.2
DOI 10.26456/vthistory/2026.3.035

Матримониальное поведение московского дворянства в первой половине XIX века

О.И. Лисицына

ФБГОУ ВО «Тверской государственный университет», *г. Тверь, Россия*

В последнее время в исторической антропологии наблюдается устойчивый интерес к истории повседневности, все большее внимание уделяется приватной сфере жизни людей прошлого, институту семьи, семейной памяти. Цель данной статьи – опираясь на эгодокументы, художественную литературу и публицистику, выявить специфику матримониального поведения российского дворянства в контексте особого статуса Москвы, сформировавшегося после пожара 1812 г. В рассматриваемый период Москва имела статус «города невест», это во многом было связано с самобытностью московского общества. Большую роль в московском обществе играли родственные связи, а потому и женщины, поддерживавшие их. Если строить карьеру ехали в Петербург, то жениться предпочитали в Москве, а брачное поведение девушек и мужчин существенно отличалось.
Ключевые слова: *российское дворянство, матримониальное поведение, брак, семья, родственные связи, московское общество.*

Ещё в 1712 г., с переносом столицы в Петербург, в российской дворянской культуре формируется представление об особом статусе Москвы, где в Успенском соборе Кремля продолжали короноваться императоры и императрицы, а масштаб города и самоощущение москвичей обуславливали привычки и образ жизни, отличные от сугубо провинциальных. Однако окончательно этот особый статус «Первопрестольной» в понимании российского общества закрепляется за ней лишь сто лет спустя, после пожара 1812 г., когда Москва начинает восприниматься как вторая, но при этом едва ли не более значимая, чем Петербург, столица, как «сердце России»[1]. По всей видимости, связано это было не только с той жертвой, которая была принесена москвичами в 1812 г., и не с тем, что «пожар способствовал ей много к украшенью… // С тех пор дороги, тротуары // Дома и все на новый лад»[2]. Причины были и в других обстоятельствах Отечественной войны 1812 г.

[1] *Пушкин А.С.* Евгений Онегин / предисл., примеч. и пояснит. статьи С. Бонди. М., 1976. С. 196.

[2] *Грибоедов А.С.* Горе от ума / подг. Н.К. Пиксанов, А.Л. Гришунин. М., 1969. С. 44.

© Лисицына О.И., 2026

По словам Ю.М. Лотмана, «военные события сблизили Москву и провинцию России. Московское население “выхлестнулось” на обширные пространства»[3]. Некоторые семьи московских дворян буквально «кочевали» по волостям и уездам[4], не надеясь на скорое возвращение назад. В конце же войны, после ухода из Москвы неприятеля, это «породило обратное движение… Москва сразу же после ухода французов оказалась заполненной толпами жителей»[5]. По мнению Ю.М. Лотмана, сближение Москвы с провинциальной Россией одновременно сопровождалось своеобразным «отдалением» их от Петербурга – как экономическим, так и ментальным, поскольку взятие французами Москвы «отрезало многие нити, связывавшие Петербург со страной. Отправлявшиеся в столицу вынуждены были совершать долгие обходные пути»[6]. В последующие десятилетия окончательно сложилась своеобразная дихотомия Петербурга и Москвы, которая будет неоднократно осмысляться в культуре. О восприятии Москвы, о её статусе так называемой «ярмарки невест» и о матримониальном поведении российского дворянства пойдёт речь в данной статье.

В 1820-е – 1830-е гг. уже бытовали довольно устойчивые представления как о самой Москве, так и о соотношении двух столиц, об их отличиях, о статусе и специфическом поведении их обитателей. «Москва – старая домоседка, печет блины, глядит издали и слушает рассказ, не подымаясь с кресел, о том, что делается в свете; Петербург – разбитной малый, никогда не сидит дома, всегда одет и, охорашиваясь перед Европою, раскланивается с заморским людом»7, – так характеризует разницу между городами Н.В. Гоголь в своих «Петербургских записках». Несколько иное представление транслирует Д.Д. Благово: «кто позначительнее и побогаче – все в Петербурге, а кто доживает свой век в Москве, или устарел, или обеднел, так и сидят у себя тихохонько и живут беднехонько, не по-барски, как бывало»8. Несмотря на то, что авторы в своих характеристиках по-разному расставляют акценты, данные высказывания сближает явная попытка противопоставить Москву Петербургу.

Особый интерес представляет гендерный аспект данного противопоставления. А.С. Пушкин писал: «Петербург прихожая, Москва девичья, деревня же наш кабинет»[9]; пожалуй, ещё более четко раскрывает подобный «девичий» статус Москвы в уже упомянутых «Петербургских записках»

[3] *Лотман Ю.М.* Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб., 2006. С. 330.

[4] Письмо Волковой М.А. Ланской В.И. от 20 августа 1812 г. // Дней прошлых гордые следы: Переписка Марии Аполлоновны Волковой. 1812–1813 годы. М., 2012. С. 95 и др.

[5] *Лотман Ю.М.* Указ. соч. С. 330.

[6] Там же.

[7] *Гоголь Н.В.* Петербургские записки 1836 года [Электронный ресурс]. URL: http://gogol.velchel.ru/?cnt=15&sub=2&page=1 (дата обращения: 09.08.2026).

[8] *Благово Д.Д.* Рассказы Бабушки. Из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. Благово / Под ред. А.Л. Гришунина. Л., 1989. С. 114–115.

[9] *Пушкин А.С.* Роман в письмах [Электронный ресурс]. URL: https://feb-web.ru/feb/pushkin/texts/push10/v06/d06-041.htm (дата обращения: 15.08.2026).

Н.В. Гоголь: «Москва женского рода, Петербург мужеского. В Москве всё невесты, в Петербурге всё женихи»[10]. Вторит им и писательница А.П. Павлова в своей повести-«были» «Бедняжка»: «Юная столица берёт себе цветущих юношей... Неудивительно, что невесты московские ловят приветливыми взглядами залетного жителя Петербурга, когда он соколом мчится по нашим гостиным, так привлекательно гремя шпорами или дипломатически лорнируя»[11]. Как видим, мнение о Москве как о «городе невест», своеобразном «женском царстве» во второй четверти XIX в. было уже весьма распространено.

Впрочем, представление о том, что в Москве тон всему обществу задают именно женщины, достаточно последовательно раскрывается ещё у А.С. Грибоедова в «Горе от ума» – стоит вспомнить, к примеру, столь типичную для Фамусова апелляцию к авторитетам, которые в абсолютном большинстве случаев представлены именно женскими именами: «скомандовать велите перед фрунтом! // Присутствовать пошлите их в Сенат! // Ирина Власьевна, Лукерья Алексеевна // Татьяна Юрьевна, Пульхерия Андревна!»[12]; «как Вам доводится Настасья Николавна?»[13]; «ах! боже мой! Что станет говорить // Княгиня Марья Алексевна!»[14] У А.С. Пушкина в «Евгении Онегине» московское общество также представлено по большей части именно женскими лицами: бабушки, тетушки, кузины – именно им «на суд» привозит Татьяну «старушка Ларина»: «повсюду ласковая встреча, и восклицанья, и хлеб-соль. // “Как Таня выросла! Давно ль // Я, кажется, тебя крестила? // А я так на руки брала! // А я так за уши драла! // А я так пряником кормила!”»[15]. Как видим, «московская родня» у А.С. Пушкина говорит женскими голосами, ведь именно женщины-дворянки выстраивали коммуникации и поддерживали многочисленные родственные связи семьи. О значимости фигуры знатной «барыни» в жизни не только большой семьи, но и всего московского общества также весьма красноречиво свидетельствуют «Рассказы бабушки»[16], записанные Д.Д. Благово. Из них явствует, что эта тенденция восходит по меньшей мере к середине XVIII в.

По-видимому, подобный гендерный дисбаланс («в Москве всё невесты, в Петербурге всё женихи») не был лишь метафорой, а вполне реально выражался в соотношении численности «невест» и «женихов» в столицах. Наличие в Москве родни, хотя бы дальней, особенно женского пола, вкупе с при-

[10] *Гоголь Н.В.* Указ. соч.

[11] Цит. по: *Чижикова А.С.* Жизненный уклад русских столичных дворян в первой половине XIX века // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Исторические науки. 2011. № 2. С. 75.

[12] *Грибоедов А.С.* Указ. соч. С. 43.

[13] Там же. С. 40.

[14] Там же. С. 120.

[15] *Пушкин А.С.* Евгений Онегин… С. 199.

[16] *Благово Д.Д.* Рассказы Бабушки… С. 114–115.

верженностью москвичей родственным связям («… я перед родней, где встретится, ползком; // Сыщу ее на дне морском»[17]) делало ее местом притяжения для провинциальных дворянских семей, имеющих дочерей «на выданье»: «что ж, матушка? за чем же стало? / В Москву, на ярманку невест! / Там, слышно, много праздных мест»[18]. При этом и в самой Первопрестольной невест было тоже немало: «что ж? у кого сестра, племянница есть, дочь; // В Москве ведь нет невестам перевода; // Чего? плодятся год от года»[19]. Как видим, авторы по-разному оценивают факт наличия достаточного числа невест в Москве, однако сходятся в том, что искать их следует именно там. Очевидно, что подобные представления имели под собой вполне реальные основания. Именно поэтому в рассматриваемый период в среде российского дворянства Москва считалась идеальным местом для поиска брачного партнера и вступления в брак – той самой «ярмаркой невест».

В Петербурге же, напротив, количество молодых мужчин вполне могло превышать число девиц. Связано это было со спецификой системы образования и государственной службы. Система дворянского образования, сложившаяся по большей части ещё в XVIII в., была тесно связана с острой потребностью в квалифицированных кадрах, в первую очередь военных. Еще в 1715 г. был принят указ, в соответствии с которым «всех знатных особ детей, от 10 лет и выше, велено выслать в школу С.-Петербургскую»[20]. Конечно, принять всех дворянских детей в государственные учебные учреждения было невозможно21, да не все и стремились к этому, однако известный отток дворянских мальчиков и из провинции, и из Москвы в Петербург за счет этого все же происходил. Столичных же учебных заведений для девочек было несоизмеримо меньше, а женское образование в подавляющем большинстве случаев продолжало оставаться домашним[22]. Кроме того, воспитание и обучение дворянок ставило перед собой принципиально иные цели, связанные, в первую очередь, с матримониальными устремлениями семьи, и долгое время не было ни системным, ни единообразным.

Также дворянские юноши оседали в Петербурге из соображений карьерного роста и непосредственной близости императорского двора. Несмотря на хрестоматийные литературные примеры «праздных» представителей дворянской молодежи (Чацкий, Онегин, Ленский), чаще дворяне все же предпочитали, получив образование, поступать на службу – статскую или

[17] *Грибоедов А.С.* Указ. соч. С. 40.

[18] *Пушкин А.С.* Евгений Онегин... С. 191.

[19] *Грибоедов А.С.* Указ. соч. С. 42.

[20] Цит. по: *Болотина М.В.* «Российское юношество должно быть воспитываемо… хотя и в домах своих, но всегда в России»: семейное образование в России в первой половине XIX в. // Вестник РУДН. Серия «История России». 2008. № 2. С. 24.

[21] Там же.

[22] *Белова А.В.* Домашнее воспитание русской провинциальной дворянки конца XVIII – первой половины XIX века: «корневое» и «иноземное» [Электронный ресурс]. URL: https://a-z.ru/women_cd1/html/belova_b.htm#note40 (дата обращения: 15.08.2026).

военную – и делать карьеру, а наибольшие возможности для этого, безусловно, открывала столица. Несение службы дворянином могло быть довольно фрагментарным и с точки зрения законодательства в первой половине XIX в. уже не было обязательным, однако считалось нормой, что дворянин сначала сделает карьеру и лишь потом, выйдя в отставку, будет искать себе жену. Отговаривали дворянских юношей от вступления в брак в молодом возрасте и родители: «выйдет она за тебя замуж; ты к ней приглядишься… будет вам скучно, а потом, чего боже сохрани!.. Нет, Миша, не проси позволения жениться… Не то я позволю, и на старости лет буду плакать над вами»[23]. Безусловно, и родители невесты, желая, чтобы дочь сделала «партию» получше, учитывали положение кандидата в женихи в обществе и потенциалы его карьерного роста в качестве одного их главных критериев при выборе брачного партнера для дочери.

Вот почему подобная реакция Фамусова на вопрос Чацкого о сватовстве: «сказал бы я во-первых: не блажи, // Именьем, брат, не управляй оплошно, // А, главное, поди-тка послужи»[24], – представляется довольно типичной и адекватной ситуации. Услышав от Чацкого знаменитое «служить бы рад, прислуживаться тошно»[25] (и прочие, несоответствующие его ценностям высказывания), отец девицы закономерно отдает предпочтение Скалозубу, который «имеет, кажется, в петличке орденок»[26], «не по летам, и чин завидный, // Не нынче завтра генерал»[27]. Впрочем, нередко родители невесты предпочитали не полагаться на то, что их дочь со временем станет «генеральшей», а сразу сосватать её за генерала. Известным тому примером является судьба А.П. Полторацкой, которую отец в семнадцать лет выдал замуж за генерала Е.Ф. Керна, которому на тот момент было уже за пятьдесят[28]. Вообще, браки, в которых муж был вдвое и более старше жены не были редкостью в дворянской среде первой половины XIX в.

Отдельно следует отметить такой фактор притока дворянских юношей в Петербург, как придворная жизнь. Для многих дворян вращение в «большом свете» было крайне значимым само по себе, поскольку давало определённый статус и положение в обществе. «… Я могу быть в большом свете? Да для чего же нет?.. Собою я, говорят, хорош, танцую весьма порядочно, да и в обществе я довольно ловок… Стоит попросить только Щетинина: он представит меня во все лучшие домы»[29]. Как видим, высшее петербургское общество не было замкнутым и изолированным, впрочем, как и московское: они пополнялись за счёт молодежи обоих полов, начинавшей выходить в свет, а также приезжих; кто-то же, напротив, уезжал в имение или за границу

[23] *Соллогуб В.А.* Большой свет // Дуэль. Повести русских писателей / вст. ст. Н.П. Утехина; посл. В.В. Дорошевича. М., 1990. С. 204.

[24] *Грибоедов А.С.* Указ. соч. С. 33.

[25] Там же. С. 33.

[26] Там же. С. 40.

[27] Там же. С. 38

[28] *Губер П.К.* Донжуанский список А.С. Пушкина. Л., 1990. С. 156.

[29] *Соллогуб В.А.* Указ. соч. С. 205–206.

на долгий или краткий срок. Однако каждое из них при этом сохраняло свою культурную специфику и самобытность.

Как уже говорилось ранее, если цели мужского образования в российской дворянской культуре были обусловлены соображениями последующей службы, то главной задачей образования женского являлось формирование навыков, которые могли бы сделать её «успешною» в свете и тем самым способствовать удачному замужеству. Поэтому и набор тех знаний и умений, которые предполагалось сформировать в процессе, был хоть и достаточно специфическим, но при этом довольно универсальным. Однако Москва, безусловно, давала для этого и значительно больше возможностей по сравнению с другими нестоличными городами, а уж тем более по сравнению с деревней. К тому же, вероятно, статус «города невест» обуславливал особенно пристальное внимание к «должному» воспитанию юных барышень.

Как правило, московская дворянская семья затрачивала немало усилий и денежных средств для того, чтобы дать девочкам достойное домашнее образование. Так, семья Гончаровых, находившаяся в довольно затруднительном материальном положении[30], не стремилась при этом сэкономить на образовании своих дочерей. Мать семейства, Наталья Ивановна, сама, в обход мужа, обращается к свекру с просьбой увеличить содержание их семьи, поскольку из сорока тысяч рублей в год не менее пятнадцати уходит только на нужны образования детей[31]. Характерно, что обычно именно мать в семье осуществляла общее руководство этим сложным процессом, в частности поиском и подбором гувернеров и гувернанток, при необходимости подключая к этому других членов семьи или знакомых. Именно поэтому в случае смерти матери девочка зачастую «передавалась» в другие руки, а не оставалась жить у отца[32]. По-видимому, образование дочерей весьма часто становилось одним из главных приоритетов семьи, поскольку, с одной стороны, являлось маркером её социальной состоятельности, а с другой – повышало шансы дочерей «сделать удачную партию», что тоже, в свою очередь, могло способствовать благополучию всей семьи.

По этой же причине выбор гувернанток и учителей представлял собой событие особой важности и сложности и порой вовлекал широкий круг родственных связей дворянской семьи, в особенности если речь шла о гувернантке, которая будет проживать в доме на постоянной основе. Характерно в этой связи письмо супругов Бахметевых А.П. и А.Н. родителям мужа, свидетельствующее о вовлечении в процесс поиска и выбора домашних учителей не только обоих супругов, но и бабушек с дедушками, а также широкого круга друзей и знакомых[33]. Можно заключить, что вклад в домашнее образование

[30] *Ободовская И., Дементьев М.* Наталья Николаевна Пушкина: По эпистолярным материалам. М., 1985. С. 29–34.

[31] Цит. по: там же. С. 35.

[32] Подробнее см.: *Белова А.В.* Без родительского попечения: провинциальные дворянки в столичных институтах // Родина. 2001. № 9. С. 29–31.

[33] ЦГАМ. Ф.1845. Оп. 1. Д. 956.

девочек был действительно важной «инвестицией», и волновало оно не только её ближайших родственников, но и всю семью в целом.

В первой половине XIX в. именно домашние учителя начинают играть ключевую роль в воспитании дворянских барышень. При этом уровень компетентности гувернеров неуклонно возрастает. Вдобавок, благодаря системе государственных и частных учебных заведений и ряду изданий, женское домашнее образование начинает приобретать черты некой универсальности. Формируется перечень навыков, которыми должна овладеть юная представительница дворянства[34]. При этом в московской дворянской среде гораздо чаще, чем у других представителей нестоличного дворянства, женское образование не ограничивалось приглашением в дом лишь одной гувернантки для девочки, а могло даже приобретать черты предметной специализации: так, у Гончаровых в доме не только жили иностранные гувернёры и гувернантки, но и дополнительно приглашались учителя по различным дисциплинам[35]. Схожая ситуация была и у Соймоновых[36]. Впрочем, глубина такой предметной специализации зависела исключительно от предпочтений семьи, а точнее матери, от её вкусов и представлений об идеале образованной барышни.

Разумеется, наиболее востребованными навыками были владение нормами этикета, знание французского языка и умение танцевать, поскольку именно они считались необходимыми для успеха девушки «в свете». В связи с этим в Москве 1820-х – 1830-х гг. крайне популярны были уроки танцев, которые давал знаменитый танцмейстер П.А. Йогель[37]. Помимо преподавания танцев он известен своими так называемыми «детскими балами», которые славились и в Москве, и за её пределами. На них порой приходили взрослые мужчины, в том числе и А.С. Пушкин, чтобы посмотреть на совсем юных барышень, ещё не выходивших в свет. Именно там поэт впервые увидел свою будущую жену Н.Н. Гончарову.

Как правило, такие, ещё не «вывозившиеся» в свет, юные барышни подвергались самому строгому контролю и надзору со стороны домочадцев и не только не имели практически никакой возможности для общения с противоположным полом, но и сознательно лишались доступа к какой-либо информации на этот счет (см.: *Лисицына О.И.* Гендерная цензура и литература «не для дам» в контексте сексуального воспитания российской дворянки конца XVIII – первой половины XIX в. // Гендер в фокусе антропологии, этнографии семьи и социальной истории повседневности. М., 2019. С. 177–182). Это было связано с господствовавшей тогда системой представлений

[34] См.: *Солодянкина О.Ю.* Гувернантки в русских дворянских семьях // Вестник РУДН. Серия «История России». 2003. № 2. С. 39.

[35] *Ободовская И., Дементьев М.* Указ. соч. С. 35.

[36] *Ткаченко О.В.* Соймоновы и их окружение // Соймонова Е.А. Дневники. Московское общество в 1833–1835 гг. /сост., вступ. ст., коммент. О.В. Ткаченко; пер. А.В. Лазурского. М., 2023. С. 19.

[37] *Захарова О.Ю.* Светские церемониалы в России XVIII – начала XX в. М., 2003. С. 274.

о «девичьей чести» и делалось с целью сохранения репутации девушки до брака. Барышни находились под постоянным присмотром, их чтение также тщательно контролировалось. Судя по всему, для подрастающей барышни, не входившей еще в категорию невест, и вовсе не предусматривалось социально приемлемых практик общения с противоположным полом (разумеется, за исключением родственников-мужчин).

Ситуация менялась, когда девушку официально начинали «вывозить в свет». Данное событие имело большое значение как для самой юной дворянки, так и для ее семьи[38], оно тщательно планировалось заранее: «На бале [у князя Щербатова] должен был состояться ее выход, но это [не было устроено] мой дядя мог вам говорить свои соображения [о причинах этого] (перевод с франц. наш. – *О.Л.*)»[39], – и вовлекало широкий круг родственников[40], в особенности тех, которые имели связи в «лучшем обществе»[41].

«Вновь прибывшие» молодые особы становились «предметами бесжалостного внимания»[42] со стороны «взыскательного света»[43]: «московских франтов и Цирцей // Привлечь насмешливые взгляды»[44] (ср.: «странный шепот встретил // Ее явленье: свет ее заметил»[45]; «все кинули на нее испытующий взгляд; даже старые сановники… удостоили ее мгновенным одобрительным осмотром»[46]). Теперь от дворянской барышни не только ожидается, но и, по сути, требуется общение с «посторонними мужчинами» – потенциальными женихами: «кое-где мужчина, проходя за диванами, останавливался позади девицы и, наклонясь, шептал ей, вероятно, что-нибудь очень приятное, потому что улыбка вдруг расцветала на устах девушки, и, глядя на нее, маменька самодовольно поправляла свой чепец»[47]. Но, разумеется, для подобного общения мужчина должен был быть «представлен» девушке, это же верно и для ситуации с танцами. Обычно молодую девушку представляла хозяйка дома, но это мог быть и кто-нибудь из общих знакомых. Известная «вольность» подобного общения между девушкой и юношей при этом нивелировалась контролем, который теперь осуществляется самим светским обществом (писательница М.С. Жукова формулирует это следующим образом: «они говорили и говорили, не замечая, как из всех углов посматривали на них зоркие глаза цензоров в чепцах и шалях»[48]).

[38] ЦГАМ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 1204. Л. 1 об.

[39] Там же. Л. 1.

[40] Там же. Л. 2.

[41] *Соллогуб В.А.* Большой свет… С. 208–209.

[42] *Ган Е.А.* Идеал [Электронный ресурс]. URL: http://fb2.booksgid.com/content/55/elena-gan-ideal/1.html (дата обращения: 14.08.2026).

[43] *Пушкин А.С.* Евгений Онегин... С. 191.

[44] Там же. С. 192.

[45] *Лермонтов М.Ю.* // Сочинения в 2-х т. М., 1970. Т. 1. Стихи и поэмы. С. 717.

[46] *Соллогуб В.А.* Большой свет… С. 243.

[47] *Ган Е.А.* Указ. соч.

[48] *Жукова М.С.* Дача на Петергофской дороге [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/z/zhukowa_m_s/text_0040.shtml (дата обращения: 13.08.2026).

При этом контроль за поведением и «честью» девушки со стороны семьи продолжался, как и прежде. Так, сын О.С. Павлищевой, в девичестве Пушкиной, пишет, что её мать Надежда Осиповна, которая была против брака дочери с её возлюбленным, Н.И Павлищевым, на балу запретила ей с ним танцевать, а когда они нарушили запрет, «об этом доложили Надежде Осиповне, забавлявшейся картами в соседней комнате. Та в негодовании выбежала и в присутствии общества, далеко не малочисленного, не задумалась толкнуть свою тридцатилетнюю дочь», которая в результате упала в обморок[49]. Как видим, общество не только наблюдает за соблюдением приличий на бале, но и знает, как родители относятся к тому или иному кандидату в женихи, а также следит за соблюдением дочерью родительских распоряжений.

Вообще, чаще всего браки в дворянской среде заключались не «по склонности», а по экономическим и социальным мотивам. Достаточно показательным и в то же время типичным примером «женской доли» является судьба «старушки Лариной»: она была влюблена, но «не спросясь ее совета», ее выдали замуж за другого; супруг увез ее в деревню, где она «рвалась и плакала сначала, // С супругом чуть не развелась; // Потом хозяйством занялась, // Привыкла и довольна стала. // Привычка свыше нам дана: // Замена счастию она»[50]. Многие замужние дворянки действительно жили с убеждением, что любовь не является обязательным условием для брака, или культивировали в себе любовь к законному супругу, поскольку общество вменяло им в обязанность «любить избранника»[51], при том что в большинстве случаев о реальной возможности выбора речи не шло.

В то же время незамужние барышни верили в возможность выйти замуж по любви: «разве браки заключаются не по склонности, а по расчёту? Разве все сводится к тому, чтобы заполучить мужа и богатое состояние? Разве не следует прежде всего послушать, что говорит тебе твоё сердце?»[52] – такие вопросы в своём дневнике задаёт московская барышня Е.А. Соймонова в первой половине 1830-х гг. Однако брак «по склонности» чаще всего был возможен для дворянки только при так называемом «уводе», «умыкании» невесты. Так, упомянутая выше О.С. Пушкина, старшая сестра поэта, в итоге вышла замуж за своего возлюбленного Н.И. Павлищева тайно от родителей, но такие случаи были довольно редки.

Если девушки были практически лишены брачного выбора, то мужчины могли выбирать – жениться по «по склонности» или по расчету: «… скорее

[49] Цит по: *Марченко Н.* Приметы милой старины. Нравы и быт пушкинской эпохи. [Электронный ресурс]. URL: http://www.e-reading.by/bookreader.php/135533/Primety_miloii_stariny._Nravy_i_byt_pushkinskoii_epohi.pdf (дата обращения: 17.08.2026).

[50] *Пушкин А.С.* Евгений Онегин... С. 94.

[51] Подробнее об этом см.: *Пушкарева Н.Л.* Частная жизнь русской женщины в XVIII столетии. М., 2012. С. 54.

[52] *Соймонова Е.А.* Дневники. Московское общество в 1833–1835 гг. / сост., вступ. ст., коммент. О.В. Ткаченко; пер. А.В. Лазурского. М., 2023. С. 49.

заключить можно, что они в биржевой, а не в бальной зале. “Эта девушка прелестна, – думает один, – но отец ее молод, бог знает, сколько проживет он лет и денег. Эта умна и образованна, дядя ее на важном месте, но, говорят, он колеблется, – тут надобно подумать... Вот эта, правда, не очень красива и очень недалека, зато как одушевлена! чертовски одушевлена тремя тысячами душ… Я невольник ее!”»[53]. Но всё же чаще брак продолжали воспринимать как союз двух родов, где вопрос о взаимной симпатии супругов был отнюдь не ключевым.

Как видим, для самих «молодых» поиск «подходящей партии» и вступление в брак часто имели мало общего с любовными переживаниями, а порой даже и взаимной симпатией, однако непринуждённое общение и флирт являлись не только необходимыми условиями для успеха, но и единственно возможной формой поведения в свете. Это справедливо для обоих полов, однако, безусловно, именно для девушки её умение «подать себя» оказывалось принципиально важным: «Лиза утверждает, что во мне слишком мало кокетства, что я недостаточно ласково общаюсь с мужчинами и потому никогда не буду иметь успеха в свете»[54]. По крайней мере, такая модель поведения была социально ожидаемой и одобряемой. «Вера Яковлевна объявила Зое, что запрещает ей не только танцевать, но и видаться с князем и даже думать о нем»[55]; «князь танцевал очень мало, был печален, стоял поодаль… между тем как она, невольница, выплясывала посреди залы кадриль с советником, летя и взорами и душою к другому. Лишь только под конец бала… князь не выдержал; он завладел Зоею в глазах советника и… увел её на другой конец залы… Все это заметили, так что Вера Яковлевна притворилась больною и увезла Зою из мазурки, бросив на князя взор раздраженной Юноны»[56]. Следовательно, мужчина мог позволить себе не оправдать ожидания общества, девушка же находилась в слишком сильной зависимости от родительской семьи, которая зачастую старалась блокировать любые проявления её нежелательного, с их точки зрения, поведения. Поэтому дворянке часто на бале приходилось делать то, что шло вразрез с её желаниями и потребностями и при этом производить впечатление доброжелательной, любезной, лёгкой и непринуждённой.

Интересна оценка, которую в данном контексте даёт себе в своих дневниках девица Е.А. Соймонова: «я никогда не смогу вызвать страстную любовь, я знаю это. С моей внешностью и моей деревенской грацией невозможно очаровывать»[57] (ср.: «…эта девушка так мила, так особенна, что она не протанцует здесь месяца и выйдет замуж...»[58]). В данной связи становится понятно, почему дворянские семьи не скупились на оплату услуг лучших танцмейстеров Москвы для своих дочерей.

---

[53] *Бестужев-Марлинский А.А.* Испытание // Дуэль… С.35–36.
[54] *Соймонова Е.А.* Указ. соч. С. 49.
[55] *Жукова М.С.* Указ. соч.
[56] Там же.
[57] *Соймонова Е.А.* Указ. соч. С. 49.
[58] *Толстой Л.Н.* Война и мир. Т. 2 // Собр. соч. в 22-х т. М., 1980. Т. 5. С. 213.

Значение балов для матримониального поведения московского дворянства сложно переоценить. Они, по выражению П.А. Вяземского, были тем местом, где представители дворянской молодёжи обоих полов «учились любезничать, влюбляться, пользоваться правами и вместе с тем покоряться обязанностям общежития»[59]. Именно через общение и танцы составлялись и любовные, и брачные союзы. Вдобавок, танцы были одним из главных увеселений и, что немаловажно, фактически единственной формой допустимого и даже социально поощряемого близкого общения дворянских девушек и юношей[60]. При этом они требовали не только завидной выносливости, но и безукоризненного знания этикетных норм. Ведь танцы предполагали разговор, причём манера и тема разговора регламентировалась и видоизменялась в зависимости от танца: «"мазурочная болтовня" требовала поверхностных, неглубоких тем»[61], а вальс создавал соответствующую обстановку «для нежных объяснений»[62], причём эти объяснения делались не только вербально, но и письменно, т. к. «соприкосновение рук позволяло передавать записки. Вальс танцевали долго, его можно было прерывать, присаживаться и потом снова включаться в очередной тур»[63]. Сложно сказать, известно ли было это «преимущество» вальса «цензорам в чепцах и шалях», но иных столь же удачных способов межполового взаимодействия в дворянской культуре просто не существовало. Неудивительно, что вальса, как важного события, ждали с большим нетерпением[64], и именно он являлся излюбленным танцем дворянской молодёжи.

Впрочем, следует отметить, что не все родители в равной степени стремились выдавать своих дочерей замуж как можно скорее и были склонны навязывать им свой брачный выбор. Подобным образом, похоже, обстояли дела у Е.А. Соймоновой. Из её дневниковых записей явствует, что вопрос её замужества волновал всех прочих гораздо больше, чем её саму и её родителей: «я очень признательна московскому обществу за то внимание, которое оно уделяет моей персоне, однако забавно, что меня выдают замуж за разных женихов, а мне, как лицу наиболее заинтересованному, об этом ничего неизвестно»[65]. При этом недоумевает по поводу этих слухов не только она, но и её отец, которому приходится их официально опровергать перед друзьями и родственниками. Дневники Е.А. Соймоновой ценны тем, что не только отражают повседневную жизнь российского дворянства в Москве и её окрестностях, но и содержат нетривиальные наблюдения по поводу нравов московского общества. Вообще, ирония по поводу «пересудов» «городских кумушек»[66], которые почти всегда вращаются вокруг темы заключения

[59] Цит. по: *Захарова О.Ю.* Указ. соч. С. 9
[60] *Лотман Ю.М.* Беседы о русской культуре… С. 91.
[61] Там же. С. 96.
[62] Там же.
[63] Там же.
[64] ЦГАМ. Ф. 1341. Оп. 1. Д. 1257. Л. 2.
[65] *Соймонова Е.А.* Указ. соч. С. 47.
[66] *Там же.*

брачных союзов (реальных или мнимых), – это своего рода лейтмотив её дневника 1830-х гг.

Подобная черта сближает его со знаменитой перепиской московской дворянки М.А. Волковой, относящейся к 1812–1813 гг.: «жду не дождусь отъезда из Тамбова. Даже и здесь преследует меня сватовство. Я думала, что хотя нынешнюю зиму оставят меня в покое. Не тут-то было. Здесь есть один богач, когда я взгляну на его рожу, мне становится тошно; так вот говорят, будто я за него выхожу замуж»[67]. Как видим, московские барышни двух разных поколений сталкиваются с одинаковыми отношением со стороны общества. Обе они тяготятся статусом «девиц на выданье», но вынуждены принимать пересуды и социальные ожидания как данность. Что характерно, они склонны атрибутировать подобное поведение именно женской части московского дворянства, в отношении поведения которой они достаточно много рефлексируют. При том что обе они – представительницы московского дворянства, каждая из них склонна противопоставлять себя московскому обществу и его нравам, которые они порой откровенно осуждают.

Как явствует из вышесказанного, у московского общества существовали определённые ожидания в отношении «девиц на выданье». Несоответствие этим поведенческим паттернам иногда приводило к курьёзным ситуациям. Так, барышня узнаёт о своём мнимом сватовстве от прислуги: «Мавра много говорила мне о княжнах Мещерских, она близко знакома с их горничной, которая среди прочего сказала Мавре, что её хозяйка под строжайшим секретом поведала ей, что я должна выйти замуж в деревне 15 сентября; вся домашняя прислуга твердит то же самое; экономка рыдает и сетует на то, что мы недостаточно доверяем ей и ничего ей об том не рассказали»[68]. При этом слухи эти распространяются настолько упорно, а женщины (различного социального статуса) настолько им подвержены, что это приводит к размолвкам, недопониманию и обидам: «Госпожа Бартенева говорила мне то же самое, сказав только, что не помнит имени человека, за которого я должна выйти замуж»[69]; «добрая Вера расплакалась, когда при ней велся этот разговор, и сказала, что желает мне только добра, но поскольку она вырастила нас, то огорчилась бы, не доведись ей присутствовать на моей свадьбе»[70]. Как видим, брак мыслится как важнейшее и судьбоносное событие, поэтому сама идея брака в отношении молодой незамужней барышни становится постоянным контекстом её жизни, транслируя нормативные социальные ожидания дворянского общества.

Это выглядит особенно странно, поскольку у Е.А. Соймоновой даже нет официального кандидата в женихи. Впрочем, это становится ещё одним поводом для «пересудов»: «… она сообщила мне по секрету, что её тетушка очень много говорила о John Bull (прозвище их общего знакомого – *О.Л.*),

[67] Письмо Волковой М.А. Ланской В.И. от 11 февраля 1813 г. // Дней прошлых гордые следы… С. 171.

[68] *Соймонова Е.А.* Указ. соч. С. 47.

[69] Там же.

[70] *Соймонова Е.А.* Указ. соч. С. 47.

что, по её мнению, он является настоящей находкой для меня и что я буду просто дурочкой, если не сделаю всё возможное, чтобы заполучить его»[71]. Удивляет, как спокойно об этом пишет автор: без раздражения, только с некоторым недоумением: «как легко они об этом говорят»[72]. Очевидно, подобные высказывания были нормой среди московских «кумушек» и никого не трогали, став уже привычным контекстом повседневности московских девиц. Интересно отметить, что сами они считали, что Москва дает им больше свободы, нежели Петербург (М.А. Волкова даже полемизировала на этот счёт со своей столичной приятельницей В.И. Ланской)[73]. Очевидно, что это справедливо в отношении определённой свободы обращения, но, как видим, в реальности такая «вольность нравов» не только не высвобождала юных барышень, а скорее, наоборот, делала их объектом не только пристального внимания, но и бесцеремонного обсуждения, противостоять которому в условиях традиционного жизненного уклада было практически невозможно.

Как явствует из вышесказанного, матримониальные вопросы занимали большое место в жизни московского дворянского общества, поэтому внимание к юной «особе» со стороны мужчин всячески приветствуется как её родней, так и обществом, но с учётом ряда нюансов. Как уже отмечалось выше, кандидат в женихи должен был соответствовать ожиданиям родителей барышни. Следует подчеркнуть, что сколько-нибудь серьёзное внимание к юной незамужней дворянке со стороны представителя противоположного пола ею самой, родителями и обществом воспринимается исключительно в контексте брака. Мужчины, безусловно, также учитывают этот фактор, выстраивая свое поведение с противоположным полом. Так, А.Н. Вульф, «преуспевший» в «волокитстве», отмечает в дневнике, что «связь с женщиною гораздо выгоднее, нежели с девушкою»[74]. Это замечание позволяет сделать вывод, что, как ни парадоксально, после вступления в брак дворянка, похоже, получала большую свободу, нежели была у неё в девичестве.

Холостой мужчина, публично проявивший выходящий за рамки обычной светской любезности интерес к барышне расценивался как потенциальный жених, если, конечно, по мнению её родни, он мог составить для неё «блестящую партию». Впрочем, иногда и особых действий с его стороны не требовалось: «богат, хорош собою, Ленский // Везде был принят как жених». Однако следует отметить, что в данном контексте речь идёт о деревенских, а не о московских матримониальных практиках. Разумеется, в деревне, при отсутствии обширного выбора, любой неженатый мужчина автоматически рассматривался как потенциальный жених. Даже отсутствие чина и юный возраст не воспринимались как препятствие, если жених был состоятельным.

[71] *Соймонова Е.А.* Указ. соч. С. 49.

[72] Там же.

[73] Письмо Волковой М.А. Ланской В.И. от 1 июля 1813 г. // Дней прошлых гордые следы… С. 219.

[74] *Вульф А.Н.* Дневник. [Электронный ресурс]. URL: http:// http://dugward.ru/library/pushkin/vulf_dnevniki.html (дата обращения: 19.08.2026).

Мужчины при этом прекрасно понимают, как легко они могут подать повод к пересудам и домыслам, поэтому иногда ведут себя холодно и даже неучтиво, чтобы не быть заподозренными в «склонности» и не иметь в связи с этим брачных обязательств: «господин Görke… буквально засыпал его вопросами. И под конец сказал: “Видите, как наш отъезд всех огорчает, а вы не будете скучать по Теплому (подмосковное имение Соймоновых – *О.Л.*)?” – “Мне здесь было так хорошо, что я буду скучать по Марии Александровне (матери семейства/ – *О.Л.*)”. – “И больше ни по кому?” – “Ни по кому”. – “А по сударыням?” – “Нет”. Это “нет”, произнесённое решительно и раздражённым его вопросом тоном, прозвучало, признаюсь, не слишком любезно по отношению к нам. Так он ещё и подкрепил его фразой “Я буду скучать по Марии Александровне и Александру Николаевичу”. И ни слова про своих друзей детства»[75]. Вероятно, детская дружба в среде российского дворянства могла перерастать в любовь и даже в брак или хотя бы в сватовство (Чацкий и Софья; Ленский и Ольга), и именно это обстоятельство заставляет молодого человека, по всей видимости, ещё, в принципе, не готового жениться, отвечать на вопрос старшего друга семьи Соймоновых столь непочтительным образом. Как видим, дворянские юноши тоже испытывали на себе давление матримониальных ожиданий московского общества, однако им было значительно проще, ведь перед ними стоял выбор, и женитьба не была единственной социально поощряемой жизненной траекторией, в отличие от дворянских девиц.

Итак, Москва в первой половине XIX в. (особенно после Отечественной войны 1812 года) имела совершенно особый статус среди всех российских городов. В восприятии российского дворянства московское общество являлось как бы и столичным, и провинциальным одновременно. В первой половине XIX в. за Москвой устойчиво закрепляется статус «города невест». За этим стоял реальный гендерный дисбаланс, поскольку Петербург «оттягивал» к себе юношей, желавших учиться и делать карьеру. В Москву же «свозились» девицы на так называемую «ярманку невест». Поэтому Москва считалась идеальным местом для поиска брачного партнера и вступления в брак. В этой связи даже воспитывали девиц в Москве особым образом, ведь хорошее воспитание было залогом успеха в свете и, как следствие, успешного замужества. Особое внимание уделялось обучению танцам, ведь танцы были тем социальным языком, с помощью которого девушки могли обеспечить себе внимание мужчин и составить «блестящую партию».

За юными представительницами дворянства осуществлялся постоянный контроль со стороны старших родственников, а «в свете» – и всего светского общества. При этом социально одобряемых практик межполового взаимодействия было не так много. Поэтому значение бала и других «публичных веселостей» в жизни российского дворянства сложно переоценить. Танцы были главным способом межполового общения и складывания брачных со-

[75] *Соймонова Е.А.* Указ. соч. С. 61–62.

юзов. При этом выбор брачного партнера за дворянскую барышню, как правило, делала её семья. Мужчины же могли выбирать между браком «по склонности» и «по расчёту». Но всё же для традиционного московского общества брак – это союз двух родов.

Особой чертой московского дворянского общества в этот период была склонность к сплетням и пересудам, главной темой которых являются браки – реальные или мнимые – и брачное поведение дворянства. Через них выражалась социально-одобряемая и предписываемая модель поведения.

Матримониальные вопросы занимали большое место в жизни московского дворянского общества, поэтому внимание к юной «особе» со стороны мужчин всячески приветствовалось её родней, но при этом крайне остро стоял вопрос о «девичей чести», кроме того, кандидат в женихи должен был соответствовать ожиданиям родителей барышни. Следует подчеркнуть, что сколько-нибудь серьёзное внимание к юной незамужней дворянке со стороны представителя противоположного пола ею самой, родителями и обществом воспринималось исключительно в контексте брака. Неженатым мужчинам приходилось вести себя крайне осмотрительно, а иногда даже холодно и отстранённо, чтобы не скомпрометировать барышню и не быть заподозренным в «склонности». Так мужчины тоже оказывались включены в систему социальных ожиданий в отношении их брачного поведения.

Список литературы:

1. *Белова А.В.* Без родительского попечения: провинциальные дворянки в столичных институтах // Родина. 2001. № 9. С. 29–31.
2. *Белова А.В.* Домашнее воспитание русской провинциальной дворянки конца XVIII - первой половины XIX века: «корневое» и «иноземное». [Электронный ресурс]. URL: https://a-z.ru/women_cd1/html/belova_b.htm#note40 (дата обращения: 15.08.2026).
3. *Болотина М.В.* «Российское юношество должно быть воспитываемо… хотя и в домах своих, но всегда в России»: семейное образование в России в первой половине XIX в. // Вестник РУДН. Серия «История России». 2008. № 2. С. 24–31.
4. *Губер П.К.* Донжуанский список А.С. Пушкина. М.–П.: Петроград, 1923. – 279 с.
5. *Захарова О.Ю.* Светские церемониалы в России XVIII – начала XX в. М.: ЗАО Центрполиграф, 2003. – 329 с.
6. *Лотман Ю.М.* Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб.: Искусство – СПб., 2006. – 413 с.
7. *Марченко Н.* Приметы милой старины. Нравы и быт пушкинской эпохи. [Электронный ресурс]. URL: http://www.e-reading.by/bookreader.php/135533/Primety_miloii_stariny._Nravy_i_byt_pushkinskoii_epohi.pdf (дата обращения: 17.08.2026).

8. *Ободовская И., Дементьев М.* Наталья Николаевна Пушкина: По эпистолярным материалам. М.: Издательство «Советская Россия», 1985. – 368 с.
9. *Пушкарева Н.Л.* Частная жизнь русской женщины XVIII века. М.: Издательство «Ломоносовъ», 2012. – 208 с.
10. *Солодянкина О.Ю.* Гувернантки в русских дворянских семьях // Вестник РУДН. Серия «История России». 2003. № 2. С. 38–44.
11. *Ткаченко О.В.* Соймоновы и их окружение // *Соймонова Е.А.* Дневники. Московское общество в 1833-1835 гг. / сост., вступ. ст., коммент. О.В. Ткаченко; пер. А.В. Лазурского. М.: «Кучково поле», 2023. С. 5–29.
12. *Чижикова А.С.* Жизненный уклад русских столичных дворян в первой половине XIX века // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Исторические науки. 2011. № 2. С. 74–82.

Об авторе:

ЛИСИЦЫНА Ольга Игоревна – кандидат исторических наук, доцент, кафедра всеобщей истории, Тверской государственный университет (Россия, 170100, Тверь, ул. Трехсвятская, 16/31); e-mail: olglisitsyna@yandex.ru

Moscow in the Context of the Marital Behavior of the Russian Nobility in the First Half of the 19th Century

O.I. Lisitsyna

The Tver State University, *Tver, Russia*

Recently, historical anthropology has shown a sustained interest in the history of everyday life; increasing attention is being paid to the private sphere of people's lives in the past, the institution of the family, and family memory. The aim of this article is, based on self-documents, fiction, and journalistic works, to identify the specifics of the matrimonial behavior of the Russian nobility in the context of Moscow's special status, which emerged after the fire of 1812. During the period under consideration, Moscow had the status of a "city of brides," which was largely due to the distinctiveness of Moscow society. Family ties played a major role in Moscow society, and therefore so did the women who upheld them. If people went to St. Petersburg to build a career, they preferred to get married in Moscow, and the marital behavior of girls and men differed significantly.

Keywords: *Russian nobility, matrimonial behavior, marriage, family, kinship ties, Moscow society.*

About the author:

LISITSYNA Olga Igorevna – the Candidate of History, The Dept of General History, The Tver State University (16/31, Trekhsvyatskaya Street, Tver, 170100, Russia); e-mail: olglisitsyna@yandex.ru

References

Belova A.V., *Bez roditel'skogo popecheniya: provincial'nye dvoryanki v stolichnyh institutah*, Rodina. 2001. № 9. S. 29–31.

Belova A.V., *Domashnee vospitanie russkoj provincial'noj dvoryanki konca XVIII – pervoj poloviny XIX veka: «kornevoe» i «inozemnoe».* [Ehlektron-nyj resurs]. URL: https://a-z.ru/women_cd1/html/belova_b.htm#note40 (data obrashcheniya: 15.08.2026).

Bolotina M.V., *«Rossijskoe yunoshestvo dolzhno byt' vospityvaemo… hotya i v domah svoih, no vsegda v Rossii»: semejnoe obrazovanie v Rossii v pervoj polovine XIX v.*, Vestnik RUDN. Seriya «Istoriya Rossii». 2008. № 2. S. 24–31.

Guber P.K., *Donzhuanskij spisok A.S. Pushkina.* M.–P.: Petrograd, 1923. – 279 s.

Zaharova O.Yu. *Svetskie ceremonialy v Rossii XVIII – nachala XX v.*, M., ZAO Centrpoligraf, 2003. – 329 s.

Lotman Yu.M., *Besedy o russkoj kul'ture: Byt i tradicii russkogo dvoryanstva (XVIII – nachalo XIX veka)*, SPb., Iskusstvo – SPb, 2006. – 413 s.

Marchenko N., *Primety miloj stariny. Nravy i byt pushkinskoj ehpohi.* [Ehlektronnyj resurs]. URL: http://www.e-reading.by/bookreader.php/135533/Primety_miloii_stariny._Nravy_i_byt_pushkinskoii_epohi.pdf (data obrashcheniya: 17.08.2026).

Obodovskaya I., Dement'ev M., *Natal'ya Nikolaevna Pushkina: Po ehpistolyarnym materialam*, M., Izdatel'stvo «Sovetskaya Rossiya», 1985. – 368 s.

Pushkareva N.L., *Chastnaya zhizn' russkoj zhenshchiny XVIII veka*, M., Izdatel'stvo «Lomonosov"», 2012. – 208 s.

Solodyankina O.Yu., *Guvernantki v russkih dvoryanskih sem'yah*, Vestnik RUDN. Seriya «Istoriya Rossii». 2003. № 2. S. 38–44.

Tkachenko O.V., *Sojmonovy i ih okruzhenie*, Sojmonova E.A., Dnevniki. Moskovskoe obshchestvo v 1833–1835 gg. / sost., vstup. st., komment. O.V. Tka-chenko; per. A.V. Lazurskogo. M., «Kuchkovo pole», 2023, S. 5–29.

Chizhikova A.S., *Zhiznennyj uklad russkih stolichnyh dvoryan v pervoj polo-vine XIX veka*, Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta, Seriya Istoricheskie nauki, 2011, № 2, S. 74–82.

Статья поступила в редакцию 23.08.2026 г.

Подписана в печать 11.09.2026 г.

Вестник ТвГУ. Серия «История». 2026. № 3 (79). С. 52–66.

ИСТОРИЯ РОССИИ

УДК 94(470.33)”18/19”+392.65
DOI 10.26456/vthistory/2026.3.052

Антропология девиантного поведения (на примере Тверской губернии во второй половине XIX – начале XX века)

Г.В. Карандашев

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского», *г. Ярославль, Россия*

Исход судебных разбирательств об отклоняющемся поведении в Тверской губернии во второй половине XIX – начале XX в., доказано в статье, определялся социальным положением участников. Бытовая деструктивность предстала сосредоточенной в домах терпимости – местах острых конфликтов из-за сочетания полицейского контроля, финансовых обманов клиентов, криминального окружения и социального отчаяния крестьянок и мещанок из бедных семей. Начавшие торговлю телом до 20 лет, они не имели и начального образования; содержательницами притонов были мещанки разного возраста, знавшие азы бухгалтерии. Общественные обсуждения «социальных язв» были вызваны бесправным экономическим положением участниц секс-коммерции, распространением венерических болезней, и выливались в требование отменить легализацию публичных домов.

Ключевые слова: *Российская империя, Тверская губерния, антропология, девиантное поведение, дом терпимости, проституция, алкоголизация, преступность.*

В девиантологии дискуссия о том, что обусловливает отклоняющееся поведение – социальный контекст или внутренняя природа человека, восходит к XIX в. В современной науке это противостояние оформилось как спор между релятивизмом, подчеркивающим историческую и культурную изменчивость норм, и антропологическим подходом, который акцентирует глубинные личностные деформации. Такой ракурс позволяет интерпретировать различные формы девиаций не просто как социальные явления, но и как проявления личностного кризиса, возникающие на пересечении общественных условий и внутреннего мира человека[1].

Проекция этого спора на конкретный исторический контекст даёт возможность увидеть, как теоретические установки преломлялись в практике

[1] *Хагуров Т.А.* Девиантология – социология и психология зла: монография. М., 2023.

© Карандашев Г.В., 2026

регулирования девиаций. Так, на рубеже XIX–XX вв. проституция стала одним из самых обсуждаемых социальных феноменов в России, а врачебно-полицейский надзор за ней – предметом острых дискуссий. Регламентаторы выступали за обязательные медицинские осмотры и лицензирование публичных домов[2]. Аболиционисты и лидеры женского движения настаивали, что регламентация ведёт к унижению женщин и не решает поставленных задач[3], а в домах терпимости «совершается более глубокое падение нравственной личности, нежели в том случае, когда проститутка одиночка»[4]. Примечательно, что уже в то время в оценках проституции как общественного явления проявлялись гендерные различия самих учёных[5].

Историографический обзор показывает, что интерес к проблеме проституции в России имеет давнюю традицию. В советское время считалось, что регламентация 1843–1917 гг. показала полнейшую санитарную несостоятельность. Надзор за проституцией носил резко выраженный дискриминационный характер и всей своей тяжестью ложился на женщин, принадлежащих к «недостаточным классам населения». Дома терпимости оказались не орудием оздоровления, а «опаснейшим очагом заражений и вместе с тем взрывающим всю систему надзора источником деморализации причастных к надзору агентов власти»[6].

Р. Стайтс предложил одно из первых комплексных исторических исследований проституции в дореволюционной России, показав, что система регламентации 1843 г. не достигла заявленных целей. Русский публичный дом выступал образом гноящегося центра болезни, гнезда преступности и тюрьмы для сексуальных рабынь, а не официальным образом чистой, хорошо контролируемой социальной профилактики[7]. Хотя Л. Бернштейн отмечает, что для многих бедных женщин работа в борделе была добровольным выбором и даже улучшением по сравнению с нищетой[8].

Бордели в Российской империи были неотъемлемой частью государственной системы регулирования проституции, связанной с военными нуждами. П. Хезерингтон подчеркивает гендерную специфику управления ими

[2] *Тарновский В.М.* Проституция и аболиционизм. СПб., 1888.

[3] *Елистратов А.И.* О прикреплении женщины к проституции. Казань, 1903.

[4] *Покровская М.И.* Борьба с проституцией: доклад II Отделению Р. Общества охранения народного здравия, 10 декабря 1899 года. СПб., 1900. С. 32.

[5] *Пушкарева Н.Л., Белова А.В., Мицюк Н.А.* Сметая запреты: очерки русской сексуальной культуры XI–XX веков. М., 2025. С. 17.

[6] *Броннер В.М., Елистратов А.И.* Проституция в России. М., 1927. С. 19, 32–33.

[7] *Stites R.* Prostitute and society in Pre-Revolutionary Russia // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1983. 31(3). P. 354.

[8] *Bernstein L.* Sonia's Daughters: Prostitutes and Their Regulation in Imperial Russia. Berkeley, 1995. P. 144–161, 167–175.

(только женщины-мадам), распространенность теневых практик (сутенерство), а также наличие уникальной субкультуры[9]. Проституция как культурный конструкт отражала гендерную и классовую динамику имперской России[10].

В современной российской историографии проституция во второй половине XIX – начале XX в. предстаёт как многогранный социокультурный феномен городской повседневности: ситуация подробно освещается в двух столицах[11], а региональные изыскания передают местную специфику регламентации[12]; анализируется правовой статус домов терпимости, деятельность которых государство пыталось поставить под свой контроль[13].

Проблема проституции в Тверском регионе во второй половине XIX – начале XX в. остается малоизученной. Лишь в диссертационном исследовании А.В. Петровой, основанном на материалах Тверской губернии, отмечается распространение практики аренды детей-сирот для занятия проституцией и попрошайничеством, а также факт того, что многие сироты впоследствии пополняли ряды публичных женщин[14].

Цель работы – в рамках антропологического подхода охарактеризовать различные формы девиантного поведения в Тверской губернии во второй половине XIX – начале XX в. как взаимосвязанные элементы городской повседневности, рассматриваемые в контексте регламентации проституции. Проституция выступает не единственным, но центральным объектом анализа: именно через систему её надзора раскрываются механизмы социального контроля, гендерные и сословные асимметрии, а также взаимосвязь различных девиаций, в том числе алкоголизации и преступности. Достиже-

[9] *Hetherington P.* Prostitution in Moscow and St. Petersburg, Russia // Selling Sex in the City: A Global History of Prostitution, 1600s–2000s. Leiden; Boston, 2017. P. 138–170.

[10] *Lucey C.* Love for Sale: Representing Prostitution in Imperial Russia. Ithaca. 2021.

[11] *Лебина Н.Б., Шкаровский М.В.* Проституция в Петербурге (40-е гг. XIX в. – 40-е гг. XX в.). М., 1994; *Кузнецова А.Н.* Проституция и нужда в Москве в конце XIX – начале XX века // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 7–2 (70). С. 29–35.

[12] *Паликова Т.В.* «Торговля позором», или «заведения наслаждения»: дома терпимости в социально-сервисной сфере городов Забайкалья в начале XX в. // Вестник РУДН. Серия История России. 2009. № 2. С. 38–52; *Малышева С.Ю.* Содержательницы казанских борделей второй половины XIX – начала XX в.: портрет явления // Учёные записки Казанского университета. Гуманитарные науки. 2013. Т. 155. Кн. 3. Ч. 1. С. 102–112; *Нестеренко Д.Н., Гергилев Д.Н., Хаит Н.Л., Излученко Т.В.* Дихотомия публичного и приватного на примере феномена сексуальной коммерции в Енисейской губернии в конце XIX – начале XX вв. // Былые годы. 2024. № 19(3). С. 1257–1264.

[13] *Зюбан М.Н.* Российские дома терпимости: середина XIX столетия – 1917 г. // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2011. № 3–2(19). С. 164–169.

[14] *Петрова А.В.* Сиротство как социальное явление во второй половине XIX – начале XX вв.: по материалам Тверской губернии: автореферат дисс. ... канд. истор. наук: 07.00.02. Тверь, 2007. С. 12–15.

нию цели служат методы истории повседневности, позволяющие проанализировать неформальные практики взаимодействия власти, общества и маргинальных групп и выявить иерархии через анализ конфликтных ситуаций[15].

Численность зарегистрированных публичных женщин в Тверской губернии не была статичной и постоянно менялась, показывая постепенный рост с начала введения надзора. По данным официального обследования, проведённого 1 августа 1889 г., в Тверской губернии насчитывалось 104 зарегистрированные проститутки. Из них 26 работали в домах терпимости, 78 являлись одиночками. Средний возраст для работавших в борделях составлял 22 года и 25 лет – для одиночек[16]. Наибольшее число проституток было зафиксировано в губернском городе Твери – 27 (см. табл.).

Сведения о количестве проституток в Тверской губернии по данным обследования 1 августа 1889 г.[17]

Город/уезд	Одиночки	В домах терпимости	Общее количество проституток в городах и уездах
Тверь	19	8	27
Бежецк	11	–	11
Вышний Волочёк	11	–	11
Кашин	–	8	8
Осташков	1	6	7
Ржев	3	4	7
Старица	7	–	7
Торжок	6	–	6
Весьегонск	6	–	6
Калязин	4	–	4
Корчев	3	–	3
Зубцов	3	–	3
Бежецкий уезд	3	–	3
Корчевский уезд	1	–	1
Всего	78	26	104

Большинство девушек не имели образования и происходили из бедных крестьянских семей. На 1 августа 1889 г. в Тверской губернии действовало 8 домов терпимости и 1 дом свиданий. Каждое заведение имело содержатель-

[15] *Пушкарева Н.Л., Любичанковский С.В.* Понимание истории повседневности в современных исторических исследованиях: от школы Анналов к Российской философской школе // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2014. Т. 4. № 1. С. 7–21.

[16] Проституция = La prostitution: по обследованию 1-го августа 1889 года. Санкт-Петербург, 1890. С. 18.

[17] Там же.

ницу – женщину, организовывавшую сексуальную коммерцию. Анализ персональных данных содержательниц позволяет составить их примерный социально-демографический портрет. Их возрастная структура характеризовалась значительной неравномерностью и охватывала диапазон от лиц моложе 20 лет до лиц старше 55 лет[18]. Возраст содержательниц младше 35 и старше 55 лет нарушал «Правила для содержательниц домов терпимости», изданные МВД 28 июля 1861 г., где прописывалось, что «дома терпимости дозволяется открывать только женщинам не моложе 35 и не старее 55 лет»[19]. Значительную группу содержательниц по сословию представляли мещанки[20]. Доминирование данного сословия вполне закономерно: мещане составляли основную массу городского торгово-промышленного населения, которое обладало необходимыми связями, капиталом и возможностью аренды помещений для ведения подобного бизнеса.

Источники фиксируют разнообразные факты нарушений общественного порядка и преступлений на протяжении действия надзора, связанные с домами терпимости. В рапорте тверского губернатора министру внутренних дел от 13 августа 1863 г. сообщалось, что 11 августа в 11 часов вечера рабочие, строившие ветку железной дороги от Тверской станции до реки Волги, совершили буйство в «доме девок вольного обращения», находившемся за рекою Лазурью. Мужчины выбили окна и расхитили часть пожитков. На место происшествия был направлен патруль из восьми полицейских нижних чинов при двух унтер-офицерах и четырех рядовых Тверского батальона внутренней стражи. Однако рабочие оказали сопротивление: некоторых патрульных связали, нанесли им побои – одному повредили плечо и колено, другому раскроили губу и выбили зуб. Для усмирения были отряжены две роты солдат, но к их приходу буйство уже прекратилось, а рабочих нашли «спокойно лежащими на своих нарах». По указанию публичных девушек арестовали 10 человек и заключили в острог, избитых солдат отправили в больницу. Тверской вице-губернатор Ю.В. Толстой распорядился о производстве следствия особой комиссией. Полицмейстер первоначально донес о «взбунтовавшихся поляках» численностью до 400 человек, однако дознание показало, что из десяти главных виновников только один был уроженцем Могилевской губернии, остальные – из Великороссийских губерний; под «поляками» ошибочно подразумевались землекопы[21].

25–26 августа 1874 г. в тверском доме терпимости Бахиревой в нетрезвом состоянии находились унтер-офицер 1-го гусарского сумского полка Николай Узатис (20 лет) и лейб-гвардии кирасирского полка барон Александр де Брионольд (24 года). По показаниям содержательницы, публичных девиц (мещанок Гаврюшкиной, Некрасовой, Чирьевой) и музыкантов (бессрочноотпускного Пушкова, тверских мещан Егора и Михаила Корзиных),

[18] Там же. С. 12–15.

[19] *Зюбан М.Н.* Указ. Соч. С. 165.

[20] Проституция = La prostitution…С. 18.

[21] Государственный архив Тверской области (далее – ГАТО). Ф. 56. Оп. 1. Д. 11045. Л. 14.

офицеры долго танцевали. Когда музыканты потребовали плату, а девица Гаврюшкина отказалась продолжать танцы, Узатис нанес побои музыканту Николаю Иванову, затем ударил Гаврюшкину в подбородок, а после схватил и напал на саму Бахиреву. Бахирева вызвала помощника пристава 1-й части 4-го квартала Рубинштейна. Когда тот прибыл и предложил прекратить буйство, офицеры ответили ругательствами, посылая его «к черту» и произнося «площадные слова». Де Брионольд схватил Рубинштейна за рукав пальто, прижал к стене, тормошил и тряс, говоря, что он «гораздо важнее» помощника пристава, и обращался на «ты». Рубинштейну удалось вырваться, но на лестнице Узатис ударил его по спине. Вернувшись с понятыми (мещане Алексей и Иван Пряженниковы) и полицейскими (Сергей Никитин, Леонтий Комиссаров) для составления протокола, Рубинштейн застал де Брионольда без каски, галстука и шинели. Тот стучал по столу, толкал его, требовал писать, что «полиция украла у меня 150 руб., шинель, перчатки и галстук», грозил, что Рубинштейн завтра же лишится места, т. к. де Брионольд – сын генерала, и будет телеграфировать шефу жандармов. Когда Рубинштейн перешел в другую комнату, де Брионольд последовал за ним; полицейские удерживали его, а он выхватывал саблю, угрожая изрубить их. После составления протокола де Брионольд разорвал его на несколько кусков и бросил на пол. На следствии Узатис сначала сознался во всем, затем заявил, что взял вину на себя по просьбе де Брионольда, что подтвердили свидетели Ушаков и Миллер. Де Брионольд ссылался на беспамятство. Узатис был уволен со службы без права ношения воинского звания. Несмотря на очевидные доказательства, Тверской окружной суд 25 апреля 1875 г. признал обоих невиновными[22]

В 1892 г. тверской полицмейстер получил анонимное письмо с жалобой на две портерные (питейные заведения) на Мироносицкой улице, которые, по словам автора, являлись «публичными домами», а посетителей, заявляющих жалобы, выталкивали вон. Полиция провела дознание, сосредоточившись на заведении дочери причетника Калязинского уезда, девицы Елизаветы Ивановны Аркадовой в доме Ламберг. Городовой Андрей Колбасов доложил приставу, что Аркадова допускает в портерную девиц, занимающихся тайной проституцией, а в случае их отсутствия вступает в сношения с мужчинами сама. В доказательство приводился эпизод 21 февраля 1892 г.: из портерной Аркадовой был послан извозчик (крестьянин Илья Степанов) за проституткой с Бураковой улицы к Анне Бодровой. Бодрова, не отпустив девицу одну, привезла ее сама. По показанию Бодровой и проститутки Авдотьи Никитиной, в портерной они застали лишь мальчика лет десяти, затем из темной соседней комнаты вышли оправляющая платье Аркадова и застегивающий штаны чиновник Сергей Павлович Колтыпин. Колтыпин заявил, что девица ему не нужна, «так как у него уже есть», указав на портерницу. Никитина воскликнула: «Что же ты, портер-

[22] ГАТО. Ф. 660. Оп. 3. Д. 181. Л. 3-5, 53.

ница, а занимаешься тем же, чем и мы, проститутки?». Прибывший городовой № 26 Иван Монахов подтвердил, что Бодрова называла Аркадову «блядью»[23], а Колтыпин просил никому не говорить о случившемся. Однако защиту Аркадовой взял на себя её родной дядя – коллежский секретарь, частный поверенный Николай Гоголев. Он явился в полицейскую часть, заявил о «высокой нравственности» племянницы и представил свидетельство врача Е.С. Соловьевой от 28 февраля 1892 г., удостоверяющее, что Аркадова «не дефлорирована». Гоголев не отрицал, что Колтыпин был у Аркадовой, но называл его «дальним родственником – крестовым братом». Сам Колтыпин на допросе объяснил, что был «немного нетрезв», послал извозчика за девками, но потом, узнав в портернице крестовую сестру, забыл о них и просто пил пиво, а приехавшие девки были пьяны и начали шуметь. Суд вызвал свидетелей, включая мальчика (крестьянского сына Николая Белугина). В итоге, Тверской городской суд оправдал Аркадову, признав обвинение со стороны Бодровой и Никитиной «недобросовестным»[24].

Иной тип конфликта – принудительная регистрация. Так, в Бежецке в 1902 г. крестьянка Ирина Иванова, замужняя женщина, была зачислена полицейским надзирателем в число проституток. 12 июня 1902 г. она подала прошение в уездное полицейское управление, где объясняла: «состою замужем и проституткой быть не желаю». Женщина работала прачкой при Бежецкой больнице. По распоряжению полиции была проведена проверка. Крестьянка Наталья Конюхова, у которой Иванова квартировала, показала, что та «живет тихо и гулять не ходит, а также никого не принимает», ходит на работу в больницу и ночует дома. Старший городовой Курулев подтвердил, что «про Ирину Иванову ничего плохого не слыхал и ведет она себя хорошо». Дело направили на распоряжение уездного полицейского управления[25].

Следующая серия конфликтов связана с деятельностью мещанки Марии Тромберг в Осташкове. В 1908 г. она открыла дом терпимости на Екатерининской улице в доме Богданова с разрешения уездного исправника, который руководствовался санитарными соображениями: в городе с населением около 13 тысяч человек была сильно развита тайная проституция и венерические заболевания. Однако уже в апреле 1908 г. 45 обывателей подали прошение в городскую думу, указывая, что дом расположен в центре, в 25–30 саженях от бульвара и катка, на пути рабочих завода Савина (до 700 человек), рядом с часовней, на улице, где останавливался император Александр I. Дума единогласно постановила ходатайствовать о закрытии. Исправник в рапорте от 18 июня 1908 г. подробно обосновал выбор места: вокруг дома Богданова – только кузницы, где работают, но не живут владельцы; ближайшая часть бульвара пустует; каток окружен высоким забором; инициатором жалоб выступал директор завода Нил Михайлович Савин,

[23] Там же. Д. 524. Л. 3–22.
[24] ГАТО. Ф. 660. Оп. 3. Д. 524. Л. 3–22.
[25] Там же. Ф. 806. Оп. 2. Д. 364. Л. 2.

который «привык, чтобы всё подчинялось его влиянию». Исправник отказался отменить разрешение, сославшись на то, что Тромберг и домовладелец уже произвели ремонт на сумму около 400 рублей. Однако губернатор в письме от 26 июня 1908 г. не признал возможным отменить распоряжение о закрытии из-за близости к катку и просьб горожан. К 1 июля 1908 г. дом терпимости был закрыт. Тромберг, понесшая затраты до 1500 рублей, перевела заведение на Малую Преображенскую улицу. Но там 27 домовладельцев в 1910 г. подали новую жалобу на скандалы, драки и кражи. Полицейский надзиратель Флеров провёл дознание и подтвердил, что почти каждую ночь у дома бывают шум, крик, драки пьяных мужчин; две девицы осуждены за кражи денег у посетителей; чиновник Казначейства Симонов получил тяжкие побои от выходившей оттуда молодежи. При опросе жителей некоторые признались, что подписали прошение, не читая, по просьбе соседей, но большинство подтвердили, что пьяные крики мешают им спать и вредны для детей. Домовладелица Мария Савина (вероятно, родственница заводчика) жаловалась губернатору, что из-за соседства с домом терпимости ее квартира пустует и она не может найти жильцов. В сентябре 1910 г. Тромберг дала подписку переехать на окраину («в местность под названием «Америка») к 15 октября, но дело тянулось до 30 апреля 1911 г., когда губернатор передал окончательное решение полиции[26].

В 1913 г. в Кашине произошёл инцидент с участием нижних чинов конвойной команды. Крестьянка Лукерья Кузьмина содержала дом терпимости в глухом месте на Садовой улице. 14 апреля 1913 г. около 5 часов вечера, несмотря на запрет кашинского уездного воинского начальника на посещение подобных заведений нижними чинами, солдаты Ефимов и Золин попытались войти в бордель силой. Муж хозяйки и случайные извозчики, пришедшие «выпить», вытолкнули сначала Золина, который вскоре убежал, а затем избили Ефимова, продолжив наносить побои на улице. Ефимов сначала оборонялся обломком доски, но его сшибли с ног и били лежачего. Подошедшие сослуживцы (до 15 человек) разбили стекла в доме терпимости, муж хозяйки бросил вдогонку большой камень, не попав. Дознание выявило, что местные жители уже ранее подавали прошение исправнику о закрытии этого дома: скандалы и драки происходили почти ежедневно, люди по ночам не спали, боясь «диких выступлений». В доме велась беспатентная продажа спиртных напитков (хотя хозяйка отрицала), а девицы были с венерическими болезнями, что вело к заражению нижних чинов. Туда иногда приходили кутить воспитанники средних учебных заведений. Губернатор в письме от 9 июля 1913 г. предложил исправнику закрыть дом терпимости. Просьба Кузьминой продлить его содержание была отклонена[27].

В 1914 г. разбиралось дело по рапорту командира 8-го гренадерского Московского полка великого герцога Мекленбург-Шверинского Фридриха, который требовал закрыть публичные дома на Бураковской улице г. Твери

[26] ГАТО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 13017. Л. 4–26.
[27] Там же. Д. 1739. Л. 11, 20.

или перенести их в Затверецкую часть города. Одновременно крестьянка Ф.Е. Байкова и крестьянин Е.К. Щелкунов жаловались на введение полицией запрета на открытие домов терпимости в Твери[28]. Эти документы показывают, что к 1910-м гг. конфликты вокруг размещения домов терпимости достигли уровня армейского командования, а отдельные лица (в том числе из крестьян) пытались оспорить запреты, видя в содержании заведений легальный доход.

Таким образом, документы 1863–1914 гг. фиксируют устойчивую картину: дома терпимости в Тверской губернии были постоянными очагами конфликтов – от рабочих погромов и драк офицеров до организованных протестов обывателей и судебных разбирательств. Социальный статус участников часто определял исход дел: рабочих-землекопов арестовывали, офицеров-дворян оправдывали, а содержательницы (Бахирева, Тромберг, Кузьмина) несли материальные потери и не получали компенсаций. Дело Аркадовой показало, что женщина могла быть оправдана благодаря связям (дядя-чиновник, врачебное свидетельство). К 1910-м гг. практика закрытия заведений по требованию общественности ужесточилась, а споры о размещении домов терпимости продолжались вплоть до начала Первой мировой войны.

Функционирование домов терпимости в Российской империи регулировалось не столько законами, сколько административными правилами Министерства внутренних дел, изданными в 1844 г. Согласно этим правилам, разрешение на открытие заведения, надзор за ним и его закрытие возлагались на полицию. Однако на местах нередко возникала правовая неопределенность. Уже в 1873 г. Тверское городское полицейское управление обратилось к вышестоящим инстанциям с запросом о том, каким именно законом должна руководствоваться полиция при открытии и закрытии домов терпимости[29]. Этот документ свидетельствует, что правила 1844 г. давали лишь общие полномочия, а детали процедуры (основания для отказа, порядок обжалования, критерии выбора места) отсутствовали. Полиция вынуждена была действовать по своему усмотрению, что порождало конфликты и жалобы.

В 1898 г. Правительствующий Сенат в определениях № 1519 (17 февраля) и № 3628 (28 апреля) разъяснил, что городские думы не имеют законного основания устанавливать места для домов терпимости, поскольку эта сфера регулируется только административными правилами, а надзор за домами терпимости определяется не законом, а особыми правилами, изданными Министром внутренних дел[30]. Тем не менее на практике губернатор учитывал мнение влиятельных горожан и городских дум, что хорошо видно из дела Тромберг в Осташкове (1908–1911), где жалобы заводчика Савина и единогласное постановление думы привели к закрытию заведения, несмотря на аргументы исправника.

[28] Там же. Оп. 1-1. Д. 1752.
[29] ГАТО. Ф. 466. Оп. 1–15. Д. 20446.
[30] Там же. Ф. 56. Оп. 1. Д. 13017. Л. 27.

Важным дополнением к правовым нормам стали циркуляры Министерства внутренних дел 1901 г. № 1314 (6 июня) и № 1623 (16 июля) о возрасте проституток, допускаемых в дома терпимости. В разъяснении министра внутренних дел статс-секретаря Плеве от 3 октября 1902 г. (№ 2147) указывалось, что несовершеннолетние проститутки, находившиеся в домах терпимости до издания циркуляра от 6 июня 1901 г., не исключаются из домов терпимости помимо их желания, но в случае выхода из этих домов не могут быть вновь принимаемы ранее достижения совершеннолетия[31]. Этот документ свидетельствует о стремлении центральной власти ограничить вовлечение несовершеннолетних в легальную проституцию, однако с оговоркой, что уже работавшие могли оставаться.

Особое направление полицейского надзора составлял розыск международных профессиональных вербовщиц и вербовщиков женщин в дома терпимости. 22 августа 1896 г. Департамент полиции МВД разослал циркуляр губернаторам о розыске Берты Шмит, жительницы Рупперсдорфа (Германия), родившейся в 1856 г. Она была известной профессиональной сводней, уже отбывавшей наказание за преступную деятельность. Ей был выдан паспорт на проезд в Германию и Россию сроком на три года, и предполагалось, что она отправится в Россию для вербовки женщин в дома терпимости. Указывались приметы Шмит: рост средний, волосы светлые, глаза серо-голубые. Тверской губернатор Ахлестышев 4 сентября 1896 г. направил циркуляр уездным исправникам и тверскому полицмейстеру с предписанием учредить строгое наблюдение за деятельностью Шмит в случае ее прибытия в губернию. По полученным донесениям, Шмит в Тверскую губернию не прибыла[32].

Аналогичное циркулярное распоряжение департамент полиции направил 4 ноября 1896 г. в связи с Мошкой Руфиновским – известным поставщиком женщин в дома терпимости, который отправился из Монтевидео в Европу с целью закупки девушек. Руфиновский был евреем, родом из России, путешествовал с паспортами на несколько вымышленных имен (Мориц Шевер, Маркус Шонер, Моисей Шейнер, Мордше Цивис, Марко Гублертовский), именуя себя уроженцем то Аргентины, то Уругвая, то Бразилии, то Австрии или Турции. Он говорил на ломанном немецком, а также по-испански, по-итальянски и по-французски, но на всех языках плохо. Тверской губернатор 20 ноября 1896 г. направил предписание об учреждении наблюдения. По донесениям, Руфиновский в губернии не появился[33].

В 1909 г. Департамент полиции вновь обратился к тверскому губернатору с требованием установить наблюдение за И. Шлеймовичем и А. Кротером – уроженцами Варшавы, возвращавшимися из Буэнос-Айреса и занимавшимися вербовкой девушек для своих притонов[34]. Разыскиваемые лица не были обнаружены, однако сам факт многолетней циркулярной переписки

[31] ГАТО. Ф. 806. Оп. 2. Д. 364. Л. 5.
[32] Там же. Ф. 56. Оп. 1. Д. 11659. Л. 1–17.
[33] Там же. Д. 11670. Л. 1–17.
[34] Там же. Оп. 1-5. Д. 13161. Л. 1–20.

свидетельствует о том, что центральные власти рассматривали международную вербовку проституток как серьезную угрозу и требовали от местной полиции повышенного внимания.

Экономическая сторона содержания домов терпимости документирована фрагментарно, но позволяет оценить масштабы затрат. При открытии заведения в Осташкове Тромберг заарендовала дом Богданова и произвела ремонт, первоначально потратив около 400 рублей, а затем, с учетом обстановки, – до 1500 рублей[35]. Аренда и ремонт жилого дома в уездном городе составляли значительную сумму. Содержательницы рассчитывали на окупаемость за счет платы посетителей, однако принудительное закрытие заведения влекло за собой безвозвратные убытки. Тромберг неоднократно просила губернатора либо разрешить продолжить работу, либо взыскать понесенные потери с виновных, но получала отказ[36]. Домовладелица Мария Савина жаловалась, что из-за соседства с домом терпимости ее квартира пустует, и она теряет доход от сдачи жильцам[37]. В Бежецке зачисление женщины в проститутки без её согласия (как в случае с Ириной Ивановой) означало для неё потерю возможности зарабатывать легальным трудом и социальное клеймо[38]. Дома терпимости создавали сложную социально-экономическую экосистему: содержательницы, домовладельцы, извозчики, музыканты – все они были вовлечены в легальный или полулегальный бизнес.

Санитарный надзор являлся официальным обоснованием существования домов терпимости. В Тверской губернии действовала система медицинских освидетельствований женщин публичного поведения. Из рапорта ординатора тверской гражданской больницы от 24 сентября 1854 г. следует, что полиция должна была доставлять девушек на осмотр еженедельно, однако в течение года доставляла только раз в месяц, в малом числе, а в июне 1854 г. не доставила вовсе. Врач прямо связывал это с распространением «венерической заразы» и просил принять меры к ее прекращению[39]. В августе 1854 г. из девяти осмотренных женщин две (Устинья Григорьева, 17 лет, и Акулина Семенова, 28 лет) оказались зараженными венерической болезнью[40].

В Бежецке в конце 1902 г. заведующий земской больницей сообщил исправнику, что «проститутки в земскую больницу для осмотра не являются около двух месяцев»[41]. В ответ 8 декабря 1902 г. полицейское управление постановила собрать всех зарегистрированных женщин и препроводить в больницу для освидетельствования, а неявившихся привлечь к ответственности, составляя протоколы отдельно на каждую. Кроме того, предписывалось принять меры к обнаружению всех женщин и девиц, занимающихся

[35] ГАТО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 13017. Л. 8, 20.
[36] Там же. Л. 17, 20.
[37] Там же. Л. 15.
[38] Там же. Ф. 806. Оп. 2. Д. 364. Л. 2.
[39] Там же. Ф. 56. Оп. 1. Д. 830. Л. 35.
[40] Там же. Л. 33.
[41] Там же. Оп. 2. Д. 364. Л. 6.

тайной проституцией, и зачислить их в разряд проституток[42]. Проблема нерегулярных осмотров сохранялась в течение всего периода регламентации. В делах 1908–1913 гг. также фигурируют зараженные девицы в домах терпимости[43].

Подводя итог, отметим, что эмпирические наблюдения (о системе врачебно-полицейского надзора над сферой сексуальной коммерции, о проститутках, о содержательницах публичных домов и домов свиданий, о правонарушениях и конфликтах, о правовом регулировании и его противоречиях, санитарном надзоре за проститутками) получают объяснение при обращении к антропологической теории девиантного поведения. В них просматриваются не просто отдельные нарушения, а системные проявления социального контроля и статусных иерархий. Фокус смещается на вариативность девиаций, роль сословного и гендерного положения в квалификации поведения как «отклоняющегося», а также на действенность институтов надзора. Ключевая проблематика включает разграничение универсальных и культурно-специфичных форм девиации, влияние имущественного статуса на юридические последствия, асимметрию в восприятии мужских и женских отклонений.

В конфликтах вокруг домов терпимости наиболее наглядно проявилось это неравенство. Мужское девиантное поведение – погромы, драки, насилие, посещение нелегальных притонов – оставалось безнаказанным для привилегированных сословий, тогда как женщины в сфере секс-коммерции оказывались под жестким контролем, их показания властями не принимались всерьёз. Такое неравенство обнажает социальную природу регулирования девиаций в дореволюционной провинции, отчетливо демонстрируя системный характер этого явления. Институт поднадзорной проституции просуществовал до 1917 г., однако его неэффективность стала очевидна задолго до крушения империи. Формальное функционирование надзорных органов не гарантировало достижения целей – оно служило поддержанию сословных и гендерных барьеров, а не оздоровлению общества или защите маргиналов.

Список литературы:

1. *Зюбан М.Н.* Российские дома терпимости: середина XIX столетия – 1917 г. // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2011. № 3–2(19). С. 164–169.
2. *Кузнецова А.Н.* Проституция и нужда в Москве в конце XIX – начале XX века // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 7–2 (70). С. 29–35.
3. *Лебина Н.Б., Шкаровский М.В.* Проституция в Петербурге (40-е гг. XIX в. – 40-е гг. XX в.). М.: Прогресс-Академия, 1994. – 221 с.

[42] Там же. Л. 6–7.
[43] Там же. Оп. 1. Д. 13017. Л. 4.

4. *Малышева С.Ю.* Содержательницы казанских борделей второй половины XIX – начала XX в.: портрет явления // Учёные записки Казанского университета. Гуманитарные науки. 2013. Т. 155. Кн. 3. Ч. 1. С. 102–112.
5. *Нестеренко Д.Н., Гергилев Д.Н., Хаит Н.Л., Излученко Т.В.* Дихотомия публичного и приватного на примере феномена сексуальной коммерции в Енисейской губернии в конце XIX – начале XX в. // Былые годы. 2024. № 19(3). С. 1257–1264.
6. *Паликова Т.В.* «Торговля позором», или «заведения наслаждения»: дома терпимости в социально-сервисной сфере городов Забайкалья в начале XX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2009. № 2. С. 38–52.
7. *Пушкарева Н.Л., Белова А.В., Мицюк Н.А.* Сметая запреты: очерки русской сексуальной культуры XI–XX веков. 2-е изд. М.: Новое литературное обозрение, 2025. – 504 с.
8. *Пушкарева Н.Л., Любичанковский С.В.* Понимание истории повседневности в современных исторических исследованиях: от школы Анналов к Российской философской школе // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2014. Т. 4. № 1. С. 7–21.
9. *Хагуров Т.А.* Девиантология – социология и психология зла: Монография. М.: ИНФРА-М, 2023. – 412 с.
10. *Bernstein L.* Sonia's Daughters: Prostitutes and Their Regulation in Imperial Russia. Berkeley: University of California Press, 1995. 304 p.
11. *Hetherington P.* Prostitution in Moscow and St. Petersburg, Russia // Selling Sex in the City: A Global History of Prostitution, 1600s-2000s / ed. by M. Rodríguez García, L. Heerma van Voss, E. van Nederveen Meerkerk. Leiden; Boston: Brill, 2017. P. 138–170.
12. *Lucey C.* Love for Sale: Representing Prostitution in Imperial Russia. Ithaca: Cornell University Press, 2021. – 270 p.
13. *Stites R.* Prostitute and society in Pre-Revolutionary Russia. Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, 1983. 31(3). P. 348–364.

Об авторе:

КАРАНДАШЕВ Глеб Владимирович – доцент, кандидат исторических наук, доцент, кафедра отечественной истории, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского (150000, г. Ярославль, ул. Которосльная набережная, д. 46в), e-mail: karandashevg@gmail.com

Anthropology of deviant behavior (using the example of Tver province in the second half of the 19th – early 20th centuries)

G.V. Karandashev

Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky,
Yaroslavl, Russia

The article is devoted to an analysis of manifestations of deviant behavior in the Tver Governorate in the second half of the 19th – early 20th century. The central focus of the study is the regulation of prostitution, which allowed the authorities to control sex commerce but at the same time gave rise to offenses, drawing various segments of the population into them. The social status of the participants usually determined the outcome of legal proceedings. Brothels typically hosted conflicts. Public women were predominantly peasant or bourgeois women who came from poor families, had no education and began their trade at the age of 15–20; the proprietresses were mainly bourgeois women. Prostitution, alcoholism, and crime were interrelated phenomena of late-imperial urban everyday life.

Keywords: *Russian Empire, Tver Province, anthropology of deviant behav-ior, brothel, prostitution, alcoholism, crime.*

About author:

KARANDASHEV Gleb Vladimirovich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of National History, Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky, (150000, Yaroslavl, Kotoroslnaya embankment str., d. 46 b), e-mail: karandashevg@gmail.com

References:

Zyuban M.N. *Rossijskie doma terpimosti: seredina XIX stoletiya – 1917 g.* Uchenye zapiski. E'lektronnyj nauchnyj zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta. 2011. № 3–2(19). S. 164–169.

Kuznecova A.N. *Prostituciya i nuzhda v Moskve v konce XIX – nachale XX veka*. Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyx i estestvennyx nauk. 2022. № 7–2 (70). S. 29–35.

Lebina N.B., Shkarovskij M.V. *Prostituciya v Peterburge (40-e gg. XIX v. – 40-e gg. XX v.)*. M., Progress-Akademiya, 1994. – 221 s.

Malysheva S.Yu. *Soderzhatel'nicy kazanskix bordelej vtoroj poloviny XIX – nachala XX v.: portret yavleniya*. Uchyonye zapiski Kazanskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2013. T. 155. Kn. 3. Ch. 1. S. 102–112.

Nesterenko D.N., Gergilev D.N., Xait N.L., Izluchenko T.V. *Dixotomiya publichnogo i privatnogo na primere fenomena seksual'noj kommercii v Enisejskoj gubernii v konce XIX – nachale XX vv*. Bylye gody. 2024. № 19(3). S. 1257–1264.

Palikova T.V. *«Torgovlya pozorom», ili «zavedeniya naslazhdeniya»: doma terpimosti v social'no-servisnoj sfere gorodov Zabajkal'ya v nachale XX v.*

Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istoriya Rossii. 2009. № 2. S. 38–52.

Pushkareva N.L., Belova A. V., Micyuk N. A. *Smetaya zaprety: ocherki russkoj seksual'noj kul'tury XI–XX vekov*. 2-e izd. M., Novoe literaturnoe obozrenie, 2025. – 504 s.

Pushkareva N.L., Lyubichankovskij S. V. *Ponimanie istorii povsednevnosti v sovremennyx istoricheskix issledovaniyax: ot shkoly Annalov k Rossijskoj filosofskoj shkole*. Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina. 2014. T. 4. № 1. S. 7–21.

Hagurov T.A. *Deviantologiya – sociologiya i psihologiya zla: Monografiya.* M., INFRA-M, 2023. – 412 s.

Статья поступила в редакцию 12.08.2026 г.

Подписана в печать 11.09.2026 г.

Вестник ТвГУ. Серия «История». 2026. № 3 (79). С. 67–79.

ИСТОРИЯ РОССИИ

УДК 94(47)’19’+396.1
DOI 10.26456/vthistory/2026.3.067

Антропология женской телесности (по материалам журнала «Женский вестник», 1904–1917 гг.) [1]

А.И. Громова

ФГБУН «Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН», *г. Москва, Россия*

В статье анализируется, каким образом авторский коллектив журнала «Женский вестник» и его редактор М.И. Покровская писали о женском теле и репрезентировали его в социально-политическом пространстве поздней империи. Мария Ивановна Покровская – знаковая фигура женского движения, лидер и одна из организаторок либерально-демократической Женской прогрессивной партии. В процессе борьбы за равноправие в Российской империи начала XX в. женской прессе общественно-политического типа была отведена важная роль политического рупора, манифестировавшего генеральные идеи издателей и коллектива авторов. В контексте данного исследования представляются особенно важными для анализа такие понятия, как женское письмо, а также тело и власть, проинтерпретированные с помощью концепции власти Мишеля Фуко.
Ключевые слова: *Российская империя, женская периодическая печать, женское движение, власть, тело, женское письмо.*

В публичном пространстве Российской империи начала XX в. при изобилии разного рода периодических изданий, ориентированных на женскую аудиторию, журналов, которые можно однозначно охарактеризовать как феминистские, было всего несколько. Одним из них являлся ежемесячный журнал «Женский вестник», издававшийся в Санкт-Петербурге с 1904 по 1917 гг.; этот журнал исследовательницами отечественной женской периодической печати конца XIX – начала XX в. однозначно определяется как феминистское издание общественно-политического типа (в настоящий момент опубликовано большое количество исследований, посвящённых отечественной женской прессе – истории её развития и формирования, типологическим особенностям, классификации, проблемно-тематическим направлениям и множеству других аспектов[2]).

[1] Исследование выполнено за счет гранта РНФ № 25-28-02057

[2]: *Нестерова В.Л.* История развития женской журнальной периодики в России конца XVIII – начала XX вв.: библиографический указатель. Ставрополь, 2015; *Смеюха В.В.* Отечественные женские журналы: историко-типологический аспект. Ростов-на-Дону,

© Громова А.И., 2026

Согласно своему «программному» титульному лозунгу, «Женский вестник» изначально позиционировал себя как «общественно-научно-литературный журнал, посвященный женскому вопросу»: позже, в 1906 г., формулировка немного изменилась на более детализированную и конкретную: «посвященный равноправности (позже – равноправию) и улучшению положения женщин». Данная формулировка исчерпывающе характеризует идеологическую позицию издания и говорит о его содержательном наполнении.

Редактором и издательницей журнала была врач и общественная деятельница Мария Ивановна Покровская (1852–1921?)[3], знаковая фигура женского и феминистского движения, лидер и одна из организаторок либерально-демократической Женской прогрессивной партии. В борьбе за равноправие журналу была отведена важная роль политического органа, идеологической платформы и социального рупора, призванного манифестировать и доводить до широкой публики генеральные идеи своей издательницы и коллектива авторов и единомышленников[4]. Как замечает И. Юкина, «Покровская считала, что женщина должна иметь трибуну, и журнал стал такой трибуной»[5]. Автор одной из статей в журнале называет тот «отдельный» мир, в котором живут женщины, «миром страданий», а «Женский вестник» – «особенным органом – органом страданий, органом, занимающимся этими страданиями, воспринимающим и отражающим их»[6]. Отметим, что журнал настолько последовательно и радикально следовал заявленным идеологическим принципам, что некоторые его корреспондентки даже критиковали его программу, называя ее «узко-феминистской». Читательницы обвиняли журнал в том, что смысловое и тематическое наполнение издания «удивительно узкое», – в отличие от прессы, издаваемой публицистами-мужчинами, которые мыслят широко и затрагивают весь спектр тем («необъятность содержания, горячий, могучий, чисто мужской интерес ко всему, всем вопросам современности, вопросам прошедшего и будущего» – в то время как у женщины, узко мыслящей и ограниченной «женскими интересами», «нет размаха мысли… нет размаха всеобъемлющего чувства», и «поэтому женщина

2011; *Смеюха В.В.* Процессы идентификации и женская пресса. Ростов-на-Дону, 2012; *Пустарнакова Д.А.* Отечественные общественно-политические женские журналы второй половины XIX – начала XX веков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2013; и мн. др.

[3] См.: *Юкина И.* От дам-патронесс до женотделовок: история женского движения России. М., 2024. С. 396.

[4] Подробнее см.: *Айвазова С.Г.* Русские женщины в лабиринте равноправия. М., 1998; *Стайтс Р.* Женское освободительное движение в России: феминизм, нигилизм и большевизм, 1860–1930. М., 2004; *Юкина И.* Указ соч.; *Хасбулатова О.А., Гафизова Н.Б.* Женское движение в России (вторая половина XIX – начало XX века). Иваново, 2003; *Хасбулатова О.А., Смирнова И.Н.* Женское движение и государство: историко-социологический анализ. Иваново, 2021.

[5] *Юкина И.* Указ соч. С. 331.

[6] *Альфа*. Из записок интеллигентной женщины // Женский вестник. 1905. № 6. С. 177.

и ее узкий женский журнал мало кому интересен»). В ответ автор статьи декларирует, что будет продолжать заниматься «бабьим вопросом, бабьей жизнью, бабьими интересами»[7].

Цель данного исследования – сквозь призму феминистского дискурса проанализировать, каким образом редактор М.И. Покровская и авторский коллектив журнала «Женский вестник» писали о женском теле.

Настоящее исследование носит междисциплинарный характер: выполненное в русле исторической феминологии и гендерной истории, оно опирается на феминистскую теорию и методологию философии постструктурализма. Выбор теоретико-методологической рамки был обусловлен рядом факторов.

Анализ содержания текстов журнала позволил выявить несколько важных для данного исследования понятий и проблем, которые подвергались критическому осмыслению в рамках издания. Сперва назову рефлексивное проговаривание необходимости обретения женщинами своего голоса через женское письмо. Издание всячески декларировало важность женского голоса и женского письма. Журнал, помимо функции политического рупора и идеологической платформы, был призван выполнять ещё одну важнейшую инструментальную задачу: «изобретая» себя заново, женщинам было критически важно не просто «заговорить», а «найти» собственный голос, которым они могли бы свободно и громко заявить о себе в публичном пространстве, в обществе «мужской речи», в котором прямая женская речь продолжала восприниматься как маргинальная, и таким инструментом стал «Женский вестник». Автор одной из статей издания прямо заявляет: «Теперь лица своего она [женщина] не имеет, оно заслонено, даже не заслонено, а просто *поглощено* мужчиной во всех его видах: отцом, мужем, братом, сыном, любовником в семейном быту; чиновником, литератором всяким служащим всюду»[8] (здесь и далее курсив наш. – *А.Г.*). Очевидно, для того, чтобы перестать быть объектом мужской интерпретации, преодолеть аскриптивный статус *женского* и добиться признания женской субъективности, способной говорить от своего имени[9], нужна была храбрость и высокий уровень рефлексии. Неоспоримую важность женской прямой речи наиболее прямолинейно и смело манифестировали прежде всего теоретики феминизма. Как замечает Г.А. Брандт, «феминистские исследователи постструктуралистского толка убеждены, что местом возможного обретения себя женщиной является письмо. Через язык она была “изгнана”, через обретение своего языка, языка своего *тела* она только и может вернуться»[10]. «Ваше *тело* должно быть услышано», – декларирует и манифестирует Элен Сиксу,

[7] *Альфа*. Указ. соч. С. 178.

[8] Там же. С. 177.

[9] *Хитрук Е.Б.* «Существует ли женщина?»: деконструкция женской субъективности и телесности в философии постмодерна // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 361. С. 39.

[10] *Брандт Г.А.* Феминизм и постструктурализм о женском теле и женском письме // Вестник Гуманитарного университета. 2016. № 4 (15). С. 126.

постструктуралистка и теоретик феминисткой критики[11]. «Женский текст – это больше, чем просто разрушение устоев. Это вулкан: когда он написан, он срывает кору старого наследия маскулинной культуры; другого пути нет», – продолжает Сиксу[12]. Женщина, которая в рамках патриархатного общественного дискурса была редуцирована до своего тела, в феминистской периодике приобретает субъектный статус и перестаёт быть объектом мужской интерпретации. Посредством письма происходил тяжёлый и болезненный процесс замены андроцентристкого взгляда на женскую телесность взглядом не «изнутри» мужского дискурса, а взглядом женщины на женщину и её взглядом на саму себя.

Далее перейду к таким важным для формирования концептуальных позиций и идейной парадигмы журнала категориям, как женское тело, власть и взаимодействие тела и власти, а также механизмы, с помощью которых властные структуры контролировали женскую телесность. Концентрация гендерных и феминистских исследователей на изучении женского тела не случайна. Несмотря на обилие академических работ, посвящённых телу, оно до сих пор считается «концептуальной зоной умолчания»[13]. Как отмечает феминистский теоретик Элизабет Гросс, рядом феминистских исследователей тело считается не только «основополагающим фактором для понимания психического и социального бытия женщины»[14], но и «позицией протеста в многочисленных экономических, политических, межполовых и интеллектуальных битвах»[15]. Мадина Тлостанова, профессор постколониальных феминизмов, замечает, что «если человека сводят к телу, выводя за рамки закона, то на самом элементарном телесном уровне ему и остаётся противостоять»[16]. В российском обществе периода поздней империи, которое характеризовалось ситуацией гендерного неравенства, женщина в структуре властных отношений не обладала агентностью; её тело было редуцировано мужчиной до собственных нужд и сведено к набору физиологических характеристик (фрейдистское «анатомия – это судьба». – *А.Г.*); женское тело было подчинено строго регламентированным патриархальным обществом правилам и выступало как объект регуляции и жестких ограничений. Авторы публикаций из «Женского вестника» декларировали, что беззащитное, бесправное и угнетаемое тело женщины подвергается тотальному, репрессивному и всеобъемлющему общественному, государственному и медицинскому контролю. Как замечает И. Юкина, Покровская «основой эксплуатации всех женщин… определяла прежде всего “половой” признак»[17]. Можно

[11] *Сиксу Э.* Хохот Медузы // Введение в гендерные исследования. Хрестоматия. СПб., 2019. С. 804.

[12] Там же. С. 814.

[13] *Гросс Э.* Изменяя очертания тела // Введение в гендерные исследования. Хрестоматия. СПб., 2019. С. 599.

[14] Там же. С. 613.

[15] Там же. С. 615.

[16] *Рахманинова М.* Власть и тело. М., 2020. С. 15.

[17] *Юкина И.* Указ. соч. С. 358.

сказать, что авторский коллектив издания в духе радикального феминизма декларировал тезис о том, что в современном обществе женщины являются, по сути, объектами права собственности со стороны мужчин, в руках которых сосредоточена вся власть («все права и преимущества на стороне мужчин»[18]), а также «идею доминации в культуре одного пола над другим», которая была воспринята феминистками из фукианской концепции власти[19].

Проведя контент-анализ текстовых материалов «Женского вестника», можно с определённой уверенностью утверждать, что позицию, с которой Покровская и авторский коллектив издания писали о *женском теле* и *власти*, можно проинтерпретировать в терминах теоретиков феминизма и концепции власти постструктуралиста Мишеля Фуко. Фуко писал о «политическом захвате тела» и утверждал, что тело, являющееся объектом и мишенью власти, «непосредственно погружено в область политического», а отношения власти, которые проникают в самую толщу общества, «держат его мертвой хваткой»[20].

В публикациях из «Женского вестника» прослеживается стремление их авторов дебиологизировать женское тело, уйти от ессенциалистских категорий (т. е. опровергнуть бытующую в рассматриваемый период концепцию, согласно которой «мужчины господствуют над женщинами в силу своего естественного физического и умственного превосходства»[21]) и рассматривать женское тело как тело «социальное» и «политическое» (которое, по Фуко, является «фундаментом борьбы за доминирование различных властных структур»[22]), уйти от понимания женщины как маргинализированного объекта, придав ему через *письмо* субъектный статус. Репрезентацию – и даже манифестацию – женской субъектности можно считать одной из целей феминистского издания.

Феминистскими авторами феномен «женского» трактуется как символ «любых телесных репрессированных практик в культуре – тех, которые Мишель Фуко называл маргинальными практиками». Сама женщина в постструктуралистской концепции власти фигурирует как один из примеров «неидентичной телесной (маргинальной) субъективности[23]. Замечу, что определение «маргинальный» вполне применимо к темам и проблематикам, поднимаемых в «Женском вестнике». Например, С.В. Крадецкая определяет по-

[18] *Альфа* Указ. соч. С. 177.

[19] *Жеребкина И.* «Прочти мое желание…». Постмодернизм, психоанализ, феминизм. М., 2000. С. 47.

[20] *Фуко М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., 1999. С. 39–40.

[21] Из русской литературы. Мужское превосходство // Женский вестник. 1905. № 3. С. 67.

[22] *Брандт Г.А.* Указ. соч. С. 124.

[23] *Жеребкина И.* Указ. соч. С. 31.

ложение журнала в структуре женской периодической печати как маргинальное[24]. Содержательное наполнение издания (декларируемые в его рамках концепции, специфика рассматриваемых проблем и особый язык) можно считать подвергнутым нескольким уровням маргинализации: «женское движение» в описываемый период и так находилось на обочине публичного дискурса, а принадлежность журнала к феминистской прессе и критический радикализм главного редактора придавали «Женскому вестнику» ещё более маргинальный статус.

В «Женском вестнике» поднималась проблема сексуализированного насилия, которая наиболее откровенно обнажала всю степень уязвимости и подчинённости женского тела. Покровская, описывая тяжёлые условия жизни и труда петербургских фабричных работниц, фокусируется на том факте, что начальство, состоявшее, разумеется, только из мужчин (приказчики, мастера, инспекторы и т. д.), имело над молодыми девушками «бесконтрольную власть», системное злоупотребление которой стало своего рода нормой.

Фабричные работницы – одна из самых уязвимых и бесправных в социально-экономическом плане категорий – были полностью зависимы от владеющих их телами мужчин и беззащитны перед их произволом. Покровская писала о многочисленных штрафах, в том числе штрафах за смех, оскорблениях и унижениях со стороны мужчин-служащих, о том, что начальство насильственно принуждает работниц к «удовлетворению своих низменных инстинктов» («высшее начальство и содержатели фабрик также не упускают случая развращать своих молодых работниц»). При этом от согласия или отказа девушки зависели её положение на фабрике, заработная плата и множество других факторов, которые могли как усложнить, так и облегчить условия труда. Работницы петербургских фабрик, среди которых проводился опрос, заявляли, что «приказчики делают с девушками, что хотят»; при этом «хозяева и управляющий не хотят знать, что у них творится на фабрике»[25]. Также девушки описывали процедуру осмотров («щупку»), которую Покровская охарактеризовала как унизительную и оскорбляющую человеческое достоинство молодых женщин.

Представляется очевидным, что в фокусе особенно пристального внимания феминистского издания были *тела* женщин, занимающихся проституцией, как наиболее маргинализированной и уязвимой социальной категории (подробнее об отношении Покровской к государственной регламентации проституции и к этой социальной проблеме в целом, а также о том, как указанные вопросы освещались в «Женском вестнике», см.: *Громова А.И.* Освещение проблемы проституции в отечественных женских журналах

[24] См.: *Крадецкая С.В.* Журнал «Союз женщин» (1907–1909 гг.): история издания и основные особенности // Вестник Пермского университета. 2012. № 3. С. 57; *Крадецкая С.В.* «Женский вестник» (1904–1917). Опыт издания феминистского журнала в России // Женщина в российском обществе. 2013. №1 (66). С. 75.

[25] *Покровская М.И.* Условия жизни петербургской фабричной работницы // Женский вестник. 1905. № 3. С. 70–77.

начала XX в. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2015. Т. 4 (3). С. 70–81). Репрессивное воздействие контролирующих механизмов власти на женское *тело* наиболее наглядно проявляется именно тогда, когда это тело коммерциализируется и становится предметом купли и продажи. В этой ситуации *тело* являет собой «поле для реализации и экономической, и психофизической власти – в той или иной степени легитимируемыми властью государства», власти, механизмы осуществления которой подробно описал М. Фуко[26]. Можно сказать, что подобную систему взглядов как раз и транслировала Покровская, которая была радикальной и последовательной аболиционисткой – противницей государственной регламентации проституции в виде системы врачебно-полицейского надзора. Н.Б. Гафизова справедливо охарактеризовала её как «главного приверженца отмены регламентации»[27], а Л. Энгельштейн назвала её «самым красноречивым критиком» системы государственного регулирования проституции[28]. Покровская была убеждена в том, что проблема проституции, которую она однозначно воспринимала как социальное зло, язву на теле общества, уродливое явление и народное бедствие, неразрывно связана с угнетённым и бесправным положением женщины во всех сферах общества, а решить эту проблему можно, лишь добившись полного равноправия и ликвидировав гендерное неравенство, которое в русле феминисткой идеологии считалось «основой всех социальных конфликтов»[29]. В журнале, который его редактор, по сути, сделала инструментом борьбы с государственной регламентацией, яростно клеймили «открытую торговлю женским телом в целях разврата под надзором полиции и докторов», называли проституцию «женским рабством», моральным и нравственным убийством «наших несчастных сестер»; самих вовлечённых в проституцию женщин характеризовали как «рабынь веселья», вынужденных служить «забавой первого попавшегося мужчины», «несчастных сестер, гибнущих в притонах разврата»; мужчин – как «потребителей женского тела» и «поработителей женской свободы»; а сами «публичные дома» – как «притоны разврата», «лавки, в которых открыто торгуют человеческим мясом». Квинтэссенцией идеологической и гуманистической позиции издания можно назвать следующую фразу: «живой товар» беззастенчиво свидетельствуется правительственными мерами. Это что-то вроде санитарного надзора за свиными окороками. Недостает ещё ставить на лбу у проституток штемпель, как на тушах»[30].

При анализе текстов «Женского вестника», затрагивающих тему государственной регламентации проституции (из солидного массива текстов, посвящённых проблеме проституции, приведу лишь несколько статей,

[26] *Рахманинова М.* Женщина как тело. М., 2016. С. 6.

[27] *Гафизова Н.Б.* Международный и российский опыт борьбы с проституцией и торговлей женщинами в конце XIX – начале XX века. Иваново, 2000. С. 20.

[28] *Энгельштейн Л.* Ключи счастья: секс и поиски обновления России на рубеже XIX и XX веков. М., 1996. С. 94.

[29] *Юкина И.* Указ. Соч. С. 327.

[30] *Мансветов А.* Равноправие и проституция // Женский вестник. 1914. № 1. С. 18.

которые, на мой взгляд, наиболее наглядно репрезентируют отношение редактора и авторов журнала к этому вопросу[31]), можно проследить, как авторами публикаций описывается и подвергается критическому осмыслению механизм *производства послушных женских тел*, попадания тела в жернова власти, его эксплуатация и процесс становления тела полем государственного контроля. Как можно видеть из предыдущего абзаца, авторы статей, посвящённых проблеме проституции (нужно отметить, что эта тема поднималась практически в каждом выпуске журнала), использовали специфическую и идеологически окрашенную лексику, с помощью которой ими маркировалось репрессирующее взаимодействие власти и *потребляемого* женского тела. Экспрессивные эпитеты и выражения, не лишённые гиперболизации, служили своего рода индикаторами и являлись инструментами для демонстрации дегуманизирующего, объективирующего, насилующего влияния власти на женское тело, в то же время обнажая работу механизмов патриархальной власти в структуре доминации государства над беззащитной женской телесностью. Важно отметить, что авторы этих текстов, единственным оружием которых было *письмо*, делали упор на эпитеты и аллегории, зачастую связанные с манипулированием *телом* и насилием над ним.

Политика империи в описываемый период носила абсолютистский и этатисткий характер: государство на всех уровнях активно и тотально вмешивалось во все области общественно-политической, экономической и частной жизни подданных. Однако начальный этап формирования феминистского дискурса «Женского вестника» пришёлся на период Первой русской революции и связанных с ней изменений социально-политической системы Российской империи, в числе которых интенсификация движения за равноправие. Женщина становилась всё более заметной фигурой в публичном поле, что вызывало отторжение консервативно настроенного большинства, не желающего видеть женщину активно выходящей «на свет публичности» и стремящего обосновать ситуацию, в рамках которой женщина должна оставаться в приватной сфере и не претендовать на получение равных с мужчинами прав, с помощью ессенциалистских концепций. Реакцией на это стали публикации, целью которых было опровержение устоявшихся патриархальных взглядов на женскую природу и попытки переосмыслить и даже, выражаясь современным языком, деконструировать такие категории, как

[31] *Бландова М.* Суровый приговор // Женский вестник. 1911. № 9. С. 165–167; Мужской суд // Женский вестник. 1914. № 1. С. 21–22; *Покровская М.И.* К вопросу об аборте // Женский вестник. 1914. № 4. С. 102–105; *Покровская М.И.* Министерство внутренних дел о борьбе с проституцией // Женский вестник. 1914. № 2. С. 33–34; *Покровская М.И.* О проституции малолетних (продолжение) // Женский вестник. 1912. № 10. С. 194–197; *Покровская М.И., Булюбаш Э.И.* Подумайте! Воззвание С.-Петербургского клуба Женской прогрессивной партии // Женский вестник. 1912. № 10. С. 197; *Покровская М.И.* Приветствовать ли? // Женский вестник. 1911. № 5–6. С. 132–133; Против надзора // Женский вестник. 1914. № 1. С. 20–21; Речь, произнесённая в Стокгольме 12-го июня 1911 г. на конгрессе Международного союза избирательных прав женщин его председательницей М-сс Чепмэн Кэтт // Женский вестник. 1911. № 10. С. 189–198.

«женщина», «женская природа» и «женственность» (т. е. была предпринята попытка пересмотреть и опровергнуть то, что философ-постструктуралист Джудит Батлер назвала «гендерными легендами», которые впоследствии создают «естественные факты»[32]).

Перед поборницами женского равноправия и сочувствующих эмансипации стояла важнейшая задача – привести аргументированные доводы в пользу того, что женщина не обладает неким неизменным набором качеств, заданных и обусловленных природой, которые не позволяют ей иметь равные с мужчинами политические и экономические права, заниматься теми же видами деятельности, что и мужчина, получать высшее образование и в целом занимать равное с мужчиной положение в обществе. Удел женщины, согласно её «истинной» природе, как считали приверженцы, пользуясь современной терминологией, биологического детерминизма (подобная точка зрения была доминирующей в обществе указанного периода), – рождение детей и решение бытовых задач в границах семьи. Подобная эссенциалистская трактовка «природы» женщины, фиксация её неизменной «женской сущности» очевидным образом не устраивала женщин, которые боролись за получение равных с мужчинами прав, и поэтому они предлагали другой взгляд на женщину: не существует некоей заданной биологией «женской природы», от рождения она не обладает никакими «типично женскими» «качествами» и «свойствами», приобретает она их вынужденно, в процессе воспитания и социализации, в ходе которых и происходит конструирование гендерных ролей. То обстоятельство, что дискуссия о природе женщины в «Женском вестнике» активизировалась именно в начале XX в., наглядно иллюстрирует тезис о том, что факт «производства» гендера становится очевидным именно на фоне «поломки сложившихся образцов поведения» – под этим мы имеем в виду время социальных, политических и экономических изменений, происходивших в Российской империи указанного периода[33].

Авторы статей из «Женского вестника» постулировали необходимость ухода от восприятия женщины как «самки», существующей в границах домашнего быта (ведущей «самочную безобразную жизнь»), чьей основной функцией и социальной ролью, оправдывающей её замкнутость в приватной сфере, была репродуктивная, и отказ от «самочного существования». Автор одной из статей с красноречивым псевдонимом сокрушается: «Царит в нашем обществе (сказать бы – “в жизни”) женщина-самка, женщина-игрушка… Когда же настанет царство женщины-человека?[34]

В ситуации, когда мужчины апроприировали инструментальные качества и интеллектуальные свойства, способствующие активному функционированию в публичном пространстве, оставив женщинам экспрессивность и

[32] *Батлер Д.* Гендерное беспокойство: феминизм и подрыв идентичности. М., 2022. С. 39.

[33] *Здравомыслова Е., Темкина А.* Социальное конструирование гендера: феминистская теория // Введение в гендерные исследования. Ч. I: Учебное пособие / Под ред. И.А. Жеребкиной. Харьков; СПб., 2001. С. 158.

[34] *Женщина*. Добровольное иго женщины // Женский вестник. 1912. № 2. С. 46.

эмоциональность, у женщин не было иного выбора, как – сознательно или вынужденно – надеть на себя «мужской костюм» в метафорическом смысле, внешне оставаясь при этом «корсетной жертвой» («Надеть просторную кофточку женщине, от которой требуется свобода и ловкость движений, напр., женщине-врачу, женщине-дантисту, не принято!.. Задыхаясь в тесно-сжатом, жестком корсете, склоняется она к пациенту, возбуждая в нем тягостное чувство своим мученическим видом. Кассирша в магазине, в конторе, женщина-чиновник, чтица в барском доме, учительница, гувернантка – все это корсетные жертвы!..»[35]).

Таким образом, в текстах «Женского вестника» женщины предстают как угнетённая и маргинальная социальная группы[36], а женское тело – как лишённый агентности объект контроля со стороны власти и общества. С помощью публикуемых в журнале текстов редакция пыталась продемонстрировать тот факт, что патриархатный общественный строй, в котором вынуждена существовать женщина, дегуманизирует её и лишает объектного статуса, в рамках этого строя женщина не могла быть отделена от своего тела, была ограничена и скована пределами своего тела, была зависима от тела. Редактор и коллектив авторов «Женского вестника» помещали женское тело в область «политического» и писали о нём в категориях власти и подчинения.

Список литературы:

1. *Айвазова С.Г.* Русские женщины в лабиринте равноправия. М.: ЗАО «Редакционно-издательский комплекс Русанова», 1998. – 408 с.
2. *Батлер Д.* Гендерное беспокойство: феминизм и подрыв идентичности. М.: V-A-C Press, 2022. – 269 с.
3. *Брандт Г.А.* Феминизм и постструктурализм о женском теле и женском письме // Вестник Гуманитарного университета. 2016. № 4 (15). С. 122–127.
4. *Гафизова Н.Б.* Международный и российский опыт борьбы с проституцией и торговлей женщинами в конце XIX – начале XX века. Иваново, 2000. – 56 с.
5. *Гросс Э.* Изменяя очертания тела // Введение в гендерные исследования. Хрестоматия. СПб.: Алетейя, 2019. С. 599–625.
6. *Жеребкина И.* «Прочти мое желание…». Постмодернизм, психоанализ, феминизм. М.: Идея-Пресс, 2000. – 256 с.
7. *Здравомыслова Е., Темкина А.* Социальное конструирование гендера: феминистская теория // Введение в гендерные исследования. Ч. I: Учебное пособие. Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001. С. 147–173.
8. *Крадецкая С.В.* Журнал «Союз женщин» (1907–1909 гг.): история издания и основные особенности // Вестник Пермского университета. 2012. № 3. С. 56–62.

[35] *Женщина*. Добровольное иго женщины. С. 42.
[36] *Жеребкина И.* Указ. соч. С. 47.

9. *Крадецкая С.В.* «Женский вестник» (1904–1917). Опыт издания феминистского журнала в России // Женщина в российском обществе. 2013. №1 (66). С. 72–81.
10. *Нестерова В.Л.* История развития женской журнальной периодики в России конца XVIII – начала XX вв.: библиографический указатель. Ставрополь: Бюро новостей, 2015. – 28 с.
11. *Пустарнакова Д.А.* Отечественные общественно-политические женские журналы второй половины XIX – начала XX веков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2013. – 27 с.
12. *Рахманинова М.* Женщина как тело. М.: Свободное марксистское издательство, 2016. – 120 с.
13. *Рахманинова М.* Власть и тело. М.: Радикальная теория и практика, 2020. – 456 с.
14. *Сиксу Э.* Хохот Медузы // Введение в гендерные исследования. Хрестоматия. СПб.: Алетейя, 2019. С. 799–821.
15. *Смеюха В.В.* Отечественные женские журналы: историко-типологический аспект. Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2011. – 188 с.
16. *Смеюха В.В.* Процессы идентификации и женская пресса. Ростов-на-Дону: Ростиздат, 2012. – 318 с.
17. *Стайтс Р.* Женское освободительное движение в России: феминизм, нигилизм и большевизм, 1860–1930. М.: РОССПЭН, 2004. – 616 с.
18. *Фуко М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999. – 478 с.
19. *Хасбулатова О.А., Гафизова Н.Б.* Женское движение в России (вторая половина XIX – начало XX века). Иваново: Иван. гос. ун-т, 2003. – 256 с.
20. *Хасбулатова О.А., Смирнова И.Н.* Женское движение и государство: историко-социологический анализ. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2021. – 236 с.
21. *Хитрук Е.Б.* «Существует ли женщина?»: деконструкция женской субъективности и телесности в философии постмодерна // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 361. С. 39–44.
22. *Энгельштейн Л.* Ключи счастья: секс и поиски обновления России на рубеже XIX и XX веков. М.: ТЕРРА, 1996. – 572 с.
23. *Юкина И.* От дам-патронесс до женотделовок: история женского движения России. М.: Новое литературное обозрение, 2024. – 680 с..

Об авторе:

ГРОМОВА Анна Игоревна – м. н. с., Центр гендерных исследований, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Россия, 119334, Москва, Ленинский проспект, 32а), e-mail: anna4gromova@yandex.ru

The Anthropology of the Marginalized Female Body in the «Women's Herald» (1904–1917)

A.I. Gromova

The Russian Academy of Sciences N.N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology, *Moscow, Russia*

The article analyzes how the editorial team of the «Women's Herald» and its editor, M.I. Pokrovskaya, wrote about and represented the female body within the socio-political space of the late Russian Empire. Maria Ivanovna Pokrovskaya was a prominent figure in the women's movement, a leader, and one of the organizers of the liberal-democratic Women's Progressive Party. In the struggle for equal rights in the early twentieth-century Russian Empire, the socio-political women's press played a crucial role as a political mouthpiece, articulating the core ideas of its publishers and contributors. In the context of this study, such concepts as women's writing and the body–power nexus are of particular analytical importance, and they are interpreted through the lens of Michel Foucault's concept of power.

Keywords*: *Russian Empire, women's periodical press, women's movement, power, body, women's writing.

About author:

GROMOVA Anna Igorevna – Junior Researcher, Women & Gender Studies Department, N.N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology, The Russian Academy of Sciences, (119334, Russia, Moscow, Leninsky Ave., 32A); e-mail: anna4gromova@yandex.ru

References:

Aivazova S.G., *Russkie zhenshchiny v labirinte ravnopraviya*, M., ZAO «Redaktsionno-izdatel'skii kompleks Rusanova», 1998. – 408 s.

Brandt G.A., *Feminizm i poststrukturalizm o zhenskom tele i zhenskom pis'me*, Vestnik Gumanitarnogo universiteta, 2016, № 4 (15), S. 122–127.

Butler D., *Gendernoe bespokoistvo: feminizm i podryv identichnosti*, M., V-A-C Press, 2022. – 269 s.

Cixous H., *Khokhot Meduzy*, Vvedenie v gendernye issledovaniya. Khrestomatiya, SPb., Aleteiya, 2019, S. 799–821.

Engelstein L., *Klyuchi schast'ya: seks i poiski obnovleniya Rossii na rubezhe XIX i XX vekov*, M., TERRA, 1996. – 572 s.

Foucault M., *Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tyur'my*, M., Ad Marginem, 1991. – 478 s.

Gafizova N.B., *Mezhdunarodnyi i rossiiskii opyt bor'by s prostitutsiei i torgovlei zhenshchinami v kontse XIX – nachale XX veka*, Ivanovo, 2000. – 56 s.

Grosz E., *Izmenyaya ochertaniya tela*, Vvedenie v gendernye issledovaniya. Khrestomatiya, SPb., Aleteiya, 2019, S. 599–625.

Khasbulatova O.A., Gafizova N.B., *Zhenskoe dvizhenie v Rossii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka)*, Ivanovo, Ivan. gos. un-t, 2003. – 256 s.

Khasbulatova O.A., Smirnova I.N., *Zhenskoe dvizhenie i gosudarstvo: istoriko-sotsiologicheskii analiz*, Ivanovo, Ivan. gos. un-t, 2021. – 236 s.

Khitruk E.B., *«Sushchestvuet li zhenshchina?»: dekonstruktsiya zhenskoi sub"ektivnosti i telesnosti v filosofii postmoderna*, Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, 2012, № 361, S. 39–44.

Kradetskaya S.V., *Zhurnal «Soyuz zhenshchin» (1907–1909 gg.): istoriya izdaniya i osnovnye osobennosti*, Vestnik Permskogo universiteta, 2012, № 3, S. 56–62.

Kradetskaya S.V., *«Zhenskii vestnik» (1904–1917). Opyt izdaniya feministskogo zhurnala v Rossii*, Zhenshchina v rossiiskom obshchestve, 2013, №1 (66), S. 72–81.

Nesterova V.L., *Istoriya razvitiya zhenskoi zhurnal'noi periodiki v Rossii kontsa XVIII – nachala XX vv.: bibliograficheskii ukazatel'*, Stavropol', Byuro novostei, 2015. – 28 s.

Pustarnakova D.A., *Otechestvennye obshchestvenno-politicheskie zhenskie zhurnaly vtoroi poloviny XIX – nachala XX vekov*, avtoref. dis. ... kand. filol. nauk, Krasnodar, 2013. – 27 s.

Rakhmaninova M., *Zhenshchina kak telo*, M., Svobodnoe marksistskoe izdatel'stvo, 2016. – 120 s.

Rakhmaninova M., *Vlast' i telo*, M., Radikal'naya teoriya i praktika, 2020. – 456 s.

Smeyukha V.V., *Otechestvennye zhenskie zhurnaly: istoriko-tipologicheskii aspect*, Rostov-na-Donu, Izd-vo SKNTs VSh YuFU, 2011. – 188 s.

Smeyukha V.V., *Protsessy identifikatsii i zhenskaya pressa*, Rostov-na-Donu, Rostizdat, 2012. – 318 s.

Stites R., *Zhenskoe osvoboditel'noe dvizhenie v Rossii: feminizm, nigilizm i bol'shevizm, 1860–1930*, M., ROSSPEN, 2004. – 616 s.

Yukina I., *Ot dam-patroness do zhenotdelovok: istoriya zhenskogo dvizheniya Rossii*, M., Novoe literaturnoe obozrenie, 2024. – 680 s.

Zdravomyslova E., Temkina A., *Sotsial'noe konstruirovanie gendera: feministskaya teoriya*, Vvedenie v gendernye issledovaniya. Ch. I: Uchebnoe posobie, Khar'kov: KhTsGI, 2001; SPb.: Aleteiya, 2001, S. 147–173.

Zherebkina I., *«Prochti moe zhelanie…». Postmodernizm, psikhoanaliz, feminism*, M., Ideya-Press, 2000. – 256 s.

Статья поступила в редакцию 14.08.2026 г.

Подписана в печать 11.09.2026 г.

Вестник ТвГУ. Серия «История». 2026. № 3 (79). С. 80–93.

ИСТОРИОГРАФИЯ. ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ. МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 903(470)”19/20”
DOI 10.26456/vthistory/2026.3.080

Антропология академической жизни: направления и подходы (1970–2020-е годы) [1]

О.И. Секенова

ФГБУН «Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН», *г. Москва (Россия)*

Статья посвящена становлению и развитию антропологии академической жизни (ААЖ) как особого направления в отечественных социальных исследованиях. Рассматриваются истоки ААЖ в классических работах по социологии науки, западноевропейских и американских STS-исследованиях, социологической концепции науки П. Бурдьё и исследованиях социальных и гуманитарных наук. Анализируется российская традиция ААЖ: её институционализация, основные исследовательские центры и проблематика исследований (в т. ч. работы Г.А. Комаровой, Т.Б. Щепанской, Н.Л. Пушкаревой). ААЖ рассматривается как направление, фокусирующееся на исследованиях повседневности, бытовых практик, ритуалов, переплетений частной и публичной сторон научной работы, неотделённости труда и отдыха учёных, этических норм академического сообщества.

Ключевые слова: *антропология, академическая жизнь, социальная история науки, историография, STS-исследования, социология науки.*

Антропология академической жизни (далее – ААЖ) – сравнительно молодое направление в социальных исследованиях, предметом которого является профессиональное научное сообщество[2]. Особенности предметного поля и методологические нюансы, выделяющие ААЖ в отдельное направление и отличающие её от социологии науки, психологии науки и других дисциплин, неоднократно анализировались в научной литературе[3]; российское академическое сообщество регулярно обсуждает эти проблемы в рамках секций на Конгрессе антропологов и этнологов России[4]. В данной статье

[1] Публикация подготовлена по теме НИР ИЭА РАН «Гендерные исследования городской и сельской повседневности: историко-антропологическая перспектива» (рук. д-р. ист. наук Н.Л. Пушкарева).

[2] Антропология академической жизни: традиции и инновации. Т. 3. М., 2013. С. 5.

[3] *Столярова О. Е.* История и философия науки versus STS // Вопросы философии. 2015. № 7. С. 73-83.

[4] Антропология академической жизни: традиции и инновации... С. 6-8.

© Секенова О.И., 2026

предполагается проследить исторические условия возникновения научного направления, проанализировать развитие исследований ААЖ в отечественных социальных исследованиях за последние 35 лет, выявить основные лакуны и перспективы антропологических исследований академического сообщества.

Если история различных направлений STS-исследований (*science and technology studies* – англ. «исследования науки и технологий») с конца 1960-х гг. изучена достаточно (наиболее полно ее развитие отражено в работе О.В. Бычковой[5], а хронология институционализации направления подробно рассмотрена в справочнике Ю. Фелта, Р. Фуше и др.[6]), то отдельный аналитический обзор, рассматривающий истоки и достижения отечественной ААЖ за последние три десятилетия, важен как для понимания перспектив развития отрасли, так и для оценки возможностей междисциплинарного взаимодействия. В статье автор намеренно не обращается к эпистемологическим дискуссиям современной социальной теории: в фокусе внимания находятся возможности применения методов социокультурной антропологии к изучению академического сообщества.

Антропологические подходы в исследованиях науки и технологий. Истоки ААЖ находятся в сфере противостояния классической социологии науки и «новых» исследований науки и технологий (STS). Широкая философская дискуссия в 1960–1970-е гг., с одной стороны, определила значение исследований науки как особого социального института, с другой – выявила значительное противоречие между концепцией социологии науки школы Р. Мертона и «новой социологией науки», проявившейся в сфере STS. Благодаря развитию социокультурной антропологии, которая вышла за пределы этнографических проблем и обратилась к субкультурам и профессиональным сообществам, в 1980-е гг. исследователи науки начали использовать в своих эмпирических работах метод включённого наблюдения[7]. Полевые исследования стали классикой STS-работ: эмпирический материал, собранный в научной среде, лег в концепцию этнометодологии Г. Гарфинкеля[8]; австрийский социолог Карин Кнорр-Цетина провела включенное наблюдение в Европейской лаборатории физики элементарных частиц и в лаборатории молекулярной биологии, и на основе этого сформулировала свое понятие эпистемических культур[9], а полевой опыт Бруно Латура и Стива Вулгара

[5] *Бычкова О.В.* Исследования науки и технологий (STS): чему научили нас за 50 лет? // Социология науки и технологий. 2020. Т. 11, № 3. С. 7–21.

[6] *Felt U., Fouché R., Miller C. A., Smith-Doerr L.* The Handbook of Science and Technology Studies. 4th ed. Cambridge, MA, 2016.

[7] *Spradley J.P.* Participant Observation. Orlando, 1980.

[8] *Garfinkel H.* Studies in ethnomethodology. Englewood Cliffs, NJ, 1967.

[9] *Knorr-Cetina K.* Epistemic Cultures: How the Sciences Make Knowledge. Cambridge, Mass., 1999.

среди исследователей-эндокринологов в Институте биологических исследований Солка привел к созданию знаменитой акторно-сетевой теории[10]. Впоследствии их коллега Джон Ло назвал Латура и Вулгара первыми «этнографами науки»[11]. Работу в лаборатории Латур начал с мысленного эксперимента: что если наблюдаемые им ученые – это незнакомое загадочное племя, а проникновение в тайны науки возможно только через тесное ежедневное общение с представителями этого сообщества?[12] Латур и Вулгар подробно охарактеризовали и особенности включенного наблюдения в среде ученых, отмечая что «наблюдатель, объявляющий себя антропологом от науки», должен вызывать особый ужас»[13] у «настоящих» ученых – следовательно, наблюдая за научными работниками в течение длительного времени и пытаясь наладить с ними контакт, антрополог преодолевал те же трудности, что и этнограф во время экспедиции. Богатые эмпирические наблюдения служили социологам основой для раскрытия теории конструирования научных фактов, проблем постижения истины и научной экспертизы. В этих работах была отчетливо выражена антропологическая специфика: жизнь каждого научного коллектива рассматривалась как уникальное явление, а научные открытия – как неотъемлемая часть рутинного производственного процесса.

В одном из поздних интервью Кнорр-Цетина говорила, что на заре STS-исследований социологи предпочитали работать в естественно-научном поле, т. к. «эти науки казались более важными хотя бы в силу их сложности для изучения»[14]. Этот дисбаланс заметен и сегодня: множество интереснейших трудов посвящено именно взаимодействию новых технологий и политических и социальных акторов, а также влиянию естественных наук на общественные процессы, тогда как социальные и гуманитарные науки остаются в тени. Тенденциозная история открытий Л. Пастера, написанная Латуром в свете акторно-сетевой теории в 1984 г.[15], продемонстрировала возможности исследования науки социологическими методами в историческом контексте; работы голландского философа и антрополога Аннмари Мол дали импульс развитию медицинской антропологии[16]. В 2000–2010-е гг. вышло несколько десятков сильных историко-антропологических работ, исследующих эпизоды развития технических и естественных наук в США и

[10] *Latour B., Woolgar S.* Laboratory life. The social construction of scientific facts, Beverly Hills, Calif., and London, 1979.

[11] *Ло Д.* После метода: беспорядок и социальная наука. М., 2015. С. 45.

[12] *Latour B., Woolgar S.* Op. cit. S. 17–18.

[13] *Ibid.* S. 19.

[14] *Кнорр-Цетина К.* Интервью с Карин Кнорр-Цетиной: «Мы показали появление параллельного мира, где все критерии и система релевантности отличаются от того, что нам кажется нормальным» // Экономическая социология. 2011. № 2. С. 9.

[15] *Латур Б.* Пастер: Война и мир микробов с приложением «Несводимого». СПб., 2015.

[16] *Mol A.* The Body Multiple: ontology in medical practice. Durham, NC, 2002.

странах Европы[17] – и тем отчетливей стала заметна необходимость описания истории/философии/социологии методами, успешно опробованными в истории науки и технологий.

Одним из первых историков науки, применивших историко-антропологические методы к изучению гуманитарного академического сообщества, стал американский историк Фриц Рингер, родившийся в Германии[18]. В книге «Закат немецких мандаринов» (1969) он рассматривал специфику немецкой гуманитарной науки первой половины XX в. через профессоров-«мандаринов» – группу интеллектуалов-бюрократов, трудившихся в экстремальных социально-политических условиях. Продолжив работу по исследованию академического сообщества, Рингер направился во Францию, где познакомился с будущим классиком мировой социологии – Пьером Бурдьё.

Социологическая концепция науки Бурдьё формировалась параллельно с развитием акторно-сетевой теории[19]. Несмотря на различные позиции, касающиеся социологии истины, Бурдьё, как и Латур, имел большой опыт полевой работы, и, преодолевая оппозицию между социологией и этнологией, стремился описывать науку как поле (замкнутую и автономную систему отношений между позициями, занимаемыми агентами в социальном пространстве)[20]. Научная среда стала удачным объектом для применения терминологического аппарата, разработанного Бурдьё: габитус университетских профессоров описывался в том числе и через множественные капиталы (ресурсы для реализации своих интересов внутри поля) – наследуемые социальные и культурные капиталы, капиталы университетской и научной власти, научного престижа, интеллектуальной известности, политической и экономической власти[21]. Несмотря на масштабные теоретические построения, работа «Homo academicus» (1984) подчеркнуто исторична: в ней социолог, наблюдая французское научное поле в критический момент мая 1968 г., объяснял причины университетского кризиса через социологические эффекты и изменения культурных иерархий. Просопографическое исследование французской профессуры включило понятие «академического габитуса» в словарь большинства социологов науки и одновременно утвердило возможность применения антропологических методов к проблеме изучения академических иерархий.

Идеи Бурдьё привлекли множество последователей, которые увидели в его структуралистской методологии возможность «примирения» социологии с историей и антропологией для изучения академических сообществ в

[17] *Epstein S.* Cultivated Co-Production: Sexual Health, Human Rights, and the Revision of the ICD // Social Studies of Science. № 51 (5). 2021. S. 657–682.

[18] *Рингер Ф.* Закат немецких мандаринов: Академическое сообщество в Германии, 1890–1993. М., 2008.

[19] *Kale-Lostuvali E.* Two sociologies of science in search of truth: Bourdieu versus Latour // Social epistemology. 2016. Vol. 30. № 3. S. 273–296.

[20] *Рыкин П. О.* От моделей к стратегиям: Пьер Бурдье и его вклад в этнологическую теорию // Этнографическое обозрение. 2007. № 4. С. 7.

[21] *Бурдье П.* Homo academicus. М., 2018. С. 80–85.

гуманитарных науках[22]. Последователи Бурдьё стремились насытить теоретические построения эмпирикой, развивая количественные методы[23]. Но несмотря на отдельные удачи в сфере социологии и истории, комплексные исследования гуманитарных и социальных наук не сформировались в отдельное направление. По мнению историка Кристиана Дайе, исследования социальных и гуманитарных наук (SSSH – англ. *studies of social sciences and humanities*) на данный момент серьезно отстают от работ по истории науки и техники (STS) с точки зрения разработанных новых теорий и концепций[24]. В обзорной статье 2014 г. Дайе полагал, что «ученые, работающие в этих областях, не сходятся в точке притяжения – теоретически, методологически или организационно, в журналах и ассоциациях»[25] – и можно сказать, что за прошедшее десятилетие ситуация в изучении гуманитаристики не изменилась.

Уже к началу 1990-х гг. социология академических сообществ и социальная история науки приобрели отчётливое антропологическое измерение: появились работы, в которых процесс научных открытий рассматривался через призму культурных и экономических предпосылок, а личность учёных и их отношения в коллективе становились не менее важной проблемой для исследователя, чем способы передачи информации между научными работниками или механизмы поиска истины в различных отраслях. Антропология науки как особое направление институционализировалась медленно и в западной историографии приобрела явственную деколонизаторскую перспективу. Следуя за работами классиков антропологии (в частности, Б. Малиновского)[26], исследователи стали изучать «этнонауки», т. е. альтернативные эпистемологии системы познания, сформировавшиеся вне общемировой научной традиции[27]. Часть антропологов предпочла работать в русле STS, сосредоточившись на исследовании академического сообщества как культурно и исторически обусловленной социальной группы (антропологическая методология максимально приближалась к социологической, хотя и с большим вниманием к включенному наблюдению и глубинным интервью – нередко самоопределение как антрополога или

[22] *Коллинз Р.* Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск, 2002.

[23] *Lamont M., Guetzkow J., Mallard G.* What Is Originality in the Social Sciences and the Humanities? // American Sociological Review. 2004. №69 (2). S. 190–212.

[24] *Dayé C.* Visions of a Field: Recent Developments in Studies of Social Science and Humanities // Science, Technology, & Human Values. 2014. № 39. S. 877–891. S. 878.

[25] *Ibid*, S. 886.

[26] *Malinowski B.* Magic, Science and Religion // *Needham J.* (ed.), Science, Religion and Reality. New York, 1925. S. 19–84.

[27] *González R. J.* Zapotec Science. Farming and Food in the Northern Sierra of Oaxaca. Austin: University of Texas Press, 2001; *Hirsch E.* Ancestral Presence (The Anthropology of History). London, 2022.

социолога оставалось на совести исследователя). Польский философ-эпистемолог Анна Кавалек выделяет и третье направление в антропологии науки[28] – этнографию повседневных когнитивных практик, сосредоточенную на исследовании того, как люди используют знания и навыки (даже не относящиеся к научной сфере) в повседневной жизни[29]. Междисциплинарность и невозможность строгого разграничения предметно-методологических полей регулярно подчеркиваются в дискуссиях антропологов и социологов знания. Прошедший в 2015 г. круглый стол Американской антропологической ассоциации по теме «Антропология и STS: генеративные интерфейсы и практика множественной дисциплины» подтвердил невозможность унифицировать аналитический аппарат антропологии в исследованиях науки: выяснилось, что учёные из США, Австралии, Японии и других стран по-разному оценивают место антропологии в STS-исследованиях[30]. Российские антропологи в этой дискуссии не участвовали, но еще с начала 1990-х гг. работали над исследованиями сообщества ученых, используя различные методологические подходы и регулярно рефлексируя о взаимных пересечениях и вторжениях социологии и антропологии[31].

Антропология академической жизни: институционализация научного направления. Изучение академического сообщества в постсоветской России шло в русле общемировых тенденций развития STS. Одними из первых на трансформацию методологических основ отозвались историки науки. Антропологический поворот в отечественной историографии 1980–1990-х гг. вдохновил их на изменение проблематики исследований. В Институте истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова с начала 1990-х гг. наряду с традиционными науковедческими трудами стали разрабатываться темы, предложенные социологом Д.А. Александровым: 1) история кружков и объединений учёных; 2) принципы патронажа в академической корпорации; 3) «жизненные миры» учёных как форма научной повседневности[32]. Предложенные темы оказались актуальными не только для изучения исторических интеллектуальных сообществ. С 2009 г. на базе Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники РАН издается журнал «Социология науки и технологий». STS как академическая дисциплина впервые институционально утвердилась в Европейском университете (Санкт-Петербург), где с 2011 г. действует межфакультетский Центр

[28] *Kawalec A.* The anthropology of science // Naukoznawstwo. Kraków, 2025. P. 299–319, 303–304.

[29] Напр.: *Соколовский С.В.* Техночеловечество и антропология повседневности // Этнографическое обозрение. 2018. № 6. С. 54–65.

[30] *De la Cadena M., Lien M.E.* Anthropology and STS Generative interfaces, multiple locations // Hau: Journal of Ethnographic Theory. 2015. № 5 (1). S. 437–475. S. 438.

[31] *Соколовский С.В.* Социология vs. антропология: запоздалые заметки на полях к дискуссии «физики vs. лирики» // Антропологический форум. 2012. № 16. С. 130–139.

[32] *Александров Д.А.* Историческая антропология науки в России // Вопросы истории естествознания и техники. 1994. № 4. С. 3–22.

исследований науки и технологий[33]. Центр успешно занимается исследованиями российского инновационного сектора, технологического предпринимательства, отечественной IT-сферы[34], при этом не касаясь гуманитарного академического сообщества. Самые комплексные и значимые социологические исследования социальных и гуманитарных дисциплин в российском контексте принадлежат М.М. Соколову, изучавшему социологов, экономистов и историков[35] и с глубокой иронией относящемуся к практической необходимости исследовать академическое сообщество: по его мнению, многие социологические работы на эту тему «имеет какой-то смысл читать, только если сам предмет незнаком – тогда они с грехом пополам оправдывают своё существование как средство организации текста»[36]. Не менее критично Соколов относится к трудам антропологов: «когда отечественный этнограф обращается к науке, он(а) прежде всего пытается обнаружить морфологию академической байки в какой-то из её версий»[37]. Справедливость этих утверждений можно доказать или опровергнуть, проследив, как с начала 2000-х гг. в России развивалась антропология академической жизни – своеобразное направление, значительно отличавшееся от работ зарубежных коллег.

К началу 2000-х гг. в России возникли два независимых центра изучения антропологии академического сообщества. В Санкт-Петербурге в рамках проекта «Антропология города» кафедры культурной антропологии и этнической социологии СПбГУ под руководством Т.Б. Щепанской проводились исследования профессиональных традиций и неформальных дискурсов геологов, экономистов, этнографов и археологов[38]. Представители научных дисциплин рассматривались в контексте профессиональных субкультур, что позволило исследовать их теми же методами, что и актеров, школьных учителей, продавцов шавермы и представителей других сфер занятости. Щепанская, стремясь концептуализировать феномен профессиональной традиции, искала в профессиях общность стереотипов поведения, знаковых систем,

[33] *Бычкова О.В., Земнухова Л.В., Руденко Н.И.* Социальные исследования науки и технологий (STS) в Европейском университете (Санкт-Петербург) // Аналитический вестник СФ ФС РФ. 2019. № 29 (743). С. 38–44.

[34] *Бычкова О.В., Гладарев Б.С., Хархордин О.В., Цинман Ж.М.* Фантастические миры российского хай-тека. СПб., 2019.

[35] *Соколов М.М., Губа К.С., Зименкова Т.С.* [и др.] Как становятся профессорами: академические карьеры, рынки и власть в пяти странах. М., 2015; *Соколов М.М.* Российские историки: структура профессионального сообщества // Новая и новейшая история. 2024. № 2. С. 196–214.

[36] *Соколов М.М.* Стоит ли радоваться сближению социологии и антропологии? О проблеме легитимности в малосостоятельных дисциплинах // Антропологический форум. 2012. № 16. С. 129.

[37] Там же. С. 129.

[38] *Щепанская Т.Б.* Экспедиционные традиции: к топографии «поля» в неформальном дискурсе полевых исследователей (этнографов, археологов, антропологов) // Проблемы исторического регионоведения: сб. науч. ст. СПб., 2005. С. 76–100.

мотивов неформального дискурса и структур межличностных взаимодействий[39]. Сильной стороной петербургского исследовательского коллектива было стремление к сравнительному анализу различных профессиональных субкультур на базе фуколдианского дискурса, через исследование того, как в них конструируется статус профессионала[40].

В Москве научным центром, впервые обратившимся к антропологии научного сообщества, стал Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. Первой к мысли о необходимости изучения ученых антропологическими методами пришла историк-гендеролог Н.Л. Пушкарева, увидевшая эту перспективу в ходе исследования российских образованных интеллектуалок прошлого, часть из которых сумела самореализоваться в научной сфере[41]. Исследовательница обосновала возможность подходов истории повседневности к изучению антропологии современного научного сообщества (в первую очередь, женской его части) и предложила методические рекомендации для сбора эмпирического материала о бытовых реалиях женщин-учёных[42]. Феминистский ракурс исследования академического сообщества использовался автором для решения задачи в духе бурдьевистской социологии знания – «вскрытия технологии воспроизводства властных отношений»[43] в научной среде.

Впервые термин «антропология академической жизни» прозвучал на секции VII Конгресса этнографов и антропологов России (2007), предложенной и организованной Г.А. Комаровой. Исследовательница видела корни нового направления не только в STS-исследованиях, но также в интерпретативной антропологии К. Гирца, этнометодологии Г. Гарфинкеля и теории интерпретативной природы текстов С. Фиша[44]. По словам Комаровой, термин «антропология» обозначил «конкретный методологический подход к исследованию различных аспектов повседневной жизни ученых и научных сообществ», предполагающий «изучение конкретного способа существования “академического” человека, человека академического образа жизни, а также соционормативной культуры, совокупности ритуалов и повседневных практик, сформированных сообществом “академических” людей»[45]. «Ака-

[39] *Щепанская Т.Б.* Антропология профессий // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. 6. № 1. С. 143.

[40] *Щепанская Т.Б.* Антропология профессий. С. 143.

[41] *Пушкарева Н.Л.* Первые российские женщины-ученые: опыт типизации индивидуальных жизненных стратегий // Женщины в отечественной науке и образовании. Кострома, 1997. С. 3–8; *Она же.* Образованные женщины и женщины-ученые в исторических судьбах России X–XX вв. // Ломоносов. 2002. № 3. С. 5–26.

[42] *Пушкарева Н.Л.* Женщины-ученые в российском постсоветском фольклоре // Этнографическое обозрение. 2006. № 4. С. 41.

[43] Там же. С. 39.

[44] *Комарова Г.А.* Антропология академической жизни как практика этнографического описания и этнологического понимания // Антропология социальных перемен: К 70-летию Валерия Александровича Тишкова. М., 2011. С. 11–34, 20–23.

[45] Там же. С. 25.

демическая» жизнь понималась исследователями не в узком контексте Академии наук и научно-исследовательских институтов, но в широком смысле «высокой, настоящей науки, отличающейся настоящим профессионализмом и служением истине»[46]. Термин «академическая» в российском контексте последних десятилетий всё чаще встречается как определение понятий «среда», «карьера», «достижения», выходя за рамки строго определяемых терминов «академический институт», «академический год/час», «академическая степень» и др. (национальный корпус русского языка (ruscorpora.ru), по состоянию на 19.08.2026. – *О.С.*). Значима и предложенная Комаровой формулировка: «антропология академической жизни», а не «антропология академического сообщества» – подразумевает фокус на исследовании повседневности, бытовых практик, ритуалов, переплетений частной и публичной сторон научной работы, неотделенности труда и отдыха в *modus vivendi* ученых. Секции по антропологии академической жизни проходили на VII (Саранск, 2007), VIII (Оренбург, 2009), XIX (Петрозаводск, 2011) Конгрессах этнографов и антропологов России. Результаты секционных обсуждений находили отражение в соответствующих сборниках статей[47] и опубликованном докладе в серии «Исследования по прикладной и неотложной антропологии»[48]. Предполагалось, что дискуссия на Конгрессах должна была выйти за рамки «этнографии этнографии»: тема секции не только привлекала историков, социологов, психологов, философов, но и вызывала живой отклик антропологического сообщества, реагируя на его запрос о познании самого себя. На практике почти все исследователи, поддержавшие проект, в выступлениях/статьях обращались к своим же магистральным темам (иногда в автоэтнографическом ракурсе) либо желали поделиться мнением по наиболее болезненным вопросам: от отношений учёных и власти до этических проблем и моральной ответственности антропологов. Работы, относимые авторами к ААЖ, преимущественно представляли собой форму рефлексии о развитии этнологии как таковой, без внимания к повседневной жизни представителей других наук. Скрупулезно перечисленные Комаровой возможные темы для исследований ААЖ[49] никак не «собирались» в хоть сколько-нибудь единую теоретическую рамку, хотя представляли собой прекрасный источник по истории этнологии 2000–2010-х гг. (особое значение имеют статьи в жанре «исповедальной этнографии», по определению

[46] Что такое академическая наука // Портал «Грамота». 7.02.2024. URL: https://gramota.ru/journal/stati/nauka/chto-takoe-akademicheskaya-nauka (дата обращения: 07.07.2026).

[47] Антропология академической жизни: адаптационные процессы и адаптивные стратегии / Отв. ред. Г.А. Комарова. М., 2008; Антропология академической жизни: междисциплинарные исследования. М., 2010; Антропология академической жизни: традиции и инновации...

[48] *Комарова Г.А.* Академическая жизнь: поле междисциплинарных научных исследований. Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М., 2012. Вып. 229.

[49] Антропология академической жизни: адаптационные процессы и адаптивные стратегии... С. 18–20.

С.И. Рыжаковой[50]). Последний на текущий момент сборник статей по ААЖ, посвящённый памяти Г.А. Комаровой, вышел в 2022 г.[51] В нём, кроме значительной мемориальной части, поднимаются проблемы исторического контекста ААЖ, профессионального долга и ответственности, взаимодействия специалистов с информантами в ходе полевых исследований. Автоэтнографические статьи привлекают большее внимание «собратьев по цеху»: это возможность не только проникнуть в чужую исследовательскую «мастерскую», но и поучаствовать в конструировании общего прошлого отечественной этнологии, сверив личный опыт с рассказом коллег. Также и на секции ААЖ в ходе конференции памяти Г.А. Комаровой (ИЭА РАН 22–23 апреля 2025 г.), особый интерес вызывали автоэтнографические доклады исследователей (Ю.В. Бучатская и Р.Ш. Зельницкая рассказывали о рутинной работе музейщиков по подготовке выставок, а Э.-Б. Гучинова. анализировала нарративы этнографов о собственных свадьбах)[52].

На данный момент антропология академической жизни – научное направление, находящееся на перепутье. В последние 30 лет отечественные антропологи сумели выделить ААЖ в особый вектор, отличающийся от STS-исследований / социологии знания / социологии научного сообщества пристальным вниманием к повседневности научных работников и умением использовать этнометодологические приемы в исследованиях академической среды. Безусловно, институциональная специфика научного сообщества и этические барьеры в современной России делают крайне затруднительным длительное включенное наблюдение в любом отечественном научном коллективе для создания комплексного исследования в духе классиков социологии 1970–1980-х гг. Тем не менее ААЖ не может продолжать фокусироваться только на этнологии и антропологии, дальнейшее развитие направления подразумевает накопление эмпирических данных из других научных отраслей хотя бы внутри отечественной гуманитаристики (антропология научного сообщества в отличие от социологии более свободна от необходимости применения/изобретения сложных теоретических конструкций для описания социальных реалий, при этом даже насыщенное описание производственного процесса, детальная фиксация ежедневного труда (и отдыха) учёных является важной и актуальной научной задачей). Вторая важная функция ААЖ (особенно в рамках научных мероприятий) – это создание безопасного пространства для экспертного обсуждения этических трудностей и глубокой профессиональной рефлексии сообщества этнологов, но в этом случае сложно объяснить необходимость выделения ААЖ в отдельное научное направление.

[50] *Абашин С.Н.* Рец. на: Антропология академической жизни: адаптивные процессы и адаптивные стратегии. М., 2008 // Этнографическое обозрение. 2010. № 2. С. 163–166.

[51] За синей птицей (антропология академической жизни). Памяти Г.А. Комаровой. М., 2022.

[52] Научная конференция памяти Г.А. Комаровой «Инновационные направления в этнологии и антропологии» (ИЭА РАН 22–23 апреля 2025) [Электронный ресурс] URL: https://iea-ras.ru/?p=17094 (дата обращения: 13.06.2026 г.).

Список литературы:

1. *Абашин С.Н.* Рец. на: Антропология академической жизни: адаптивные процессы и адаптивные стратегии / Отв. ред. Г.А. Комарова. М.: ИЭА РАН, 2008 // Этнографическое обозрение. 2010. № 2. С. 163–166.
2. *Александров Д.А.* Историческая антропология науки в России // Вопросы истории естествознания и техники. 1994. № 4. С. 3–22.
3. *Бурдье П.* Homo academicus. М.: Изд-во Института Гайдара, 2018. – 465 с.
4. *Бычкова О.В., Земнухова Л.В., Руденко Н.И.* Социальные исследования науки и технологий (STS) в Европейском университете (Санкт-Петербург) // Аналитический вестник СФ ФС РФ. 2019. № 29 (743). С. 38–44.
5. *Кнорр-Цетина К.* Интервью с Карин Кнорр-Цетиной: «Мы показали появление параллельного мира, где все критерии и система релевантности отличаются от того, что нам кажется нормальным» // Экономическая социология. 2011. № 2. С. 8–20.
6. *Комарова Г.А.* Антропология академическои жизни как практика этнографического описания и этнологического понимания // Антропология социальных перемен: К 70-летию Валерия Александровича Тишкова. М.: Издательство «Политическая энциклопедия», 2011. С. 11–34.
7. *Пушкарева Н.Л.* Женщины-ученые в российском постсоветском фольклоре // Этнографическое обозрение. 2006. № 4. С. 39–58.
8. *Пушкарева Н.Л.* Образованные женщины и женщины-ученые в исторических судьбах России X–XX вв. // Ломоносов. 2002. № 3. С. 5–26.
9. *Пушкарева Н.Л.* Первые российские женщины-ученые: опыт типизации индивидуальных жизненных стратегий // Женщины в отечественной науке и образовании. Кострома, 1997. С. 3–8.
10. *Рыкин П.О.* От моделей к стратегиям: Пьер Бурдье и его вклад в этнологическую теорию // Этнографическое обозрение. 2007. № 4. С. 3–15.
11. *Соколов М.М.* Российские историки: структура профессионального сообщества // Новая и новейшая история. 2024. № 2. С. 196–214.
12. *Соколов М.М.* Стоит ли радоваться сближению социологии и антропологии? О проблеме легитимности в малосостоятельных дисциплинах // Антропологический форум. 2012. № 16. С. 121–130.
13. *Соколовский С.В.* Социология vs. антропология: запоздалые заметки на полях к дискуссии «физики vs. лирики» // Антропологический форум. 2012. № 16. С. 130–139.
14. *Соколовский С.В.* Техночеловечество и антропология повседневности // Этнографическое обозрение. 2018. № 6. С. 54–65.
15. *Столярова О.Е.* История и философия науки versus STS // Вопросы философии. 2015. № 7. С. 73–83.
16. *Щепанская Т.Б.* Антропология профессий // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. 6, № 1. С. 139–161.
17. *Щепанская Т.Б.* Экспедиционные традиции: к топографии «поля» в неформальном дискурсе полевых исследователей (этнографов, археологов, антропологов) // Проблемы исторического регионоведения: сборник научных статей. СПб.: СПбГУ, 2005. С. 76–100.

18. *Dayé C.* Visions of a Field: Recent Developments in Studies of Social Science and Humanities // Science, Technology, & Human Values. 2014. №39. P. 877–891.
19. *De la Cadena M., Lien M.E.* Anthropology and STS Generative interfaces, multiple locations // Hau: Journal of Ethnographic Theory. 2015. № 5 (1). P. 437–475.
20. *Epstein S.* Cultivated Co-Production: Sexual Health, Human Rights, and the Revision of the ICD // Social Studies of Science. № 51 (5). 2021. P. 657–682.
21. *Kale-Lostuvali E.* Two sociologies of science in search of truth: Bourdieu versus Latour // Social epistemology. 2016. Vol. 30. № 3. P. 273–296.
22. *Kawalec A.* The anthropology of science // Naukoznawstwo / redakcja Paweł Kawalec, Jacek Poznański. Kraków: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Ignatianum, 2025. 408 p. P. 299-319; P. 303–304.
23. *Lamont M., Guetzkow J., Mallard G.* What Is Originality in the Social Sciences and the Humanities? // American Sociological Review. 2004. №69 (2). P. 190–212.
24. *Latour B., Woolgar S.* Laboratory life. The social construction of scientific facts, Beverly Hills, Calif., and London, Sage Publications, 1979. – 272 p.
25. *Malinowski B.* Magic, Science and Religion // *Needham J.* (ed.), Science, Religion and Reality. New York: The Macmillan Company, 1925. P. 19–84.

Об авторе:

СЕКЕНОВА Ольга Игоревна – кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, (Россия, 119334, г. Москва, Ленинский проспект, д.32А), e-mail: jkzkray@mail.ru

Anthropology of Academic Life: Directions and Approaches (1970s–2020s)

O.I. Sekenova

The Russian Academy of Sciences N.N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology, *Moscow, Russia*

The article explores the formation and development of the anthropology of academic life (AAL) as a distinct area within Russian social research. It examines the origins of AAL in classical sociology of science, Western European and American STS studies, P. Bourdieu's sociological concept of science, and researches on social and humanities disciplines. The article analyses the Russian AAL tradition, including its institutionalization, key research centers, and main research topics (e.g., works by G. A. Komarova, T. B. Shchepanskaya, and N. L. Pushkareva). AAL is presented as a field focused on studying everyday life, routine practices, rituals, ethical norms, the interplay between private and public aspects of academic work, the blurred boundaries between scientists' labor and leisure.

***Keywords**: anthropology of academic life, social history of science, historiography, STS studies, sociology of science.*

About the author:

SEKENOVA Olga Igorevna – PhD (History), Research Fellow, The Russian Academy of Sciences N.N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology, *Moscow, Russia* (Russia, 119334, Moscow, Leninsky Prospekt, 32A), e-mail: jkzkray@mail.ru

References

Abashin S.N. *Rec. na: Antropologiya akademicheskoj zhizni: adaptivnye processy i adaptivnye strategii*. Moscow, 2008 // Etnograficheskoe obozrenie. 2010. No. 2. S. 163–166.

Bourdieu P. *Homo academicus.* Moscow, 2018.

Bychkova O.V., Zemnuhova L.V., Rudenko N.I. *Social'nye issledovaniya nauki i tekhnologij (STS) v Evropejskom universitete (Sankt-Peterburg)*. Analiticheskij vestnik SF FS RF. 2019. No. 29 (743). S. 38–44.

Knorr-Cetina K. *Interv'yu s Karin Knorr Cetinoj: «My pokazali poyavlenie parallel'nogo mira, gde vse kriterii i sistema relevantnosti otlichayutsya ot togo, chto nam kazhetsya normal'nym»*, Ekonomicheskaya sociologiya. 2011. No. 2. S. 8–20.

Komarova G.A. *Antropologiya akademicheskoj zhizni kak praktika etnograficheskogo opisaniya i etnologicheskogo ponimaniya*. Antropologiya social'nyh peremen: K 70-letiyu Valeriya Aleksandrovicha Tishkova. Moscow: Izdatel'stvo «Politicheskaya enciklopediya», 2011. S. 11–34.

Pushkareva N. L. *Obrazovannye zhenshchiny i zhenshchiny-uchenye v istoricheskih sud'bah Rossii X–XX vv.* Lomonosov. 2002. No. 3. S. 5–26.

Pushkareva N. L. *Pervye rossijskie zhenshchiny-uchenye: opyt tipizacii individual'nyh zhiznennyh strategij*. Zhenshchiny v otechestvennoj nauke i obrazovanii. Kostroma, 1997. S. 3–8.

Pushkareva N. L. *Zhenshchiny-uchenye v rossijskom postsovetskom fol'klore*. Etnograficheskoe obozrenie. 2006. No. 4. S. 39–58.

Rykin P. O. *Ot modelej k strategiyam: P'er Burd'e i ego vklad v etnologicheskuyu teoriyu*. Etnograficheskoe obozrenie. 2007. No. 4. S. 3–15.

Shchepanskaya T.B. *Antropologiya professij*. Zhurnal sociologii i social'noj antropologii. 2003. Vol. 6, No. 1. S. 139–161.

Shchepanskaya T.B. *Ekspedicionnye tradicii: k topografii «polya» v neformal'nom diskurse polevyh issledovatelej (etnografov, arheologov, antropologov).* Problemy istoricheskogo regionovedeniya: sbornik nauchnyh statej. Saint Petersburg: SPbGU, 2005. S. 76–100.

Sokolov M.M. *Rossijskie istoriki: struktura professional'nogo soobshchestva*. Novaya i novejshaya istoriya. 2024. No. 2. S. 196–214.

Sokolov M.M. *Stoit li radovatsya sblizheniyu sociologii i antropologii? O probleme legitimnosti v malosostoyatel'nyh disciplinah.* Antropologicheskij forum. 2012. No. 16. S. 121–130.

Sokolovskij S.V. *Sociologiya vs. antropologiya: zapozdalye zametki na polyah k diskussii «fiziki vs. liriki»*. Antropologicheskij forum. 2012. No. 16. S. 130–139.

Sokolovskij S.V. *Tekhnochelovechestvo i antropologiya povsednevnosti*. Etnograficheskoe obozrenie. 2018. No. 6. S. 54–65.

Stolyarova O.E. *Istoriya i filosofiya nauki versus STS*. Voprosy filosofii. 2015. No. 7. S. 73–83.

Статья поступила в редакцию 24.07.2026 г.

Подписана в печать 11.09.2026 г.

Вестник ТвГУ. Серия «История». 2026. № 3 (79). С. 94–106.

УДК 930(47)”18/19”

DOI 10.26456/vthistory/2026.3.094

Девичество как этап женского жизненного цикла: итоги изучения за два века российской историографии [1]

Д.И. Калашникова

ФГБОУ ВО «Смоленский государственный медицинский университет»,
г. Смоленск, Россия

В статье предпринят анализ дореволюционной и советской историографии, посвященной девичеству как этапу женского жизненного цикла. Автор устанавливает, что исследовательский интерес зародился еще в конце XVIII в. с первыми обращениями к женской теме и развивался в работах этнографов-бытописателей, изучавших традиционное (преимущественно крестьянское) девичество. Девичество же привилегированных сословий мало привлекало исследователей ввиду закрытости образа жизни. Несмотря на отсутствие широкого интереса к девичеству как отдельной теме на протяжении двух столетий, а также комплексных исследований, их труды, а также вклад советских этнографов, изучавших обрядовые и ритуальные практики, заложили основу для институционализации и дальнейшего междисциплинарного развития антропологии русского девичества к концу 1980-х гг.

Ключевые слова: *девичество, историография, антропология, этнография, женская история, историческая антропология повседневности.*

Под девичеством исследователи традиционно понимают этап женского жизненного цикла, находящийся между детством и зрелостью, верхние границы которого нередко связаны с заключением брака. Несмотря на различия рамок девичества ввиду исторического, географического, культурного и правового факторов, этот период является полноценным и ключевым в жизни каждой женщины, поскольку именно во время него происходит становление её личности и формирование гендерной идентичности, что обусловливает актуальность его изучения.

Цель данной статьи – проанализировать становление девичества как самостоятельного предмета изучения в отечественной дореволюционной и советской историографии, начиная с первых академических работ, так или иначе затронувших девичество и его культуру, вплоть до конца 1980-х гг. – до момента проникновения в отечественную научную мысль западной методологии, к которому, однако, была создана основа для дальнейшего специального развертывания нового направления – антропологии русского девичества.

[1] Текст подготовлен в рамках проекта РНФ «Женская семейная память в России XVIII–XXI вв.: формы передачи, динамика трансформаций, социальная миссия» (No 24-18-00212).

© Калашникова Д.И., 2026

Поиски истоков интереса к антропологии девичества в отечественной историографии нужно, вероятно, начинать с того же этапа, с которого берут своё начало истоки интереса к женской истории страны, а именно – с конца XVIII – начала XIX в., когда эта тема была затронута в работах участников первых академических экспедиций[2]. В 1768 г. началось сразу три экспедиции по исследованию Оренбургской губернии. Их руководители и участники – П.С. Паллас, И.Г. Георги, И.И. Лепехин, И.П. Фальк – стали авторами трудов, в которых нашли отражение жизнь и быт различных народов, в том числе и русского. Они были первыми, кто уделил внимание описанию внешности девушек, их одежды, украшений, занятий и традиционных обрядов (зачастую в сравнении с укладом взрослых женщин), а также их положению в обществе. Так, одной из первых опубликованных работ были дневниковые записи академика И.И. Лепехина, в которых отражены его впечатления о башкирской свадьбе, описанной им в особом сравнении с татарской. Наиболее интересным он посчитал то, что после договорённости отцов о заключении брака между их детьми, отец потенциальной невесты публично спрашивал девушку о её личном желании. Она, в свою очередь, и принимала окончательное решение[3]. Работы же иностранных коллег, прибывших в Россию на службу, в сравнении с трудами уроженца Петербурга, наполнены большим количеством деталей внешнего вида девушек, в том числе и повседневного, воспринимавшегося ими как диковинный[4]. Однако никто из исследователей ни конца XVIII, ни первой половины XIX в. не ставил перед собой специальной задачи изучить особенности девичества как этапа жизненного цикла.

Темы этой касались иллюстративно. Так, Н.А. Цертелев в статье «О свадебном русском обряде»[5] подчеркнул беззаботность жизни девушек в давние времена. И.П. Сахаров был одним из первых в отечественной историографии, кто комплексно проанализировал историю смотрин, сватовства, свадебных обрядов у русских, собрав материал в Тверской, Калужской, Московской, Орловской и Рязанской губерниях. Ему же принадлежит вывод

[2] *Пушкарева Н.Л.* Русская женщина: история и современность: История изучения «женской темы» русской и зарубежной наукой. 1800–2000: Материалы к библиографии. М., 2002. С. 11.

[3] *Лепехин И.И.* Дневные записки путешествия по разным провинциям российского государства: в 4 т. СПб., 1780. Т. 2. С. 150.

[4] *Георги И.Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов: Их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей: в 4 ч. СПб., 1799; *Паллас П.С.* Путешествие по разным провинциям Российской Империи. СПб., 1809; Записки путешествия академика Фалька // Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Императорскою Академией Наук, по предложению ее президента. Т. 6. СПб., 1824.

[5] *Церетелев Н.А.* О свадебном русском обряде // Труды Вольного общества любителей российской словесности. СПб., 1822. Т. XIX. С. 113–131.

о том, что именно девушка была одним из ключевых действующих лиц, вокруг которого были построены все ритуальные и обрядовые акты[6]. Классик русского этнографического описания историк и археолог А.В. Терещенко счёл «девичью тему» не слишком перспективной для изучения. Он подчёркивал скучность, единообразие и пассивность повседневности всей образованной части женского населения и девушек в частности, чьи развлечения сводились лишь к пению и играм в пределах дома[7]. Он видел в «сидячей жизни» девушек высших сословий причину большинства болезней, которым женский пол был подвержен[8]. Больше внимания он уделил свадебным обрядам всех сословий, первым обратил внимание на ответственность родителей за будущее их дочерей (обязанность искать женихов, а в случае неудачи с этим – отдавать в монастырь)[9]. Немного странно прозвучал вывод историка о том, что девичий наряд у русских был лишен выразительности (даже в XVII в.)[10].

В 1860-е гг. интерес к повседневности привилегированных слоев русского общества явно возрос. И.Е. Забелин в труде «Домашний быт русских царей в XVI–XVII столетиях» подробно описал убранство девичьих спален, детали воспитания, образования и времяпрепровождения молодых особ допетровского времени, тем самым задав структурные рамки будущих исследований русского девичества. Акцент историк первостепенно сделал на повседневную жизнь царей и их ближайшего окружения, аспекты девичей культуры он затрагивал косвенно, поскольку царевны были неотъемлемыми участницами жизни царского двора, но не ее ключевыми фигурами. Девичьи он поименовал «святилищами женского одиночества, куда, кроме людей близких и необходимых, не проникал ничей глаз»[11]. Как и предшественники, он уделил внимание нарядам, украшениям и головным уборам девушек, всячески подчеркивал закрытость образа жизни царских дочерей, которая «по понятию наших предков, без потери доброго имени не могла являться открытой»[12], вплоть до зазорности появления женской личности в публичном пространстве допетровской России[13]. Истоки этого он определил в идеологических заимствованиях из Византии[14], где появление девушки в обществе могло прочитываться как нарушение «целомудрия публичного общежития»[15].

---

[6] *Сахаров И.П.* Сказания русского народа о семейной жизни своих предков, собранные И. Сахаровым. СПб., 1837.

[7] *Терещенко А.В.* Быт русского народа: в 2 т. // Сост. А.В. Фролова; отв. ред. О.А. Платонов. М., 2014. Т. I. С. 290.

[8] Там же. С. 274.

[9] Там же. С. 397.

[10] Там же. С. 241

[11] *Забелин И.Е.* Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях / Отв. ред. О.А. Платонов. М., 2014. С. 220.

[12] Там же. С. 553.

[13] Там же.

[14] Там же. С. 105.

[15] *Забелин И.Е.* Указ. соч. С. 8.

В 1864 г. в связи со 100-летием Воспитательного общества благородных девиц и Санкт-Петербургского Александровского училища, в свет вышел исторический очерк В.Н. Лядова[16], посвящённый описанию развития этих двух закрытых элитарных учебных заведений для девочек. В ней автор реконструировал институциональную модель воспитания и формирования девушки высших сословий (требования к образованности, владению иностранными языками, к готовности к семейной жизни, наличию навыков ведения домашнего хозяйства) в XVIII – начале XIX в.

Изучение же культуры девичества в контексте культуры народной было продолжено этнографами и фольклористами. В.А. Александровым был собран и систематизирован материал по деревенским увеселениям в Вологодском уезде. В статье было показано, что девушки были активными участницами деревенской жизни, а народные развлечения были для них формой социализации[17]. В своем труде «Свадебные обряды русских крестьян Царевококшайского уезда» современник В.А. Александрова – П.А. Жаворонков детально зафиксировал свадебный день и послесвадебные ритуалы зажиточных крестьян Казанской губернии, доказав, что их точное соблюдение гарантировало девушкам благополучную семейную жизнь[18]. Аналогичные выводы сделал и автор биографии царевны Софьи Н.И. Костомаров. Он тоже обратил тогда внимание на быт и повседневность царский дочерей, и ему они тоже представились как «затворщицы, никем не видимые»[19].

О том, как родился такой обычай для представительниц царской семьи, размышлял в 1880-е гг. в своём труде М.В. Забылин[20]. Проанализировав некоторые пережитки времен язычества в свадебной обрядности русских, он пришел к выводу, что церкви никогда не удастся их искоренить. К таковым он отнес гадания девушек на любовь и замужество, использование любовных заговоров, которые рассматривались им не как суеверия, а как ключ к пониманию внутреннего мира девушек с их переживаниями и выражениями надежд и желаний, выявляя сложность, вариативность и адаптивность девичей культуры, готовность ее меняться под влиянием социальных условий.

В конце XIX в. историк В.О. Михневич обратился к изучению русской женской истории в целом и девичей культуры в ней в частности. Его взгляд на русскую девушку довольно сильно отличался от мнений коллег: она, счи-

[16] *Лядов В.Н.* Исторический очерк столетней жизни Воспитательного общества благородных девиц и Санкт-петербургского Александровского училища. СПб., 1864.

[17] *Александров В.А.* Деревенское веселье в Вологодском уезде // Современник. 1864. Т. 103. № 7. С. 169–200.

[18] *Жаворонков П.А.* Свадебные обряды русских крестьян в Царевококшайском уезде. Казань, 1868.

[19] *Костомаров Н.И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей: в 4 т. / Вступит. статья А.Ф. Смирнова / Сост. А.М. Кузнецова. М., 1998. Т. 3. С. 211.

[20] *Забылин М.В.* Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия: в 4 ч. / Сост. и отв. ред. О.А. Платонов. М., 2014.

тал он, никогда никакой затворницей не была (за исключением именно царских дочек), а потому была готова всем сердцем принять «стремительную эмансипацию с ее либеральными и культивирующими результатами»[21]. В.О. Михневич был одним из первых (если не первым!), кто выделил девичество как этап женского жизненного цикла и связал его не только с приобретением доступа к новым социальным практикам, но и с готовностью к поиску избранника и вступлению в брак.

К концу XIX в. относятся и новаторские труды женщины-врача М.М. Волковой[22], посвящённые вопросам красоты, гигиены и здоровья женщин. Яркий акцент автор сделала на факте формирования организма в девичьем возрасте, считая этот период чрезвычайно важным для будущего здоровья женщины. Она настаивала, что любые болезни, которым девушки могут быть подвержены, едва ли поддаются лечению, в том числе и медикаментозному, при несоблюдении гигиенических советов врача. Огромное внимание она уделила вопросу ношения корсета с раннего девичества, являвшегося причиной многих женских болезней. Обязательное ношение корсетов, по мнению Волковой, было ошибкой; а сама работа М.М. Волковой потому и стала буквально манифестом медицинской и социальной мысли, направленной на рационализацию и признание ценности женского здоровья.

Подстать трудам М.М. Волковой, особо выделявшей проблему девичьего здоровья, стали в начале XX в. работы одной из первых русских женщин-этнографов – М.В. Красноженовой, которая, в отличие от кабинетных учёных, собирала материал во время полевых выходов и лично общалась с информантами, погружаясь в их жизнь. Как женщина, она имела больший доступ к женским практикам, обычаям и обрядам и их пониманию, в отличие от исследователей-мужчин. География интересов этнографа тогда явно вышла за рамки центральных районов страны. Ученая проанализировала богатый этнографический материал, посвященный предсвадебной и свадебной обрядности, и подчеркнула важность в ней девушек (на примере районов Сибири)[23]. Высокий класс историко-этнографического анализа в те же годы явила работа знаменитого Д.К. Зеленина «Обрядовое празднество совершеннолетия девиц у русских»[24]. Историк был одним из первых в отечественной науке, кто обратил внимание на существование обрядов, знаменующих переход девушки в новой социальный статус, характеризующийся её готовностью к вступлению

[21] *Михневич В.О.* Русская женщина XVIII столетия. М., 1990. С. 6.

[22] *Волкова М.М.* Беседы о том, как надо охранять здоровье женщины, начиная с детства и кончая периодом увядания: Лекции, читанные в Соляном городке в 1894 г. СПб., 1896; *Её же.* Красота, гигиена и реформа женской одежды: Две лекции женщины-врача. СПб., 1899.

[23] *Красноженова М.В.* Описание крестьянской свадьбы в дер. Лапиной // Известия Восточно-Сибирского отдела Имперского русского Географического общества. Иркутск, 1908. Т. XXXVI. С. 77–81; *Её же*. Описание крестьянской свадьбы в дер. Злобиной Енисейской губ. // Известия Восточно-Сибирского отдела Имперского русского Географического общества. Иркутск: 1909. Том XXXVIII. С. 17–31.

[24] *Зеленин Д.К.* Обрядовое празднество совершеннолетия девицы у русских. М., 1994. С. 179–192.

в брак, предпринял попытку их анализа. На его взгляд, низкая степень изученности данной темы объяснялась тогда «невидимостью» девичьих обрядов совершеннолетия для исследователей, ввиду их тесной связи, а нередко и совпадения со свадебным ритуалом. Таким образом, он был первым из отечественных ученых, кто опроверг мнение о нераспространенности на девушек обрядов инициаций.

Революционные события первой четверти XX в. внесли свои коррективы в тематику исследований, касавшихся женской истории, а в ней – истории и антропологии девичества. Учёных в обновлявшейся стране больше интересовали вопросы женской эмансипации, политической, общественной и трудовой деятельности, ведь ранее малозаметные в публичном пространстве женщины стали полноправными акторами исторического процесса. Этнографические исследования, конечно, продолжались, но в них никто не центрировал внимания на новых аспектах, старые сюжеты дополнялись какими-то конкретными частностями, девичество изучалось косвенно, не являясь специальным объектом исследовательского внимания в течение почти трех десятилетий[25].

Ситуация начала меняться, когда в середине XX в. сотрудник Института этнографии АН СССР М.Н. Шмелева, подчеркнув малоизученность народной одежды украинского населения Закарпатья, подробно описала женский повседневный и праздничный костюмы в особом сравнении с костюмом девичьим, отличавшимся большей яркостью и выразительностью. Отдельное внимание в её труде было уделено украшениям и головным уборам, служившим маркерами возрастного и социального положения лиц женского пола, в том числе и девичьего статуса, означая готовность девушки к обретению статуса невесты и заключению брака[26].

Приступая к этнографическому изучению культуры и быта русского городского населения в 1960-х гг., М.Н. Шмелева совместно с Л.А. Анохиной наметили основной методический приём – сопоставление прошлого, традиционного и устоявшегося, с настоящим и изменчивым[27]. Применительно к изучению девичьего быта это было очень важно, и следом за их публикациями в свет вышло исследование Т.А. Колевой. Она первой предприняла попытку комплексного изучения весенних девичьих обычаев (на примере южнославянских народов). Выявив их происхождение и проведя

[25] *Елеонская Е.Н.* Сказка, заговор и колдовство в России. Сб. трудов / Вступ. ст. и сост. Л.Н. Виноградовой. М., 1994; *Зеленин Д.К.* Восточнославянская этнография. М., 1991.

[26] *Шмелева М.Н.* Типы женской народной одежды украинского населения Закарпатской области // Советская этнография. 1948. № 2. С. 130–146; *Она же.* Из истории национального костюма украинцев Закарпатской области // Краткие сообщения ин-та этнографии АН СССР, в. XI, М. – Л., 1950. С. 20–30.

[27] *Анохина Л.А., Шмелева М.Н.* Некоторые проблемы этнографического изучения современного русского города // Сов. этнография. 1964. № 5. С. 9–10; *Их же*. Задачи и методы этнографического изучения культуры и быта русского городского населения // Сов. этнография. 1966. № 6. С. 57–67.

типологическое сравнение, автор пришла к выводу о направленности ритуалов на социализацию подрастающего поколения представительниц женского пола, их эмансипацию, при этом подчеркнув непосредственную связь с половым созреванием и получением права на замужество. Показав связь между весенними девичьими обрядами, пробуждением природы и детородными возможностями девушек, она показала общность такого рода связей во всех славянских культурах[28], с чем согласились и авторы коллективного труда «Общественный и семейный быт русского сельского населения Среднего Поволжья»[29]. Авторы её – Е.П. Бусыгин, Н.В. Зорин, М.Б. Михайличенко, – создав комплексное историко-этнографическое описание повседневной жизни и её ритуальной части русской крестьянской общины, представили девушек в ней полноценными участницами общественной жизни со всеми её культурными особенностями (организация досуга, освоение трудовых навыков, подготовка к замужеству и комплекс связанных с этим ритуалов и практик). Девичество предстало в их труде как динамичный период жизни женщины, во время которого происходило формирование её личности и интеграция в общественную жизнь.

Самый известный, вероятно, этнографический труд, связанный с девичьей крестьянской культурой, был в то время создан Т.А. Бернштам. Применив историко-этнографический подход, она не просто описала, но и совершила детальный анализ предсвадебной обрядности Поморья в исторической перспективе, показав её трансформацию в XIX – начале XX в. Она ввела в научный обиход термин «девушка-невеста», предполагавший характеристики особого статуса и бывший лиминальным, выходящим за рамки простого биологического возраста. Его характеристика оказалась связана в работе исследовательницы с комплексом специфических обрядовых предбрачных практик – сватовством, смотринами, помолвкой, девичником, последовательно направленным на переход из статуса незамужней девушки в статус невесты. Немалое значение было уделено Т.А. Бернштам и семантике девичьих головных уборов и волос, с которыми были связаны ритуальные практики, маркирующие переход в новую фазу жизненного цикла[30].

Культурно-антропологическое описание русского крестьянского общества было продолжено на излете существования советской науки многими этнографами[31]. В частности, Л.Н. Виноградовой были систематизиро-

[28] *Колева Т.* Происхождение весенних девичьих обрядов у некоторых славянских народов // Македонский фольклор. 1973. Т. IV. Св. 12. С. 74–85.

[29] *Бусыгин Е.П., Зорин Н.В., Михайличенко Е.В.* Общественный и семейный быт русского сельского населения Среднего Поволжья: историко-этнографическое исследование (середина XIX – начало XX вв.). Казань, 1973.

[30] *Бернштам Т.А.* Девушка-«невеста» и предбрачная обрядность в Поморье в XIX – начале XX в. // Русский народный свадебный обряд: исследования и материалы. Л., 1978. С. 48–71.

[31] *Зорин Н.В.* Русская свадьба в Среднем Поволжье. Казань, 1981; *Бернштам Т.А.* Обряд «расставание с красотой» (К семантике некоторых элементов материальной

ваны девичьи гадания цикла календарной обрядности, связанные с замужеством, а также выявлены общие черты и параллели гаданий западно- и восточнославянских регионов и был сделан вывод об их общих корнях (связь девичьих гаданий с культом предков, взаимосвязь девичьих гаданий с формами других календарных обрядов и магических действий)[32]. Успевший полюбиться лингвистам метод картографирования был применён Л.С. Гвоздиковой и Г.Г. Шаповаловой при изучении свадебной обрядности Калининской, Ярославской и Костромской областей. Исследовательницы остановили внимание на прощании «с красотой», «девичьем житьем», знаменующем переход девушки в другую социально-возрастную и семейно-родовую группу, выявив региональные особенности, замену эпизодов, слияние части обрядов, их упрощение и смещение во времени и пространстве[33]. Однако все перечисленные статьи и монографии были типично этнографическими описаниями, пока в отечественной историографии не сложились предпосылки для возникновения нового научного направления – истории женщин, антропологии женского быта и повседневности.

Основополагающий вклад в его возникновение был сделан трудами этнографа и историка Н.Л. Пушкаревой. Её ранние публикации были посвящены древности – первым векам русской истории, допетровской России, но именно они заложили рамку будущих исследований многих аспектов *женской темы,* в том числе и девичества. Проанализировав нарративную литературу, канонические памятники, отобразившие брачные и свадебные традиции, обычаи и обряды, исследовательница доказала, что ритуал превращения из подростка и девушки в девушку-невесту за несколько столетий сильно трансформировался, так что церковь стала выступать непосредственным регулятором общественных отношений и защитником девушек, особенно в случае нарушения или ущемления их прав при заключении брачного союза[34].

Необходимым является знакомство с фундаментальным этнографическим исследованием М.М. Громыко «Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в.»[35], в котором, несмотря на то что

культуры в восточнославянском свадебном обряде) // Сборник музея антропологии и этнографии. Л., 1982. С. 43–66.

[32] *Виноградова Л.Н.* Девичьи гадания о замужестве в цикле славянской календарной обрядности (западно-восточнославянские параллели) // Славянский и балканский фольклор: Обряд. Текст / Отв. ред. Н.И. Толстой. М., 1981. С. 13–43.

[33] *Гвоздикова Л.С., Шаповалова Г.Г.* «Девья красота»: Картографирование свадебного обряда на материалах Калининской, Ярославской, Костромской областей // Обряды и обрядовый фольклор. М., 1982. С. 264–277.

[34] *Пушкарева Н.Л.* Женщина в средневековом Новгороде XI–XV вв. // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. М., 1983. № 3. С. 78–89; *Ее же*. Социально-правовое положение женщин в Русском государстве X–XV вв.: вопросы преступления и наказания // Советское государство и право. 1985. № 4. С. 121–126; *Её же*. Женщина в древнерусской семье (X–XV вв.) // Советская этнография. 1988. № 4. С. 87–98.

[35] *Громыко М.М.* Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986.

фокус был сделан не на девичестве, тем не менее раскрыто понимание этой фазы жизненного цикла через призму общепринятых социокультурных норм и форм общения в среде крестьянства. Автор систематизировала нормы поведения крестьянских девушек и показала ожидаемые и одобряемые обществом их модели поведения, сделав акцент на правилах приличия, трудолюбии, скромности и уважении. Кроме того, в исследовании была подчеркнута важность молодежного досуга девушек для формирования их поведения в публичном пространстве, а также передачи и воспроизводства ими культурного кода народа. По мнению М.М. Громыко, девичество – строго регламентированный и социально обусловленный период жизни крестьянской девушки, во время которого осуществляется её подготовка к взрослой самостоятельной жизни и замужеству.

Отдельно также выделим другую работу советского и российского исследователя Т.А. Бернштам, которая одной из первых предприняла попытку этнографического изучения категорий «пол» и «возраст» в структуре и культуре традиционного российского общества XIX–XX вв. Она подчеркнула, что ученые нередко воспринимали половозрастную дифференциацию народа как биологическую данность, отражённую в брачно-семейных отношениях и ритуальных формах. Уделив особое внимание девушкам, исследовательница подчеркнула нечёткость статуса девушки-невесты, поскольку, помимо полового созревания, важную роль играли аскриптивные, приписываемые традицией, признаки женского взросления[36].

Таким образом, дореволюционная и советская отечественная историография на протяжении двух столетий создала необходимую базу для специального развертывания направления *«антропология русского девичества»*. Собранный этнографами-бытописателями материал, аккумулировавшийся с конца XVIII и до начала XX вв., сконструировал аналитическую рамку изучения девичества в традиционной (считалось: именно крестьянской) среде.

Последующий вклад советских городоведов расширил эту источниковую базу. Уже советская этнографическая литература была богата на исследования, посвящённые девичеству и его культуре в исторической ретроспективе, применительно прежде всего к тем слоям русского народа, которые не оставили письменного наследия. В этих трудах были проанализированы девичьи обрядовые и ритуальные практики, хотя комплексные работы именно по теме девичества отсутствовали.

Несмотря на отсутствие массового признания данного направления среди исследователей, предпринятые отечественными учёными усилия к концу 1980-х гг. позволят в последующем сделать русское девичество, в том числе привилегированных сословий, специальным предметом изучения представителей различных научных дисциплин, характеризующимся широким применением междисциплинарности.

[36] *Бернштам Т.А.* Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX в.: Половозрастной аспект традиционной культуры. Л., 1988. С. 42.

Список литературы:

1. *Александров В.А.* Деревенское веселье в Вологодском уезде // Современник. 1864. Т. 103. № 7. С. 169–200.
2. *Анохина Л.А., Шмелева М.Н.* Задачи и методы этнографического изучения культуры и быта русского городского населения // Советская этнография. 1966. № 6. С. 57–67.
3. *Анохина Л.А., Шмелева М.Н.* Некоторые проблемы этнографического изучения современного русского города // Советская этнография. 1964. № 5. С. 9–10.
4. *Бернштам Т.А.* Девушка-«невеста» и предбрачная обрядность в Поморье в XIX – начале XX в. // Русский народный свадебный обряд: исследования и материалы. Л., 1978. С. 48–71.
5. *Бернштам Т.А.* Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX в.: Половозрастной аспект традиционной культуры. Ленинград, 1988.
6. *Бернштам Т.А.* Обряд «расставание с красотой» (К семантике некоторых элементов материальной культуры в восточнославянском свадебном обряде) // Сборник музея антропологии и этнографии. Л, 1982. С. 43–66.
7. *Бусыгин Е.П., Зорин Н.В., Михайличенко Е.В.* Общественный и семейный быт русского сельского населения Среднего Поволжья: историко-этнографическое исследование (середина XIX – начало XX вв.). Казань, 1973.
8. *Виноградова Л.Н.* Девичьи гадания о замужестве в цикле славянской календарной обрядности (западно-восточнославянские параллели) // Славянский и балканский фольклор: Обряд. Текст / Отв. ред. Н.И. Толстой. М., 1981. С. 13–43.
9. *Гвоздикова Л.С., Шаповалова Г.Г.* «Девья красота»: Картографирование свадебного обряда на материалах Калининской, Ярославской, Костромской областей // Обряды и обрядовый фольклор. М., 1982. С. 264–277.
10. *Громыко М.М.* Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986.
11. *Елеонская Е.Н.* Сказка, заговор и колдовство в России: сб. трудов / Вступ. ст. и сост. Л.Н. Виноградовой. М., 1994.
12. *Забылин М.В.* Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия: в 4 ч. // Сост. и отв. ред. О.А. Платонов. М., 2014.
13. *Зеленин Д.К.* Обрядовое празднество совершеннолетия девицы у русских. М., 1994.
14. *Зорин Н.В.* Русская свадьба в Среднем Поволжье. Казань, 1981.
15. *Колева Т.* Происхождение весенних девичьих обрядов у некоторых славянских народов // Македонский фольклор. 1973. Т. IV. Св. 12. С. 74–85.
16. *Михневич В.О.* Русская женщина XVIII столетия. М., 1990.
17. *Пушкарева Н.Л.* Женщина в древнерусской семье (X–XV вв.) // Советская этнография, 1988. № 4. С. 87–98.
18. *Пушкарева Н.Л.* Женщина в средневековом Новгороде XI-XV вв. // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. М., 1983. № 3. С. 78–89.

19. *Пушкарева Н.Л.* Русская женщина: история и современность: История изучения «женской темы» русской и зарубежной наукой. 1800–2000: Материалы к библиографии. М., 2002.
20. *Пушкарева Н.Л.* Социально-правовое положение женщин в Русском государстве X-XV вв.: вопросы преступления и наказания // Советское государство и право. 1985. № 4. С. 121–126.
21. *Терещенко А.В.* Быт русского народа: в 2 т. // Сост. А.В. Фролова / отв. ред. О.А. Платонов. М., 2014. Т. I.
22. *Шмелева М.Н.* Из истории национального костюма украинцев Закарпатской области // Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР, в. XI т., М.; Л., 1950. С. 20–30.
23. *Шмелева М.Н.* Типы женской народной одежды украинского населения Закарпатской области // Советская этнография. 1948. № 2. С. 130–146.

Об авторе:

КАЛАШНИКОВА Дарья Ивановна – преподаватель, кафедра философии, биоэтики, истории медицины и социальных наук, Смоленский государственный медицинский университет (Россия, 214019, г. Смоленск, ул. Крупской, 28), e-mail: darya.kdi@yandex.ru

Girlhood as a Stage of the Female Life Cycle: the Results of Studying the History of Russian Historiography Over Two Centuries

D.I. Kalashnikova

Smolensk State Medical University, *Smolensk, Russia*

The article analyzes pre-revolutionary and Soviet historiography devoted to girlhood as a stage of the female life cycle. The author establishes that interest in the topic originated at the end of the XVIII century with the first references to the female theme and developed in the works of ethnographers, life writers who studied traditional (mainly peasant) girlhood. The girlhood of the privileged classes did not attract researchers much, due to the closed lifestyle. Despite the lack of widespread interest in girlhood as a separate topic for a century and a half, as well as comprehensive research, their works, as well as the contribution of Soviet ethnographers who studied ritual and ritual practices, laid the foundation for the institutionalization and further interdisciplinary development of the anthropology of Russian girlhood by the end of the 1980s.

***Keywords*:** *girlhood, historiography, anthropology, ethnography, women's history, historical anthropology of everyday life*.

About the author:

KALASHNIKOVA Darya Ivanovna – lecturer, Department of Philosophy, Bioethics, History of Medicine and Social Sciences, The Smolensk State Medical University, (Russia, 214019, Smolensk, Krupskoi st., 28),e-mail: darya.kdi@yandex.ru

References

Anokhina L.A., Shmeleva M.N. *Zadachi i metody etnograficheskogo izucheniya kultury i byta russkogo gorodskogo naseleniya*, Sov. Etnografiya, 1966, № 6, S. 57–67.

Anokhina L.A., Shmeleva M.N. *Nekotoryye problemy etnograficheskogo izucheniya sovremennogo russkogo goroda*, Sov. etnografiya, 1964, № 5, S. 9–10.

Belova A.V. *Russkaya devushka-dvoryanka: seksual'nost' i gendernaya identichnost' (XVIII – pervaya polovina XIX vv.)*, Novyj istoricheskij vestnik. 2007. № 2 (16). S. 3–18.

Belova A.V., *«Chetyre vozrasta zhenshchiny»: Povsednevnaya zhizn' russkoj provincial'noj dvoryanki XVIII – serediny XIX v.*, SPb., Aletejya, 2010. – 480 s.

Bernshtam T.A., *Devushka-«nevesta» i predbrachnaya obryadnost v Pomorye v XIX - nachale XX v., Russkiy narodnyy svadebnyy obryad: issledovaniya i materialy*, Leningrad, 1978, S. 48–71.

Bernshtam T.A., *Molodezh v obryadovoy zhizni russkoy obshchiny XIX – nachala XX v.: Polovozrastnoy aspekt traditsionnoy kultury*, Leningrad, 1988.

Bernshtam T.A., *Obryad «rasstavaniye s krasotoy» (K semantike nekotorykh elementov materialnoy kultury v vostochnoslavyanskom svadebnom obryade)*, Sbornik muzeya antropologii i etnografii, L., 1982, S. 43–66.

Busygin E.P., Zorin N.V., Mikhaylichenko E.V., *Obshchestvennyy i semeynyy byt russkogo selskogo naseleniya Srednego Povolzhia: istoriko-etnograficheskoye issledovaniye (seredina XIX – nachalo XX vv.)*, Kazan, 1973.

Vinogradova L.N., *Devichi gadaniya o zamuzhestve v tsikle slavyanskoy kalendarnoy obryadnosti (zapadno-vostochnoslavyanskiye paralleli), Slavyanskiy i balkanskiy folklor: Obryad. Tekst*, Otv. red. N.I. Tolstoy, M., 1981, S. 13–43.

Gvozdikova L.S., Shapovalova G.G., *«Devia krasota»: Kartografirovaniye svadebnogo obryada na materialakh Kalininskoy, Yaroslavskoy, Kostromskoy oblastey, Obryady i obryadovyy folklore*, M., 1982, S. 264–277.

Gromyko M.M., *Traditsionnyye normy povedeniya i formy obshcheniya russkikh krestian XIX v.*, M., 1986.

Eleonskaya E.N., *Skazka, zagovor i koldovstvo v Rossii,* Sb. Trudov, Vstup. st. i sost. L.N. Vinogradovoy, M., 1994.

Zabelin I.E., *Domashniy byt russkikh tsarey v XVI i XVII stoletiyakh,* Otv. red. O.A. Platonov, M., 2014.

Zelenin D.K., *Vostochnoslavyanskaya etnografiya*, M., 1991.

Zelenin D.K., *Obryadovoye prazdnestvo sovershennoletiya devitsy u russkikh*, M., 1994.

Zorin N.V., *Russkaya svadba v Srednem Povolzhye*, Kazan, 1981.

Koleva T., *Proiskhozhdeniye vesennikh devichikh obryadov u nekotorykh slavyanskikh narodov, Makedonskiy folklore*, 1973, t. IV. Sv. 12. S. 74–85.

Kostomarov N.I., *Russkaya istoriya v zhizneopisaniyakh eye glavneyshikh deyateley: v 4 t.*, Vstupitelnaya statia A.F. Smirnova, Sost. A.M. Kuznetsova, M., 1998, T. 3.

Mikhnevich V.O., *Russkaya zhenshchina XVIII stoletiya*, M., 1990.

Pushkareva N.L., *Zhenshchina v drevnerusskoy semye (X–XV vv.), Sovetskaya etnografiya*, 1988, № 4, S. 87–98.

Pushkareva N.L., *Zhenshchina v srednevekovom Novgorode XI–XV vv.*, Vestnik Moskovskogo universiteta, Ser. 8. Istoriya, M., 1983, № 3, S. 78–89.

Pushkareva N.L., *Russkaya zhenshchina: istoriya i sovremennost: Istoriya izucheniya «zhenskoy temy» russkoy i zarubezhnoy naukoy. 1800–2000: Materialy k bibliografii*, M., 2002.

Pushkareva N.L., *Sotsialno-pravovoye polozheniye zhenshchin v Russkom gosudarstve X–XV vv.: voprosy prestupleniya i nakazaniya, Sovetskoye gosudarstvo i parvo*, 1985, № 4, S. 121–126.

Tereshchenko A.V., *Byt russkogo naroda: v 2 t.*, sost. A. V. Frolovoy, Otv. red. O.A. Platonov. M., 2014. T. I.

Shmeleva M.N., *Iz istorii natsionalnogo kostyuma ukraintsev Zakarpatskoy oblasti*, Kratkiye soobshcheniya In-ta etnografii AN SSSR, v. XI, M., L., 1950, S. 20–30.

Shmeleva M.N., *Tipy zhenskoy narodnoy odezhdy ukrainskogo naseleniya Zakarpatskoy oblasti, Sovetskaya etnografiya*, 1948, № 2, S. 130–146.

Статья поступила в редакцию 24.05.2026 г.

Подписана в печать 11.09.2026 г.

Вестник ТвГУ. Серия «История». 2026. № 3 (79). С. 107–120.

УДК 930(680)”19”+343.541.2
DOI 10.26456/vthistory/2026.3.107

Южноафриканская историография 1980–1990-х гг. в контексте антропологии насилия

К.А. Петров

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», *г. Тверь, Россия*

Статья посвящена анализу историографии ЮАР конца XX в. в контексте антропологии насилия. Рассматривается эволюция локальной антропологии: от изучения этнических обществ и агрессии в трайбалистских структурах к проблемам физического насилия в отношении женщин. Автор показывает, как появление специализированного издания и рост числа женщин-исследовательниц сформировали новый дискурс, основанный на внутреннем понимании насильственных практик. В статье демонстрируется, что внимание уделялось неинституционализированному насилию (изнасилованиям, бытовому насилию, насилию в условиях войны). Автор делает вывод, что институционализированные практики оставались на периферии научного поля из-за культурных табу, недостатка кадров из среды местного населения и приоритета острых социально-политических вызовов эпохи демонтажа апартхейда.

***Ключевые слова*:** *историография, Южно-Африканская Республика, антропология насилия, насилие в отношении женщин.*

Южноафриканская антропологическая школа представляет собой уникальное сочетание европейских, индийских и непосредственно местных африканских взглядов и подходов к пониманию различных аспектов существования человека, социума и культуры. Становление антропологии ЮАР происходило в первой половине XX века и было связано с деятельностью таких крупных учёных как А. Рэдклифф-Браун, А. В. Хёрнли и И. Шапера. Преимущественно в 1910–1930-е гг. эти исследователи заложили основы антропологических подходов к изучению этнических групп, проживавших на территории Южно-Африканского Союза или на границах с британской колонией. Основатели южноафриканской школы наук о человеке не только сформулировали первые ключевые идеи о социокультурном пространстве и практиках свази, сото, зулу, коса, бушменов (кой-кои) и других народов региона, но и подготовили преемников, которые затем развивали социальную/культурную антропологию ЮАР в 1930–1960-е гг. По мере расширения проблемного поля исследований в него также вошли вопросы антропологии насилия, которые изучались в контексте трайбалистской организации африканских народов в колониальную и постколониальную эпоху, и гендерной антропологии.

© Петров К.А., 2026

Среди народов ЮАР, как и всего региона Тропической Африки, в доколониальный, колониальный и постколониальный периоды оставались актуальными проблемы физического насилия в отношении девочек и женщин. Оно осуществлялось в контексте как институционализированных, так и неинституционализированных форм. К первым можно отнести все варианты насильственных действий, реализуемых с согласия или по инициативе общины в условиях сложившейся системы обычного права. В частности, эта группа включает в себя калечащие операции на женских половых органах, практики инициации и обряды вдовства. Неинституционализированные формы предполагают несанкционированные общиной, недопустимые или игнорируемые правовыми нормами варианты – изнасилования или бытовое насилие. Несмотря на попытки национальных правительств уже на этапе постколониального развития ЮАР искоренить как первые, так и вторые формы насилия над женщинами, оно продолжает сохраняться, опираясь на авторитет общинных или религиозных лидеров. Поскольку проблема продолжала оставаться актуальной для африканских народов, во второй половине XX в. антропологическая наука в Южно-Африканской Республике обратила свой взгляд на её изучение.

Значительный вклад в понимание предпосылок, причин, содержания и последствий различных форм физического насилия в отношении африканских женщин внесли работы европейских, американских и отечественных африканистов. Однако для полноценного понимания сущности изучаемого явления необходимо обратиться именно к африканскому научному наследию. Это обусловлено тем, что существенная часть содержательной стороны вопроса может быть понятна лишь носителям культуры, знакомым с неартикулируемыми или табуируемыми к обсуждению элементами насильственных практик. В связи с этим целью данного исследования является выявление дискурса южноафриканских ученых по проблеме гендерного насилия в отношении местных женщин.

Первоначально следует указать на ряд внешних черт южноафриканской историографии по вопросу физического насилия в отношении африканских женщин. В исследовании анализировались только те работы, чьи авторы имеют местное происхождение и проходили обучение в африканских университетах. Это было необходимо для того, чтобы максимально возможным образом исключить влияние со стороны инокультурных исторических школ на восприятие проблемы.

Большая часть южноафриканских исследователей проблемы гендерного насилия имеют аффилиацию с несколькими крупными университетами ЮАР – Университет Квазулу-Натал в Дурбане, Витватерсрандский университет в Йоханнесбурге, Преторийский университет, Университет Западно-Капской провинции в Белвилле, Кейптаунский университет, Университет Южной Африки в Претории, Стелленбосский университет, Роддский университет в Грэхэмстауне, Дурбанский университет в Уэствилле. Несмотря на то, что Университет Южной Африки считается крупнейшим в ЮАР, наибольшая доля исследователей проблемы гендерного насилия занимала

академические позиции в Витватерсрандском университете или Университете Квазулу-Натал.

Следует указать и на то, что ряд авторов не имеют университетской аффилиации, а работают в исследовательских центрах (Исследовательский центр Кейптауна, Южноафриканский медицинский исследовательский центр, Центр изучения насилия и примирения, Национальный институт труда и экономического развития) и различных неправительственных организациях. Исследовательские центры имеют национальное финансирование, что показывает заинтересованность правительства ЮАР в решении проблемы гендерного насилия. Южноафриканские НПО работают преимущественно за счёт пожертвований со стороны частных лиц или представителей бизнеса, что в свою очередь демонстрирует гражданскую позицию в вопросах искоренения насильственных практик.

Необходимо отметить, что авторами подавляющего большинства исследований являются женщины. Из 68 выявленных работ за период 1980–1990-х гг. только пятеро авторов – мужчины. Это в целом характерно для направления гендерной антропологии XX века, поскольку очевидными жертвами физического насилия как в ЮАР, так и во всём мире становились преимущественно женщины. Число авторов-мужчин возрастает ближе к концу 1990-х гг., что показывает преодоление традиционных взглядов на гендерную проблематику как чисто женского направления в антропологической науке.

Основная доля авторов научных публикаций по проблеме физического насилия в отношении женщин в ЮАР представляет сотрудников высших учебных заведений. Однако также индивидуально или в соавторстве с профессиональными учеными можно выделить местных активистов, политиков, юристов и журналистов, непосредственно сталкивающихся с проявлениями данного феномена. С одной стороны их работы очевидно уступают в вопросах научного осмысления гендерного насилия, однако с другой позволяют добиться более включённого подхода к проблеме за счёт близкого знакомства с жертвами насилия.

Также необходимо обозначить основные издания, которые в период 1980–1990-х гг. становились площадками научной актуализации проблемы гендерного насилия. Наибольшая доля всех работ (около 80 %) была издана в журнале «Agenda: Empowering Women for Gender Equality», выпускаемом с 1987 г. Можно сказать, что появление этого издания послужило толчком к развитию гендерных исследований в ЮАР и Тропической Африке в целом, поскольку до его появления публикации практически отсутствовали. Несмотря на то, что в журнале публиковались не только профессиональные ученые, но и журналисты, представители правозащитных организаций, активисты, политики, в нём соблюдались требования к научно-справочному аппарату и верифицируемости данных. Выпуски журнала имеют значимость и как исторический источник, поскольку в большинстве номеров публиковались интервью с женщинами или их письма, в которых содержалась зна-

чимая информация о ситуации гендерного неравенства в Южно-Африканской Республике. Также статьи по проблеме физического насилия в отношении женщин публиковались в таких изданиях как «Journal of Southern African Studies», «South African Sociological Review», «Review of African Political Economy», «The Journal of African History», «Kronos», «English in Africa».

Практически все публикации были изданы в период с 1987 по 1999 гг. Это было связано не только с появлением специализированного журнала по женским исследованиям, но и как результат институционализации гендерных исследований в зарубежной науке в целом. С возникновением фокуса на антропологии женской повседневности и присоединением ЮАР к Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин ООН формируется устойчивый интерес местных учёных к проблеме физического насилия в отношении африканских женщин.

Наиболее ранние публикации, относящиеся преимущественно к концу 1980-х гг., напрямую не затрагивали проблему именно физического насилия в отношении женщин. В большей степени они формулировали первоначальный дискурс в рамках феминистской антропологии. Среди подобных работ следует обратить внимание на статью, подготовленную в Университете Квазулу-Натал под руководством М. Фридман[1]. Авторы данного исследования анализируют возможность применения западноевропейского и американского категориального аппарата для анализа южноафриканского историко-антропологического контекста. Вместе с тем в статье ставится акцент на ключевых проблемах, с которыми сталкиваются женщины в Южно-Африканской Республике и которые требуют дальнейшего осмысления в научном ключе.

Важной для понимания предпосылок насильственных практик в отношении женщин является статья профессора Витватерсрандского университета Г. Игл, посвящённая вопросам гендерной социализации[2]. Автор размышляет о процессе социализации как о механизме формирования и поддержания в обществе стереотипов феминности и маскулинности, которые оказывают прямое влияние на складывание неблагоприятной для девочек и женщин социальной обстановки. Г. Игл демонстрирует как различные агенты социализации – семья, образовательные учреждения, СМИ, система права, трудовой сектор, религия – воздействуют на южноафриканских девочек и мальчиков, порождая культуру мачизма. В частности, она указывает на законодательство, которое закладывает восприятие женщины как собственности мужчины[3]. Складывающиеся в ходе гендерной социализации фундаментальные ценностные ориентации, таким образом, непосредственно приводят к актам физического и психологического насилия над африканскими девочками и женщинами.

[1] *Friedman M., Metelerkamp J., Posel R.* What Is Feminism? And What Kind of Feminist Am I? // Agenda: Empowering Women for Gender Equality. 1987. № 1. P. 3–24.

[2] *Eagle G.* Learning to Become a «Natural Woman»: The Process of Socialisation // Agenda: Empowering Women for Gender Equality. 1988. № 1. P. 67–80.

[3] Ibid. P. 74.

В значительной степени южноафриканская историография последних двух десятилетий XX в. характеризовала неинституционализированные формы насилия в отношении девочек и женщин. К их числу применительно к субсахарскому региону чаще всего относят изнасилования, которые осуществляются в общественных местах, домашнем пространстве, образовательных учреждениях и на местах работы, насилие в ходе внешних и внутренних военных конфликтов и террористических действий, а также охоту на ведьм.

Сексуальное насилие в форме изнасилования является одной из наиболее распространённых форм неинституционализированного насилия, которое при этом является также и проявлением делинквентности в южноафриканском обществе. Однако это не касалось изнасилований, осуществляемых в браке, поскольку они, согласно законодательству страны до 1995 г., не квалифицировались как преступные деяния[4]. Одной из первых статей, посвящённых проблеме изнасилований в южноафриканском обществе, стала работа К. Илз[5]. Автор анализирует ситуацию, связанную с возможностями профессиональной деятельности чернокожих женщин в начале XX в. В 1900-е гг. был более распространён труд чернокожих мужчин, в том числе в «белых» домохозяйствах, что приводило к случаям насилия над белыми женщинами. Как отмечает исследовательница, сексуальное насилие над чернокожими женщинами мужчинами всех рас было обычным делом, но подобные случаи в отношении белых женщин вызвали существенный резонанс в обществе[6]. Одним из последствий данных событий стало повышение числа чернокожих женщин в городском пространстве, которые искали различные варианты заработка в шахтерских кварталах или в домохозяйствах. В новом социальном поле они оказывались совершенно беззащитны перед насилием со стороны как белых, так и чернокожих мужчин. К. Илз указывает, что законодательство Трансвааля запрещало сексуальные контакты между чернокожими мужчинами и белыми женщинами (даже если последние занимались проституцией), в то время как чернокожие женщины не обладали никакими формальными способами защитить себя от насилия[7]. Эту же проблему поднимает позднее в своём исследовании Н. Вебстер. Она проанализировала ситуацию, сложившуюся в южноафриканском обществе после принятия в 1957 г. Закона о сексуальных преступлениях[8]. Согласно данному нормативно-правовому акту, лишь белые женщины могли быть жертвами изнасилования. Подобная ситуация была ха-

[4] CEDAW. Initial report of States parties. South Africa. 25 February 1998. Rep. UN CEDAW/C/ZAF/1. P. 118.

[5] *Eales K.* «Good Girls» vs. «Bad Girls» // Agenda: Empowering Women for Gender Equality. 1989. № 4. P. 1–22.

[6] Ibid. P. 2.

[7] *Eales K.* Op. cit. P. 11.

[8] *Webster N.* Legal Eye: Scrap the Sexual Offences Act // Agenda: Empowering Women for Gender Equality. 1996. № 28. P. 66–70.

рактерна для Южно-Африканской Республики на протяжении всего колониального периода, а затем фактически сохранялась до падения режима апартхейда.

Проблему изнасилования как со стороны случайных лиц, так и внутри семьи со стороны супруга анализировала П. Хорн[9]. Она отмечает, что сексуальное насилие в ЮАР не имеет достаточного внимания органов власти и характеризуется несостоятельностью правовых норм в его отношении. Автор указывает на проблемы виктимизации жертв насилия как со стороны правоохранительных структур, так и с позиции общества[10]. Наиболее острой, по мнению П. Хорн, является ситуация с изнасилованиями в семейной среде. Как уже отмечалось ранее, в законодательстве ЮАР подобные случаи не квалифицировались как преступление до 1995 г. Кроме того, замечает автор, семьи жертв сексуального насилия не сообщают о подобных случаях, не желая выносить проблемы семьи на всеобщее обозрение[11]. Таким образом, даже если женщина и пыталась защитить себя от насилия со стороны мужа, она не могла опереться в этом ни на свою семью, ни на правоохранительные организации.

Э. Магер в исследовании женской и мужской сексуальности в обществах Восточно-Капской провинции обращает внимание на широкую распространённость случаев изнасилования женщин в общественном пространстве. Автор высказывает предположение, что подобные ситуации являются следствием традиционных представлений о второстепенности роли женщины, чьи важнейшие функции заключаются в удовлетворении всех потребностей мужчины[12]. Несмотря на то, что в традициях народа коса, преимущественно населяющего Восточно-Капскую провинцию, подобные воззрения применимы только в семейной среде, где жена или дочь действительно должна подчиняться желаниям супруга или отца, некоторые мужчины экстраполируют такие взгляды на всех женщин в целом. Э. Магер также сообщает о том, что в Восточно-Капской провинции возраст жертв насилия с 1950-х гг. варьируется от 7 до 70 лет. При этом несовершеннолетние девочки, согласно данным исследовательницы, чаще подвергаются еще и физическому воздействию в виде избиения или нанесения увечий[13]. Необходимо отметить, что изнасилование детей не является особенностью указанного региона. Как показывают источники и историография, подобные ситуации характерны для всей территории не только ЮАР, но и в целом для большинства народов Тропической Африки.

В работе Л. Веттен приводятся данные, собранные сотрудниками Университета Южной Африки и Центра изучения насилия и примирения в ходе

[9] *Horn P.* The Way Forward Towards the Emancipation of Women // Agenda: Empowering Women for Gender Equality. 1991. № 10. P. 53–66.

[10] Ibid. P. 56.

[11] Ibid. P. 55.

[12] *Mager A.* Sexuality, Fertility and Male Power // Agenda: Empowering Women for Gender Equality. 1996. № 28. P. 20.

[13] Ibid. P. 20.

опросов жертв изнасилования, находящихся в нескольких больницах ЮАР. Согласно статистике, наиболее уязвимой группой являлись женщины в возрасте от 13 до 30 лет, около 42 % жертв были знакомы с преступником, насилие осуществлялось преимущественно на улицах, вокзалах, кладбищах, стадионах, в отелях и парках[14]. Как отмечает автор, силы полиции не способствуют сокращению случаев изнасилования, поскольку сотрудники правоохранительных органов ссылаются на нехватку персонала или ресурсов для предотвращения подобных преступлений[15]. Похожая ситуация наблюдается в историографии и источниках применительно к другим регионам Тропической Африки, что может свидетельствовать как о недостатках работы правоохранительных систем, так и о небрежности в вопросах гендерного насилия.

Внимание исследователей в 1990-е гг. привлекала проблема изнасилований, которые происходят в различных корпоративных пространствах. Ф. Катри обратилась к изучению случаев сексуального насилия в образовательном пространстве, а именно в Университете Квазулу-Натал[16]. Её исследование опиралось на свидетельства студенток вуза, ставших жертвами насилия со стороны других студентов, а также представителей администрации. Автор отмечает, что несмотря на существование в университете специальных служб, которые должны препятствовать подобным действиям, обучающиеся продолжают подвергаться изнасилованиям и впоследствии получают недостаточный уровень защиты от насильников. Так, в статье упоминаются некоторые из форм воздействия на насильников: одного студента исключили из университета, но с возможностью восстановления в последующем семестре, ещё трёх студентов обвинили в «сексуальной непристойности» и временно отстранили от обучения[17]. Подобное отношение со стороны администрации университета показывает, что сексуальное насилие в образовательной среде не воспринималось как существенная проблема, которую необходимо решать более радикальным способом.

О сексуальном насилии в школьных учебных заведениях в южноафриканской историографии этого периода содержится незначительный объем информации. Подобные случаи упоминает в своей статье Э. Магер, указывая на попытки сексуального преследования учениц со стороны учителей мужского пола[18]. Вероятно, изнасилования в школах не имеют широкой представленности в связи с малым количеством официально подтвержденных случаев сексуального насилия. Девочки еще в большей степени, нежели взрослые женщины,

[14] *Vetten L.* The Rape Surveillance Project // Agenda: Empowering Women for Gender Equality. 1997. № 36. P. 46.

[15] *Vetten L.* Op. cit. P. 48.

[16] *Kathree F.* Sexual Harassment and Sexism: Some Perceptions from Students and Academics at the University of Natal, Durban // Agenda: Empowering Women for Gender Equality. 1992. № 13. P. 15–18.

[17] Ibid. P. 15–16.

[18] *Mager A.* Op. cit. P. 16.

склонны к умалчиванию таких ситуаций, поскольку испытывают стыд либо опасаются наказания как от родителей, так и от учителей.

В 1997 г. вышла статья депутата Совета Экурхулени (городского округа провинции Гаутенг в ЮАР) П. Кумало, открывшая дискуссию о сексуальных злоупотреблениях в трудовой сфере. Автор отмечает, что подобные случаи начинают восприниматься как одна из форм насилия, не только нарушающая права человека, но и вредящая производственной обстановке[19]. П. Кумало указывает, что существующее в ЮАР законодательство запрещает подобные действия, однако сложившаяся правоохранительная и судебная система препятствует жертвам насилия в защите своих прав. В частности, автор отмечает сложности, связанные со сбором доказательной базы, а также склонность судей к оправданию мужчин[20]. П. Кумало в большей степени обращается именно к юридической стороне вопроса, не подвергая анализу исторический контекст данной формы насилия, а также не обращаясь непосредственно к голосам жертв насилия.

В статье Ф. Потгитер упоминалась проблема сексуального насилия ещё в одном корпоративном пространстве – молодёжных организациях. Автор указывает на множественные случаи изнасилования участниц подобных структур[21]. При этом руководители организаций не принимали никаких действий по защите собственных коллег от подобных ситуаций. Ф. Потгитер замечает, что участники-мужчины возражали против принятия каких-либо изменений в уставные документы, опасаясь ложных обвинений в насилии[22]. Статья Ф. Потгитер – единственная работа изучаемого периода, в которой рассматривается насилие в таких структурах. В значительной степени это связано, во-первых, с узостью проблематики, а, во-вторых, с малым количеством молодежных организаций в конце XX в.

В историографии 1980–1990-х гг. не отмечаются случаи насилия в религиозных организациях и объединениях. В работе М. Монакали, активистки и участницы неправительственной организации по борьбе с насилием и злоупотреблениями в отношении женщин и детей «Ilitha Labantu», сообщается о том, что представители церкви, прежде всего христианской, которая наиболее распространена среди жителей ЮАР, относятся к женщинам предвзято, чём провоцируют рост насильственных действий[23]. Однако при этом никаких указаний на механизм подобных провокаций автор не приводит.

Случаи охоты на ведьм не фиксировались в историографии конца XX в., хотя в источниках можно встретить упоминания подобной формы не-

[19] *Kumalo P.* Sexual Harassment? It's a No-Go Area // Agenda: Empowering Women for Gender Equality. 1997. № 36. P. 19.

[20] Ibid. P. 19–20.

[21] *Potgieter F.* A Voice for Young Women // Agenda: Empowering Women for Gender Equality. 1994. № 20. P. 33.

[22] *Potgieter F.* Op. cit. P. 34.

[23] *Monakali M.* Challenging the Church // Agenda: Empowering Women for Gender Equality. 1997. № 36. P. 98.

институционализированного насилия. Жертвами становились преимущественно женщины, но и мужчины также упоминаются как возможные обвиняемые в незаконной колдовской практике[24]. Отсутствие внимания к случаям охоты на ведьм может быть обусловлено редкостью их проявления в южноафриканском пространстве, а также большим фокусом на других формах насилия, являющихся более острой проблемой общества.

Внимание южноафриканских исследователей к насильственным действиям по отношению к девочкам и женщинам в рамках военных действий не является случайным. В 1970–1990-х гг. Южно-Африканские силы обороны активно участвовали в конфликтах внутри государства, обусловленных борьбой местного населения против режима апартхейда, а также на границах страны (Война в Южной Родезии, Гражданская война в Анголе). После прихода к власти президента Питера Виллема Боты в ЮАР начался период стремительной милитаризации, сопровождавшийся наращиванием вооруженных сил и активизацией борьбы со сторонниками коммунистической идеологии и с участниками движений против политики апартхейда.

Ж. Кок проанализировала роль женщин в деятельности Южно-Африканских сил обороны в условиях милитаризации[25], опираясь на более ранние исследования о восприятии женщин в период военных действий. Помимо рассмотрения участия женщин в материальной и идеологической поддержке вооруженных сил, автор также обращается и к феномену сексуальных злоупотреблений со стороны военных. Последнее анализируется как в форме косвенного визуального злоупотребления, т. е. в создании и распространении порочащих честь женщин эротических и порнографических изображений, так и в форме прямого физического насилия – изнасилования[26]. Ж. Кок отмечает, что изнасилования действительно происходят в текущих военных действиях, о чём свидетельствуют показания жертв, данные под присягой[27]. Автор обращает внимание на положение только белых женщин, которые непосредственно служили в Южно-Африканских силах обороны. Таким образом, можно сделать вывод о том, что сексуальному насилию подвергаются не только представительницы мирного населения, что является распространенной ситуацией во многих военных действиях, но и женщины, инкорпорированные в милитаристские структуры.

Проблему насилия над женщинами в условиях военных действий также анализировала В. Аннеке, чьё исследование стало результатом рабочей встречи африканских женщин под руководством издательства журнала «Agenda»[28]. Автор подводит итоги обсуждению ситуации в Провинции

[24] CEDAW/C/ZAF/1. P. 42.

[25] *Cock. J.* Keeping the Fires Burning: Militarization and the Politics of Gender in South Africa // Review of African Political Economy. 1989. № 45/46. P. 50–64.

[26] Ibid. P. 57.

[27] Ibid.

[28] *Annecke W.* Women and the War in Natal // Agenda: Empowering Women for Gender Equality. 1990. № 7. P. 12–20.

Наталь, где в конце 1980-х гг. обострилось противостояние между Африканским Национальным Конгрессом и Партией свободы Инката. Вооруженные столкновения группировок приводили к убийству мирных жителей и разрушению инфраструктуры. Как отмечает автор, наиболее уязвимой категорией населения в данном случае стали именно женщины: их убивали, насиловали и похищали[29]. Отмечаются случаи принуждения к сексу в обмен на защиту. Подобные акты насилия приводили к нежелательной беременности у огромного числа женщин, которые не имели ни законодательной, ни материальной возможности проведения искусственного прекращения беременности. Это в свою очередь вело, с одной стороны, к увеличению количества нелегальных абортов и росту смертности в ходе их проведения. С другой стороны, после завершения военных действий резко возросла численность брошенных детей. Помимо сексуального насилия, автор указывает на увеличение количества случаев нанесения телесных повреждений. При этом подобная практика была введена в рядах Партии свободы Инката её руководителем[30]. Женщины в рамках внутреннего конфликта теряют в глазах военных статус полноценной личности, превращаясь в инструмент достижения целей: они обязаны производить еду, контролировать наличие воды и топлива, обеспечивать моральную поддержку для солдат, помимо своих основных семейных функций. В отличие от работы Ж. Кок, В. Аннеке обращается к случаям насилия в отношении всех женщин – из числа африканеров и из числа местных этнических групп (прежде всего, зулу и коса).

Проблема физического насилия в отношении женщин в форме избиения мало представлена в историографии изучаемого периода. О явлении бытового насилия со стороны партнёра упоминает Ф. Потгитер, приводя данные, согласно которым около 25 % молодых девушек систематически подвергаются избиению[31]. Более целенаправленно ситуация бытового насилия анализируется в работе Б. Грант и С. Джагвант, однако авторы рассматривают подобные ситуации лишь в юридическом контексте принятого в 1993 г. Акта о предотвращении бытового насилия[32]. Исследователи обращают внимание на возможности жертв насилия к правовой защите, но не изучают причины и особенности насильственной практики. В публикации П. Шифман, Н. Мадлала-Рутледж и В. Смит приводятся данные статистики о бытовом насилии: две из трех госпитализированных в больнице женщин подверглись нападению со стороны партнера, супруга или члена семьи, 60% браков сопровождаются насилием, каждые 6 дней в ЮАР женщина умирает от рук партнера мужского пола[33]. В целом необходимо отметить, что проблема бытового насилия слабо изучена во многом из-за отсутствия достаточного количества материалов.

[29] *Annecke W.* Op. cit. P. 14.

[30] Ibid. P. 19.

[31] *Potgieter F.* Op. cit. P. 31.

[32] *Grant B., Jagwanth S.* Regulating Violence in the Home // Agenda: Empowering Women for Gender Equality. 1994. № 23. P. 87–90.

[33] *Shifman P., Madlala-Routledge N., Smith V.* Women in Parliament Caucus for Action to End Violence // Agenda: Empowering Women for Gender Equality. 1997. № 36. P. 25.

Жертвы этих обстоятельств, как и в случае изнасилования в семье, часто не предъявляют своим партнёрам официальные обвинения, а их семьи настаивают на сокрытии информации.

Практики институционализированного насилия, к которым в регионе субсахарской Африки обычно относят калечащие операции на женских половых органах (или женское обрезание), физическое и/или сексуальное насилие в рамках практик инициации или в рамках обрядов вдовства, незначительно представлены в южноафриканской историографии XX в. Это может быть обусловлено несколькими причинами. Во-первых, можно предположить, что среди народов Южно-Африканской Республики сами практики подобного рода не являются широко распространенными. Это, в частности, подтверждается и докладом ЮАР в Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин 1998 г. В нём указывается, что калечащие операции и добрачная проверка девственности встречаются редко[34]. Кроме того, в исследовании Э. Магер отмечается большая распространенность обрядов мужского обрезания (в частности, у народа коса)[35]. Однако поскольку данные практики всё же существуют, то вторая возможная причина, по которой местные исследователи практически не изучают их, заключается в том, что в академическом пространстве ЮАР в условиях апартхейда и первых нескольких лет после его завершения ещё не было достаточно количества учёных из числа автохтонного населения. Наконец, третьей возможной причиной отсутствия работ по институционализированным формам насилия является табуирование во всех обществах Тропической Африки тем, связанных с сексуальностью. В связи с этим исследователи неизбежно сталкиваются с существенными трудностями в получении сведений от общин, сохраняющих подобные практики.

О калечащих операциях на женских половых органах писала в своей статье Д. Перумал. Однако исследовательница анализировала не южноафриканские реалии, а проблему женского обрезания в целом. Её работа посвящена фильму «Warriors Marks», продемонстрированному на Международном кинофестивале в Дурбане в 1995 г.[36] Данный фильм, актуализирующий проблему калечащих операций, по мнению Д. Перумал должен обратить внимание женщин Квазулу-Натал на недостатки южноафриканского общества.

Существование практик проверки девственности, предусматривающих физическое воздействие на гениталии девушки, применительно к обществам Южно-Африканской Республики подтверждается в работе А. Махарадж. Автор не исследует традиционный вариант этой практики, но указы-

[34] CEDAW/C/ZAF/1. P. 42.

[35] *Mager A.* Op. cit. P. 13.

[36] *Perumal D.* Warriors and Tribunals // Agenda: Empowering Women for Gender Equality. 1995. № 27. P. 115-118.

вает на появление ситуаций её воспроизводства в образовательных учреждениях ЮАР[37]. Исследовательница не приводит данных о количестве подобных случаев, а в качестве причин проведения её мужчинами упоминает заблуждение о возможности излечения от ВИЧ/СПИД посредством сексуального контакта с девственницей[38]. Других подтверждений существования практики проверки девственности в историографии изучаемого периода не обнаружено, что может свидетельствовать о её низкой распространённости среди народов, проживающих в ЮАР.

Таким образом, период 1980–1990-х гг. в южноафриканской историографии стал временем фундаментальной трансформации дискурса в рамках антропологических исследований. В первой половине и середине XX в. антропологическая школа ЮАР была сосредоточена преимущественно на изучении этнической и трайбалистской основ местных обществ, непосредственно связанных с межплеменным насилием. Но к завершению эпохи апартхейда и в первые годы постколониального развития исследователи обратили внимание на проблемы физического насилия в отношении женщин.

Толчком к активному изучению проблемы стало появление в 1987 г. специализированного журнала «Agenda», который не только объединил усилия академических ученых, но и стал площадкой для голосов самих жертв насилия, активистов и правозащитников. Преобладание женщин среди авторов исследований обеспечило более включённый и эмпатичный подход, позволивший преодолеть западноевропейские категориальные рамки и получить в некоторой степени доступ к табуированным аспектам южноафриканской повседневности.

Научный дискурс прошёл путь от осмысления базовых механизмов гендерной социализации и формирования культуры мачизма в конце 1980-х гг. до детального анализа конкретных форм неинституционализированного насилия в 1990-е гг. Исследователи выявили, что насилие в ЮАР пронизывало почти все значимые социальные сферы.

Южноафриканская историография демонстрировала то, как режим апартхейда и колониальное законодательство легитимизировали гендерное насилие. Милитаризация общества и внутренние вооружённые конфликты усугубляли эту ситуацию, превращая женщин в ещё более уязвимую категорию.

В историографии 1980–1990-х гг. практически полностью отсутствуют исследования институционализированных форм насилия (женского обрезания, обрядов инициации). Это могло быть связано с необходимостью в условиях разрушения апартхейда рефлексии над острыми социальными и политическими вызовами в ЮАР, с табуированностью тем сексуальности и с дефицитом ученых из среды местных народов.

[37] *Maharaj A.* Virginity Testing: A Matter of Abuse or Prevention? // Agenda: Empowering Women for Gender Equality. 1999. № 41. P. 96.

[38] *Maharaj A.* Op. cit. P. 96.

Список литературы:

1. *Annecke W.* Women and the War in Natal // Agenda: Empowering Women for Gender Equality. 1990. № 7. P. 12–20.
2. *Cock J.* Keeping the Fires Burning: Militarization and the Politics of Gender in South Africa // Review of African Political Economy. 1989. № 45/46. P. 50–64.
3. *Eagle G.* Learning to Become a «Natural Woman»: The Process of Socialisation // Agenda: Empowering Women for Gender Equality. 1988. № 1. P. 67–80.
4. *Eales K.* «Good Girls» vs. «Bad Girls» // Agenda: Empowering Women for Gender Equality. 1989. № 4. P. 1–22.
5. *Friedman M., Metelerkamp J., Posel R.* What Is Feminism? And What Kind of Feminist Am I? // Agenda: Empowering Women for Gender Equality. 1987. № 1. P. 3–24.
6. *Grant B., Jagwanth S.* Regulating Violence in the Home // Agenda: Empowering Women for Gender Equality. 1994. № 23. P. 87–90.
7. *Horn P.* The Way Forward Towards the Emancipation of Women // Agenda: Empowering Women for Gender Equality. 1991. № 10. P. 53–66.
8. *Kathree F.* Sexual Harassment and Sexism: Some Perceptions from Students and Academics at the University of Natal, Durban // Agenda: Empowering Women for Gender Equality. 1992. № 13. P. 15–18.
9. *Kumalo P.* Sexual Harassment? It's a No-Go Area // Agenda: Empowering Women for Gender Equality. 1997. № 36. P. 19–22.
10. *Mager A.* Sexuality, Fertility and Male Power // Agenda: Empowering Women for Gender Equality. 1996. № 28. P. 12–24.
11. *Maharaj A.* Virginity Testing: A Matter of Abuse or Prevention? // Agenda: Empowering Women for Gender Equality. 1999. № 41. P. 96.
12. *Monakali M.* Challenging the Church // Agenda: Empowering Women for Gender Equality. 1997. № 36. P. 98–99.
13. *Perumal D.* Warriors and Tribunals // Agenda: Empowering Women for Gender Equality. 1995. № 27. P. 115-118
14. *Potgieter F.* A Voice for Young Women // Agenda: Empowering Women for Gender Equality. 1994. № 20. P. 30–35.
15. *Shifman P., Madlala-Routledge N., Smith V.* Women in Parliament Caucus for Action to End Violence // Agenda: Empowering Women for Gender Equality. 1997. № 36. P. 23–26.
16. *Vetten L.* The Rape Surveillance Project // Agenda: Empowering Women for Gender Equality. 1997. № 36. P. 45–49.
17. *Webster N.* Legal Eye: Scrap the Sexual Offences Act // Agenda: Empowering Women for Gender Equality. 1996. № 28. P. 66–70.

Об авторе:

ПЕТРОВ Константин Алексеевич – старший преподаватель, кафедра всеобщей истории, Тверской государственный университет (Россия,

170100, Тверь, ул. Трехсвятская, 16/31), e-mail: konstantin.al.petrov@gmail.com

The Problem of Social Deprivation of Women in the Societies of Post-Colonial Sunsaharian Africa

K.A. Petrov

Tver State University, *Tver, Russia*

This article analyzes South African historiography of the late 20th century within the context of the anthropology of violence. It traces the evolution of local anthropology from the study of ethnic societies and aggression within tribal structures to the issues of gender-based violence. The author demonstrates how the emergence of a specialized journal and the increasing number of female researchers shaped a new discourse grounded in an insider perspective on violent practices. The article highlights that primary attention was given to non-institutionalized forms of violence (rape, domestic violence, and violence in the context of armed conflict). The author concludes that institutionalized practices remained on the periphery of the academic field due to cultural taboos, a shortage of scholars from the local population, and the priority of acute socio-political challenges during the dismantling of apartheid.

***Keywords**: historiography, South Africa, anthropology of violence, gender-based violence.*

About the author:

PETROV Konstantin Alexeevich – senior lecturer, the Department of General History, the Tver State University (170100, Russia, Trehsvyatskaya str., 16/31), e-mail: konstantin.al.petrov@gmail.com

Статья поступила в редакцию 15.06.2026 г.

Подписана в печать 11.09.2026 г.

Вестник ТвГУ. Серия «История». 2026. № 3 (79). С. 121–136.

АРХЕОЛОГИЯ. ЭТНОГРАФИЯ. ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ

УДК 39(571.14)”18/19”
DOI 10.26456/vthistory/2026.3.121

Заговоры в практиках лечения детских болезней русскими крестьянками Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX века [1]

Е.Ф. Фурсова

ФГБУН «Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН», *г. Москва, Россия*

В статье представлено исследование заговоров, направленных на лечение детских болезней, как одной из функций женщины – носительницы сакральных знаний о здоровьесбережении детей и в целом семьи. Труд основан на авторских полевых материалах, собранных в разных регионах Западной Сибири. Методом историко-этнографического анализа выявлена пестрота восточнославянского массива сибиряков и особенности их конфессиональной принадлежности (православные, староверы). Устные записи текстов производились вместе с фиксацией практик лечебной магии, т. е. методом непосредственного наблюдения. Антропологический подход позволил исследовать заговорные формулы не как вид народного творчества, а как необходимый в жизни крестьян элемент системы здоровьесбережения, в котором ведущая роль принадлежала женщине-матери.
Ключевые слова: *лечебные заговоры, детские болезни, русские крестьянки Сибири, традиционное здоровьесбережение.*

Основные понятия. Постановка проблемы Выступая частью традиционно-бытовой культуры, народная медицина и лечебные практики представляют интерес с точки зрения информации о традиционных формах жизнеобеспечения народов, а также возможности реконструкции мировоззрения на разных этапах развития этнических общностей. Народная традиционная медицина является составляющей частью как духовной культуры, благодаря включённости в мифоритуальные комплексы и соционормативное поведение представителей разных этнокультурных групп, так и материальной культуры, направленной на поддержание жизнедеятельности людей.

[1] Текст подготовлен в рамках проекта РНФ № 25-28-02057 «От традиционных практик к технологиям женского здоровьесбережения в XVIII – XXI вв.: историко-антропологический и медико-антропологический анализ».

© Фурсова Е.Ф., 2026

Медицинская помощь в Российской империи начала складываться в середине 1860-х гг.: согласно реформе 1864 г., к земствам переходила медицинская часть государственной деревни, параллельно проводилась просветительская работа среди крестьян[2].

Однако вера в благодатное врачевание местных сельских целителей (*сиб.* «знатков» – от слова «знать». – *Е.Ф.*), заговорные формулы, лечебные ритуалы сохранялась, судя по экспедиционным материалам, до середины XX в. Даже после периода борьбы с «религиозным дурманом» и народными традиционными верованиями 1920–1980-х гг. записи канонических и неканонических молитв в полевой практике были многочисленными. Основными информаторами являлись пожилые женщины, родившиеся в начале XX в., и женщины среднего возраста, занимавшиеся врачеванием. Такая ситуация даже давала в какой-то степени повод вспомнить об эпохе народного врачевания и волхования на Руси XVII–XVIII вв., когда, по мнению Е.Н. Елеонской, «заговор был хорошо знаком всем слоям общества; все сословия признавали его значение и не относились к нему безразлично. Мало того, что знали заговорные слова, знали и то, что с ними должно в большинстве случаев соединяться известное действие…»[3]. История собирания восточнославянских заговоров и фольклорных материалов разных жанров, этнографических очерков, описаний народной медицины, публикаций старинных лечебников была подробно изложена в «Аннотированной библиографии» под ред. Т.А. Агапкиной, А.Л. Топоркова[4], поэтому останавливаться на этом вопросе подробно нет смысла.

Заговорам уделялось немалое внимание в дореволюционной отечественной научной литературе, например, в работе Н.Ф. Познанского (1917). По мнению учёного, использование самого содержания заговоров в историко-литературных или каких-либо других целях рискованно, пока не исследованы причины появления в данной форме именно такого, а не другого содержания[5]. Сам фольклорист предложил следующее определение заговора: «Заговор – это словесная формула, первоначально служившая пояснением магического обряда»[6]. Подобное толкование является, на наш взгляд, упрощением для такого сложного и многомерного явления народной традиционной культуры, как «заговор» (ещё по-народному «молитва») со всеми ритуальными действиями.

---

[2] *Смирнова Е.М.* Становление системы здравоохранения в российской провинции. 1775–1914 гг. (по материалам региона Верхней Волги): автореф. дисс. … д-ра ист. наук. Ярославль, 2017; Сборник законоположений для врачей, ветеринаров, фармацевтов, акушерок и фельдшеров. СПб., 1887–1889. Т. 1. Вып. 2. С. 793.

[3] *Елеонская Е.Н.* Сказка, заговор и колдовство в России. М., 1994. С. 100.

[4] Восточнославянские заговоры: Материалы к функциональному указателю сюжетов и мотивов. Аннотированная библиография / авторы-составители Т.А. Агапкина, А.Л. Топорков. М., 2014. С. 105–126.

[5] *Познанский Н.* Заговоры. Опыт исследования происхождения и развития заговорных формул. М., 1995 (переизд. 1917 г.). С. 3.

[6] Там же. С. 162.

Согласно мнению ряда учёных, заговоры представляли собой своеобразную трансформацию христианских текстов – молитв и апокрифических произведений (В. Мансикка; В.Ф. Миллер), иные исследователи значительно удревняли время их происхождения (А.Н. Афанасьев, Ф.И. Буслаев, А.А. Потебня и пр.)[7]. «Заговоры суть обломки древних языческих молитв и заклинаний и потому представляют один из наиболее важных и интересных материалов для исследователя доисторической старины… заговоры удержали за собой тот строгий характер, который не дозволяет никаких намеренных отступлений и профанации», – писал А.Н. Афанасьев в труде «Поэтические воззрения славян на природу»[8]. Фольклорист, лингвист, последователь так называемой психологической школы А.В. Ветухов видел ключ к пониманию воздействия слова или текста на сознание человека в силе внушения, он призывал следовать «признанию за словом человеческим могучей силы»[9].

Если во второй половине XIX – начале XX в. внимание учёных в значительной степени привлекали апокрифические молитвы, близкие заговорам[10], то после октябрьской революции, в условиях атеистической идеологии СССР, тема происхождения и развития заговоров была закрытой для исследователей[11]. Упор в это время делался на изучение русского народного поэтического творчества, песен, сказок, эпической поэзии, бытовой лирики и пр. Однако уже к концу XX – началу XXI в. список исследований этого аспекта народной культуры пополнился трудами З.И. Власовой, Б.Н. Проценко, В.К. Соколовой, Н.И. Толстого, А.Л. Топоркова, В.Н. Топорова и пр. В статьях и монографиях рассматривались устойчивость сюжетных мотивов в заговорных текстах, возможности сопоставление их вариантов в разных этнокультурных традициях, результаты реконструкций исходных заговорных пратекстов.

В 1994 г. в Москве прошла международная научная конференция «Традиционная этническая культура и народные знания»[12], в работе секций которой были рассмотрены вопросы диагностики и лечения болезней в народной традиционной медицине, функции магических заклинательных действий (Е.Ф. Фурсова, А.И. Харитонова и др.). На новом уровне развития науки о знаковых системах, взглядов на духовную культуру с точки зрения

[7] *Ветухов А.В.* Заговоры. Заклинания. Обереги. М., 2022. С. 13–27.

[8] *Афанасьев А.Н.* Поэтические воззрения славян на природу. Т. 3. М., 1995. С. 23.

[9] *Ветухов А.В.* Указ. соч. С. 37.

[10] Восточнославянские заговоры: Материалы к функциональному указателю сюжетов и мотивов. Аннотированная библиография / авторы-составители Т.А. Агапкина, А.Л. Топорков. М., 2014. С. 114.

[11] Русское народное поэтическое творчество. Т. 2. Кн. 1. М.; Л., 1955; Русское народное поэтическое творчество. М., 1971. 495 с.

[12] Традиционная этническая культура и народные знания / Мат конф. «Традиционная этническая культура и народные знания». М., 1994.

её языкового отражения вышло в свет несколько работ, например, И.А. Жилинской[13]. Методическую помощь в нашей работе оказали вышедшие недавно аннотированные библиографические указатели, составленные Т.А. Агапкиной, А.Л. Топорковым «Восточнославянские заговоры» (2011, 2014), в которых нашли отражение сюжеты и мотивы, выделенные авторами в корпусе заговоров трех восточнославянских народов[14].

По сибирским материалам выходил в свет том «Русский календарно-обрядовый фольклор Сибири и Дальнего Востока. Песни. Заговоры», в котором составителями Ф.Ф. Болоневым, М.Н. Мельниковым, Н.В. Леоновой был обобщён материал многих поколений исследователей, собирателей фольклора (1997)[15]. Е.Ф. Фурсова обратила внимание на приёмы лечебных практик сибирских крестьянок, связанных с нательной одеждой (рубахами), что являлось отголоском архаичных представлений об одежде, соприкасающейся с телом, как неотъемлемой его части, прямом продолжении (см.: *Фурсова Е.Ф.* «Целительные» свойства рубах русских крестьян // Известия СО АН СССР. Сер. История, филология и философия. 1992. № 1. С. 49–54). Сюжетам заговорно-заклинательных текстов славян и коренных народов Сибири в сравнительном славяно-сибирском освещении посвятил исследования В.Л. Кляус[16].

Однако до сих пор не появилось академического исследования заговоров на лечение детских болезней и работ о функции женщины-матери как носительницы сакральных знаний о здоровьесбережении детей. Приведём сведения о некоторых представительницах народных целительниц из нашей полевой практики.

Староверка беспоповского согласия («двоеданка») Дарья Дмитриевна Шабурникова (1909 г. р., д. Усть-Чём Искитимского р-на НСО; родители староверы с р. Челябы. Народное прозвище «двоеданы», т. к. староверы платили две дани, два налога в казну за ношение бороды), имевшая большой опыт родовспоможения и лечения, выйдя замуж в старообрядческую семью, испытывала давление со стороны свёкра. Свёкр отрицательно относился к врачебным практикам невестки, как это и принято в старообрядческой среде. Он считал, что раз болезни посылаются от Бога, то и лечить их человеческими методами грех. Тем не менее способности Д.Д. Шабурниковой в лечении людей были настолько очевидны, что главе семьи пришлось смириться и вернуть изгнанную из дома невестку. По нашим наблюдениям, народная целительница более работала механическими, термическими методами воздействия на мышцы и

[13] *Жилинская И.А.* Восточнославянские заговоры: пространство, время, цвет / ред. П.П. Шуба. Минск, 2005. С. 9–19.

[14] Восточнославянские заговоры: Аннотированный библиографический указатель / сост. Т.А. Агапкина, А.Л. Топорков. М., 2011.

[15] Русский календарно-обрядовый фольклор Сибири и Дальнего Востока. Песни. Заговоры. Новосибирск, 1997.

[16] *Кляус В.Л.* (сост.). Лечебные «наговоры» Приангарского края. Из собрания А.А. Савельева. М., 1990. 38 с.

активные точки организма человека, а краткие молитвы использовались в её практике как дополнение.

«Бабка Валенсиха» (П.Н. Зайцева, 1906 г. р., д. Дубрава Чулымского р-на НСО; родители привезли в Сибирь в 1914 г. из «Расеи, из Орши» (современная Республика Беларусь); по фамилии одного из мужей известна как Валенска, «бабка Валенсиха») научилась лекарскому делу от своей матери, которая ей наказывала: «Учися, ты последняя, будет помощь хорошая. Я, правда, раз-два заговорю и все хорошо!» В семье русских переселенцев из Оршанского у. Могилёвской губ. Прасковья Николаевна была последним ребёнком среди многочисленных детей, поэтому считалось, что она должна была быть особенно восприимчива к подобного рода знаниям. Прожившая почти сто лет «бабка Валенсиха» никогда не бывала в больнице и считала, что полученные знания пригодились и помогли ей исцелять людей. От Витебщины, с которой её увезли 7 лет от роду, она сохранила специфическую речь и произношение слов.

Из всего многообразия заговоров в данном исследовании нами освещены лечебные заговорные практики селянок Приобья, Северной Барабы, Северного Алтая, а именно те, которыми владели большинство женщин, опрошенные в период полевых сезонов 1980–2000-х гг. (полевые этнографические работы 1980–2000-х гг. были организованы Институтом истории, филологии и философии АН СССР (с 1990 г. Институтом археологии и этнографии СО РАН); руководитель Восточнославянского этнографического отряда Е.Ф. Фурсова). По этой причине фиксировались лечебные практики, связанные с родовспоможением, детскими и младенческими заболеваниями, в том числе «испугом», «родимчиком» и пр. Респондентки, родившиеся в начале XX в., запоминали молитвы при устной передаче («из уст в уста»), т. к. среди информаторов преобладали малограмотные или неграмотные люди. Рукописные тексты в нашей полевой практике почти не фиксировались. Приведённые здесь заговоры сохранились в памяти до недавнего времени в силу беспомощности официальной медицины в лечении ряда заболеваний, когда врачи не могли оказать помощь ребёнку.

Основным методическим требованием для данного исследования является непротиворечие теоретических выводов данным собранных полевых источников. Автор разделяет точку зрения, согласно которой реконструкция лишь тогда убедительна, когда она находит подтверждение в поздней традиции, зафиксированной реальными записями[17]. Применяемый для сбора материала метод интервьюирования ценен тем, что информатору предоставлялась возможность самому расставить акценты в рассказах о практиках лечения, а этнографу задать уточняющие вопросы. Запоминая молитвы в детстве и юности, сельские женщины легко усваивали и держали в памяти тексты до последних дней жизни (если при чтении забывали какую-то часть, то

[17] *Путилов Б.Н.* Теоретические проблемы древнейшей славянской духовной культуры // Советская этнография. 1984. № 3. С. 53–55.

начинали сначала). Старшее поколение женщин семьи передавало свои знания младшим, матери дочерям, бабушки внучкам, причём сами носители знаний решали, кому из потомства они будут полезны. Информаторы рассказывали, что бабушка читала молитвы, а маленькая девочка легко усваивала на слух. Записанные в толстых тетрадях молитвы появились в сибирских деревнях позднее, в годы Великой Отечественной войны. В процессе полевой работы мы наблюдали буквально «охоту» за такими «кладезями мудрости» среди некоторых сельских жительниц в целях заработка.

При работе с сибирскими материалами совершенно необходимо следование методу историко-этнографического анализа с учётом пестроты восточнославянского массива сибиряков, их конфессиональной принадлежности. Важным условием в исследовании заговорных формул является не просто обращение к ним в рамках народного творчества, но проникновение в смысл, который хотел донести информатор, т. е. понимание образа мыслей последнего. Специалист в области медицинской антропологии В.И. Харитонова писала по этому поводу: «… вспомним Л.Н. Толстого, делившего людей на “понимающих” (intuicio) и “непонимающих” (racio). “Непонимающий”, к какому бы кругу исследователей он не относился, будет делать – часто более чем успешно – свою науку, далёкую от реальности»[18].

Заговоры лечебные Наши информаторы владели множеством способов лечения детских болезней, особенно тех из них, последствия которых негативно воздействовали на ментальное здоровье детей. Более терпимым было отношение к физическим, заразным болезням, которые однозначно считались посланным от Бога и для которых были отработаны иные методы врачевания (см.: *Фурсова Е.Ф.* «Целительные» свойства рубах русских крестьян // Известия СО АН СССР. Сер. История, филология и философия. 1992. № 1. С. 49–54). Носители заговорных практик лечения – сибирские крестьянки – для обозначения «заговора» использовали слово «молитва», при произнесении которой они обычно крестились и кланялись, однако слово «заговор» (реже «наговор») наши информаторы воспринимали тоже положительно. При заболеваниях, связанных с ментальным здоровьем, крестьянки, особенно опытные многодетные матери, визуально определяли вид болезни, от чего зависела процедура лечения. Если младенец или маленький ребенок кричал, плакал, не кушал, то считалось, он был испуган каким-то громким стуком, криком, «страшным видом», и его требовалось лечить от «испуга». Искали «бабушку», которая «чертила» ножом по стене дома, т. е. ставила крест в том месте, где «звездочка» на срезе бревна, и шептала заговор. Слово «чертить» оказывалось равным «ставить крест». Если молитва «не приставала», то искали другую «бабушку».

Например, в с. Картополово Сузунского р-на Новосибирской обл. «ладили» от испуга, включая также другие духовные повреждения: «житки»,

[18] *Харитонова В.И.* Работа с сакральными знаниями и практиками: методико-методологический аспект // Этнографическое обозрение. 2010. № 3. С. 18.

«притки», «уроки», «переполохи», «родимые» (здесь, видимо, так называемый «родимчик», о нем см. ниже. – *Е.Ф.*), «худобища», «азевища». Каждая из этих болезней имела особые проявления, так или иначе связанные с психоневрологической сферой, что считалось очень опасным, влияющим на посмертную участь детей. Читали такой текст:

«Встану я рабица благославясь,
Пойду перекрестясь,
Из дверей в двери,
Из ворот в ворота,
На восточну сторону́.
В восточной стороне есть Божья церква,
В этой Божьей церкве
Есть престол Христовой,
Матушка Пречиста,
Пресвятая Госпожа Богородица.
Не смывайте, не сметайте с моря пену.
А смойте, сполощите все житки, притки,
Уроки, переполохи, родимые,
Худобище, азевище,
От девки-самокрутки,
От слепца, кривца,
И от проезжего молодца.
И от всяких дум, проклятых мыслей,
Которые договоры, которые не договоры,
Будьте все исполна исцелена,
Семьдесят семь жилочек,
Семьдесят семь суставчиков,
Смой, сполощи на весь месяц,
На молоду, на ущерб,
И на полный месяц.
Аминь. Аминь. Аминь»[19].

Из текста очевидно, что содержание молитвы носило универсальный характер, она должна была защитить от «дум и проклятых мыслей», а также от «девки-самокрутки» и «проезжего молодца». Девка-самокрутка, видимо, была опасна как проявившая самоволие и вступившая в брак без благословения родителей и, возможно, без венца. Проезжий молодец был опасён вероятностью возникновения «быстрой любви» и последующим позором девушки. Молитва должна была быть вычитана на молодой, ущербный и полный месяц.

Записаны заговоры и от конкретных болезней «родимчика» («сучит ножками») (в иных пояснениях это походило на эпилептический припадок. При

[19] ПМА. 1991. (Некрасова Е.М., 1921 г.р., д. Каргополово Сузунского р-на НСО; местные сибиряки).

этих заболеваниях набрасывали венчальную одежду: платье или кофту с юбкой. – *Е.Ф.*), который представлялся в виде нервных приступов, судорог. В среде вятских переселенцев Ояшинской волости Томского уезда (ныне Болотнинского района НСО. – *Е.Ф.*). от этих недугов записана такая молитва:

«Первым разом, лучшим часом,
Встану я рано-ранонько,
Умоюсь я бело-беленько,
Выйду я за тесовые ворота,
Погляжу я за город Иерусалим,
В городе Иерусалиме,
Бежит речка-белоречка,
Водица-царица
Всем помогница.
Помоги, помоги
Раба Божья Мария»[20].

Зачины «первым разом» и «рано-ранонько» были широко распространены в славянских обрядах и заговорных формулах[21], что свидетельствует о древности подобных текстов и глубине этнокультурной памяти сибиряков.

Если ребенок кричал и не мог никак успокоиться («заходился от плача»), а причина была не совсем понятна, то младенца держали на руках и, подкидывая к вечерней заре, читали:

«Заря-зарница,
Красная девица,
Твоё дите плачет,
Гулять просится,
А моё дите плачет,
Спать просится»[22].

В данном случае обращение к «заре-зарнице» было направлено, видимо, для противопоставления её и своего ребенка в надежде, что заря «заберёт» бессонницу. В «Аннотированном словаре» этот текст ближе к сюжету «В 1» («Навязывание бессонице запретов», вариант: «Не мучай ребенка»), который фиксировался почти повсеместно в Российской империи (в Воронежской, Тульской, Орловской, Архангельской, Вологодской, Рязанской, Олонецкой, Новгородской, Ярославской, Вологодской губерниях, а на западе – в Смоленской, Могилёвской, Харьковской, Ровенской, Полтавской губ.)[23].

[20] ПМА 1989. (Кручинина М.К., 1904 г.р., д. Зудово Болотнинского р-на НСО; деды из Калужской губ. приехали в 1830-х гг.).

[21] *Познанский Н.* Заговоры. Опыт исследования происхождения и развития заговорных формул. М., 1995 (переизд. 1917 г.). С. 308.

[22] Адова/Огнева А.Ф., 1900 г.р. (?), д. Огнева Заимка Черепановского р-на НСО. Староверы.

[23] Восточнославянские заговоры: Материалы к функциональному указателю сюжетов и мотивов. С. 20.

Обращение к заре за помощью не вызывает вопросов: утренняя заря почиталась у славян сестрой или матерью солнца, в заговорах она представлялась прекрасной девой (здесь: «красная девица»[24]), которая выносит из нижнего мира и поднимает над поверхностью земли солнце[25].

Поскольку в заговоре упоминаются образы «речки-белоречки» и «водицы», то, вероятно, его читали на воду, которой ополаскивали ребенка. У политического ссыльного, исследователя Сибири Н.Я. Неклепаева есть упоминание о лечении от испуга «молчальной» водой, собранной с облитого церковного колокола, или раствором разведённой в воде четверговой («четверёжной») соли[26]. По нашим материалам, четверговую соль готовили в ночь под Чистый четверг накануне праздника Пасхи: соль ставили в «квашонке» на стол и утром набирали и использовали для лечебных целей (см.: *Фурсова Е.Ф.* Календарные обычаи и обряды восточнославянских народов Новосибирской области. Новосибирск, 2003. Ч. 2. С. 165). Водой с четверговой солью, которая после этого считалась лечебной, либо обливали, либо умывали ребенка. Н.Я. Неклепаев, однако, не указывал, какие именно заговоры сибирские крестьянки при этом читали, можно думать, как раз аналогичные записанным нами.

В отличие от испуга, который мог произойти сам собой, «урок» наносился ребенку посторонним человеком, иногда без особых намерений («просто порадовался на дитя», «полюбовались на красивого дитя»). Среди старообрядцев подобные молитвы были распространены в меньшей степени, однако именно детские, предохранительные формулы «от урока» были знакомы и староверкам. Д.Д. Шабурникова поясняла, что при уроках ребенка надо поглаживать по голове поварёнкой и приговаривать: «Поварёнка в гости пошла, а мой сыночек (или доченька) дома остался». Информатор поясняла, что как к гладкой поварёнке ничего плохого не пристанет, так и к ребенку никакая хворь не пристанет.

Хуже обстояли дела, если человек обладал «дурным глазом». По рассказам, ребёнок начинал корчиться от болей в животе, плакать, худеть. Старообрядцы, проживающие в верховьях рек Тары и Тартаса, использовали «молитву» от «уроков», которую читали на воду, ополаскивая затем ею нуждающегося человека. Столыпинские переселенцы из Могилёвской губ привезли в Сибирь «молитву», применяемую одновременно от испуга и от урока. По мнению читавшей её Е.С. Борисовой, если добавить в эту молитву условие «от заикания», то можно использовать и в этом случае.

«Марея, Марея,
Ходила водицу

[24] *Жилинская И.А.* Восточнославянские заговоры: пространство, время, цвет. Минск, 2005. С. 68.

[25] *Ермаков С.Э., Гаврилов Д.А.* Время богов и время людей. Основы славянского языческого календаря. М., 2009. С. 108.

[26] *Неклепаев И.Я.* Поверья и обычаи Сургутского края. Этнографический очерк // Записки Западно-Сибирского отдела ИРГО. Омск, 1903. Кн. XXX. С. 217.

Сливала, робицу сбивала.
Всю свою болезь,
И урок, и испуг,
Уничтожала.
Находную, набродную,
Колючю, болючу,
Дергучу, водяную,
Земляную.
Мужскую, женскую,
Чтоб она не отрыгала
Ни на исходе,
Ни на полный,
Ни на молодяка»[27].

Поскольку в этом заговоре опять же упоминается «водица», его читали на воду, скорее всего, с четверговой солью. Некоторые информаторы говорили, что от «уроков» также читается на воду молитва Иоанну Богослову[28]. Последнее, видимо, связано с евангельским сюжетом о крещении Иисуса Христа водой Ионном Крестителем, первым учеником которого был Богослов (в Евангелие от Марка он ещё назван «сыном грома») (Мк. 3:17). Судя по тексту, заговор читали опять же на новый и старый месяц, т. е. разные фазы луны.

Сельские жительницы Северной Барабы считали, что «сурoченного» видно по особому поведению, как обычно поясняют, он «позёвывает часто», имеет «тяжелую голову». В приведённом ниже содержании молитвы следует обращение к помощи Пресвятой Богородицы, а «уроки» отправляются на волю ветра – «с ветру пришли – на ветер ступай».

«На Сиван-горе живет мать
Пресвятая Богородица.
Подойду поближе,
Поклонюсь пониже.
Матушка Пресвятая Богородица,
Заступница и послушница,
Заступи и помоги,
Прошу тебя, молю.
С Рабы Божьей…
С ветру пришли – на ветер ступай» [29].

[27] ПМА. 1989. (Борисова Е.С, 1923 г.р., д. Киряково Болотнинского р-на НСО). Родители из Могилёвской губ.).

[28] ПМА. 1995. (Журавлева А.В., д. Верх-Красноярка Северного р-на НСО).

[29] ПМА. 1993. (А.Н. Шмакова/Качесова, 1906 г.р., д. Меньшиково Венгеровского р-на НСО).

Известная в Чулымском районе Новосибирской области «бабка Валенсиха» (П.Н. Зайцева) лечила «шепотками», в т. ч. «от спугу», при этом перечислялись «дурные глаза» разных цветов – белый, чёрный, синий. Прасковья Николаевна рассказывала, что есть лекарки, читающие молитвы на воду, но она предпочитала водку, с которой к ней обычно и приезжали из разных мест люди. Лекарка сама могла вычислить, сколько «зорек» (выходить на зарю) предстоит читать молитвы Богу и Пресвятой Богородице в зависимости от болезни и степени её тяжести.

«Первого раза, добром часом,
Водица-солица,
*Всем щэдро поможица (*вариант «Всему Свету поможица». – *Е.Ф.),*
Ишла не сама собою,
Богородица со мною.
И шла ты во темных лесах,
По сырым кореньям,
По белым каменьям.
Бывала ты,
Крутые горы, зеленые луги́,
Желтые пяски́.
Дай же Боже (имя)
С глазу бела, с глазу шерна,
С глазу синяво!
И не я говариваю,
А говаривает сама Божия Мать Богородица
И пярстом укошает» (Здесь: видимо, указывает – *Е.Ф.*).

В случае беспокойных детей, которые «скали ногами» («скут», дрыгаются) ночью, читалась молитва с посылом «в иной город» «полуношницы» и «полуденницы»:

«Полуношна-полуношница,
Полуденна-полуденница.
Сокотуха-работуха,
Ступай в иной город,
В ином городу
Есть бревно осиновое,
Иди и там царапайся
И младенцу дай спать.
На всю Господню ноченьку».

При чтении три раза сплёвывали на пятки. Также, как сообщила информатор, желательно веничком-«голичком» (без листьев) хлестать ребенку пятки. Роль веника-голика известна и при врачевании других болезней (суставов, поясницы) взрослых и пожилых людей, но приёмы лечения и молитвы тогда использовались иные.

Сельские жители, особенно дети, часто травмировались и возникала потребность остановить кровотечение. Молитву – «заговор на кровь» знали наизусть многие пожилые женщины. Сюжет «заговоров на кровь с раны», которые девицы шелком вышивают, был довольно распространённым[30]. Заговоры от кровотечения не сопровождались магическими обрядами, но формула зашиванья логически приводила к предположению, что был если не магический, то лечебный обряд, заключавшийся в зашивании раны[31].

В аннотированной библиографии заговор об останавливании крови соответствует сюжету «А4» («Нечто встало, кровь остановилась»). В заговоре кыштовских староверов, чтобы кровь остановилась, встал сам Бог. Подобный сюжет был отмечен для Смоленской, Орловской, Олонецкой, Вологодской, Черниговской, Полтавской, Могилёвской губерний[32].

«На море-океяне,
Лежит белый камень,
На этом камне
Сидят три девицы,
Оне шелком вышивают,
Раны застилают.
И шел Бог и шла вода
И шла кров с раны.
Стал Бог, стала вода,
Остановилась кров с раны.
Аминь. Аминь. Аминь»[33].

Помимо указаний на загадочное, сказочное место («море-окиян»), текст содержит упоминание о «белом камне» (встречается и «бел-горюч камень»), в котором можно видеть древний мифологический образ, первозданный камень начала творения. Согласно верованиям восточных славян, под «белым камнем», как стоящем во главе угла, сокрыта могучая и неиссякаемая сила (ср. «краеугольный ***камень»*** являлся важной метафорой Иисуса и Его исключительного положения как Главы Церкви и Царства Божьего).

Некоторые заговоры, прочитанные нашими информаторами, могли быть большого числа действий. В Чаусской волости Томского уезда Томской губернии (Ныне Колыванского района НСО – *Е.Ф.*) бытовал «приговор», который мог помочь при разных ситуациях: от засевшей занозы, от «потянутой руки» (видимо, при растяжении мышц). Его использовали также в случае «запорошенности» глаз, когда эти слова произносили «на воду» и умывались (в тексте упоминается «море-океян»). Кроме того, требовалось «прочертить» указательным пальцем больное место.

[30] *Власова З.И.* К изучению поэтики устных заговоров // Русская народная проза: Русский фольклор. Л., 1972. Т. 13. С. 189.

[31] *Елеонская Е.Н.* Сказка, заговор и колдовство в России. М., 1994. С. 123.

[32] Восточнославянские заговоры: Материалы к функциональному указателю сюжетов и мотивов. С. 25.

[33] Пудова/Иванова Ф.К., 1910 г.р., д. Макаровка Кыштовского р-на НСО.

«На море-океяне,
На острове на Буяне,
Лежит бел-горюч камень,
Он не белеет, не стонает,
В им боли не бывает,
Лежит большая рыба-щука,
У ней железные зубы,
Она занозу вынимает
Ломоты не давает,
Выходи заноза у раба… (имя)
Из пальца правой руки
Из большого тела,
Из желтой кости.
Не делай ни щепоты, ни ломоты,
Будьте мои слова крепки и лепки,
Крепче липовой избы и зубы.
Аминь. Аминь. Аминь»[34].

Несмотря на хорошую физическую закалку, деревенские дети были подвержены простудным заболеваниям, особенно весной, когда бегали босыми по первым проталинам, по ещё не прогретой земле. Если на насморк матери особо не обращали внимание, то от болезней горла старались избавиться дедовскими способами, например, при помощи такого заговора:

«Белая береза,
Горькая осина,
Съем я тебя
От комля до вершину,
Очисти горловую болезнь
Сучьями и ветками!»[35].

Когда произносили эту молитву, рекомендовалось делать глотательные движения. Считалось для лечения болезни необходимо, увидев рядом березу и осину, три раза плюнуть через левое плечо, где, по поверьям, может быть «нечисто». Упомянутый в молитве мотив очищения сучьями и ветками горловой болезни близок другому известному мотиву «сметания болезни», в котором присутствует обращение к Богородице[36]. В сузунском тексте указываются не только приёмы лечения, но и обращение к деревьям с угрозой. Ветками как веником можно было выгнать, «смести» болезнь. Читающий угрожал, что съест деревья от комля до вершины, т. е. превратит в сухое растение или в веник.

[34] ПМА. 1990. (Кочкарева А.М., ок. 1905. г.р., д. Амба Колыванского р-на НСО. «Закорененные сибиряки»).

[35] ПМА. 1991. (Некрасова Е.М., 1921 г.р., д. Каргополово Сузунского р-на НСО. Местные сибиряки).

[36] *Познанский Н.* Указ. соч. С. 227.

В качестве лечебных нами зафиксированы канонические молитвы, так, обычно информаторы, которые назвали себя староверами, указывали на Псалом 90 («Живый в помощи Вышнего…»), молитвы «Отче наш…», «Да воскреснет Бог…». Нередко люди сознавались, что смысл молитв им был не очень понятен и поэтому они не могли сообщить также, при каких недугах они их произносили (Белова К.В., 1916 г.р., д. Бергуль Северного р-на НСО. Родители, русские староверы, приехали из Витебской губ. в 1903 г.). У бергульцев был записан «Богородицкий сон», однако наизусть его мало кто знал, вместе с тем нам настоятельно рекомендовали переписать его.

Во второй половине XIX – начале XX в. женщины-крестьянки выполняли функции не только матери, кормилицы, воспитательницы, но и должны были обладать минимальными знахарскими знаниями. Говорить о том, что воздействие лечебных заговоров было рассчитано только на силу слова, ритмическую организацию заговорных формул, не приходится – они в большинстве своём сопровождались ритуальными действиями, обращением к природным объектам, небесным явлениям. Большое значение в практиках заговорных традиций имела вода, именно на воду «наговаривались» тексты многих молитв. В условиях разных душевных деформаций (от «сглаза», «урока» и «порчи» и пр.) детей умывали, ополаскивали, обливали водой. Именно водой до восхода солнца мыли детей в Чистый четверг накануне праздника Пасхи в качестве предохранительного мероприятия. Действительно, омовение водой – приём лечения, распространенный практически у всех народов мира, поэтому практики лечения русских Сибири демонстрировали не только общерусскую основу с сочетанием дохристианских и христианских текстов, но и сохраняли архаичные формы, отражавшие анимистические верования. Заслуживает внимания обращение читавшего заговоры от душевных болезней и беспокойного поведения ребенка к «заре-зарнице», месяцу, причём в его разных положениях – новому, старому, а порой, и к полному (луне?). В русско-славянской традиции обращение к заре, месяцу и т. п. относилось к древнейшим пластам заговорного слова. Как очевидно из записанных текстов, небесные светила, границы дня/ночи наделялись душой, антропоморфными чертами и возможностью переносить болезни из мира людей в мир природных стихий.

Брошенные на произвол первопоселенцы и более поздние выходцы из Европейской России XIX – начала XX в. в условиях освоения новых сибирских территорий вынуждены были не только сохранять традиционные формы лечения болезней, но и вырабатывать целую систему здоровьесбережения, в которой важнейшая роль принадлежала женщине-матери.

Список литературы:

1. *Ветухов А.В.* Заговоры. Заклинания. Обереги. М.: Вече, 2022. – 416 с.
2. *Елеонская Е.Н.* Сказка, заговор и колдовство в России. М.: Издательство «Индрик», 1994. – 272 с.
3. *Ермаков С.Э., Гаврилов Д.А.* Время богов и время людей. Основы славянского языческого календаря. М.: Ганга, 2009. – 288 с.

4. *Жилинская И.А.* Восточнославянские заговоры: пространство, время, цвет / ред П.П. Шуба. Минск: Акад. МВД Респ. Беларусь, 2005. – 172 с.
5. *Кляус В.Л.* (сост.). Лечебные «наговоры» Приангарского края. Из собрания А.А. Савельева. М., 1990. – 38 с.
6. *Познанский Н.* Заговоры. Опыт исследования происхождения и развития заговорных формул. М.: Индрик, 1995 (переизд. 1917 г.). – 352 с.
7. *Путилов Б.Н.* Теоретические проблемы древнейшей славянской духовной культуры // Советская этнография.1984. № 3. С. 53–55.
8. *Харитонова В.И.* Работа с сакральными знаниями и практиками: методико-методологический аспект // Этнографическое обозрение. 2010. № 3. С. 7–21.

Об авторе:

ФУРСОВА Елена Федоровна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, ФГБУН «Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая» РАН, (Россия, 119334, г. Москва, Ленинский пр-т, д. 32а), e-mail: mf11@mail.ru

Spells in the Treatment of Childhood Illnesses by Russian Peasant Women in Western Siberia in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries

E.F. Fursova

The Russian Academy of Sciences N.N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology, *Moscow, Russia*

This article presents a study of spells aimed at treating childhood illnesses as one of the functions of a woman-mother—the bearer of sacred knowledge about the health of children and, more generally, family members. The work is based on the author's fieldwork collected in various regions of Western Siberia. The historical and ethnographic analysis allowed us to take into account the diversity of the East Slavic population of Siberians and their religious affiliations (Orthodox, Old Believers). Oral recordings of texts were made along with recording the practices of healing magic. Spell formulas are examined not as a special form of folklore, but as an essential element of health care and health preservation in the lives of peasant families.
Key words: *healing spells, childhood illnesses, Russian peasant women of Siberia, traditional health preservation.*

About the author:

Elena Fedorovna Fursova – Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher at the N.N. Miklouho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences (32a Leninsky Prospekt, Moscow, 119334, Russia), e-mail: mf11@mail.ru

References:

Eleonskaya E.N. *Skazka, zagovor i koldovstvo v Rossii.* Moscow: Izdatel'stvo «Indrik», 1994. – 272 s.

Ermakov S.E., Gavrilov D.A. *Vremya bogov i vremya lyudej. Osnovy slavyanskogo yazycheskogo kalendarya*. Moscow: Ganga, 2009. – 288 s.

Fursova E.F. *Kalendarnye obychai i obryady vostochnoslavyanskih narodov Novosibirskoj oblasti*. Novosibirsk: Izd-vo In-ta Arhaeologii i Etnografii SO RAN, 2003, P. 2. – 268 s.

Haritonova V.I. *Rabota s sakral'nymi znaniyami i praktikami: metodiko-metodologicheskij aspect*, Etnograficheskoe obozrenie, 2010, vol. 3, S. 7–21.

Klyaus V.L. (sost.). *Lechebnye «nagovory» Priangarskogo kraya. Iz sobraniya A.A. Savel'eva*. Moscow, 1990. – 38 s.

Neklepaev I.Ya. *Pover'ya i obychai Surgutskogo kraya. Etnograficheskij ocherk* Zapiski Zapadno-Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo obshchestva, vol. XXX, 1903, S. 29 – 230.

Poznanskij N. *Zagovory. Opyt issledovaniya proiskhozhdeniya i razvitiya zagovornyh formul*. Moscow: Indrik, 1995 (pereizd. 1917 g.). – 352 s.

Putilov B.N. *Teoreticheskie problemy drevnejshej slavyanskoj duhovnoj kul'tury,* Sovetskaya etnografiya, 1984, vol. 3, S. 53–55.

Vetuhov A.V. *Zagovory. Zaklinaniya. Oberegi*. Moscow: Veche, 2022. – 416 s.

Zhilinskaya I.A. *Vostochnoslavyanskie zagovory: prostranstvo, vremya, cvet* / red P.P. Shuba. Minsk: Akad. MVD Resp. Belarus', 2005. – 172 s.

Статья поступила в редакцию 17.06.2026 г.

Подписана в печать 11.09.2026 г.

Вестник ТвГУ. Серия «История». 2026. № 3 (79). С. 137–150.

СТРАНИЦА АСПИРАНТА

УДК 930(47)“18/20”+745
DOI 10.26456/vthistory/2026.3.137

Концепт «традиционного» в изучении ремесленных практик: эволюция подходов в отечественной этнографии и народоведении (XIX – начало XXI в.) [1]

Е.Н. Забелина

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», *г. Тверь, Россия*

Статья посвящена эволюции представлений о «традиционном» применительно к ремесленным практикам в отечественной этнографии и народоведении. На материале дореволюционных, советских и постсоветских исследований прослеживается изменение исследовательской оптики: от фиксации кустарных промыслов как экономического явления через концепцию «пережитков» и системного анализа культурной адаптации к осмыслению традиции как механизма психологической и социальной устойчивости. Анализируются подходы народоописателей XVIII в., исследователей земской статистики, советских этнографов, а также современные дискуссии о ревитализации культурного наследия. Особое внимание уделено тому, как менялись критерии идентификации традиции (технологические, социальные, гендерные) в зависимости от социально-исторического контекста.

Ключевые слова: *традиция, ремесленные практики, кустарные промыслы, народные художественные промыслы, историография, этнография, трансмиссия, антропология ремесла*.

Вопрос о том, что именно в ремесленных практиках исследователи народной культуры считали «традиционным», имеет длительную и сложную историю. На протяжении XIX–XXI вв. менялись не только методы изучения ремесла, но и сам угол зрения: промысел могли рассматривать как экономический феномен (источник дохода крестьянства), как эстетический объект («народное искусство»), как социальный институт (механизм передачи навыков) или как маркер этнической идентичности. Соответственно, и «традиционное» в ремесле понималось по-разному: как технологическая преемственность, как художественный канон, как социальная организация труда, как сложившееся гендерное распределение ролей или как способ адаптации этнической группы к меняющимся условиям.

[1] Научный руководитель – д-р ист. наук, профессор, заведующая кафедрой всеобщей истории Тверского государственного университета. А.В. Белова

© Забелина Е.Н., 2026

Цель статьи – проследить эволюцию представлений о «традиционном» в ремесленных практиках в отечественной науке: от первых народоописаний и статистических обследований кустарной промышленности через советские концепции «пережитков» и системного изучения традиции к современным подходам, рассматривающим ремесленную традицию как динамический механизм культурного воспроизводства и ресурс устойчивости. Анализ строится вокруг ключевых исследовательских вопросов: как определялась граница между «традиционным» и «нетрадиционным» в ремесле? По каким критериям исследователи отличали подлинную народную традицию от поздних наслоений или коммерческих подделок? Как менялся статус носителя традиции – от «анонимного кустаря» до «хранителя нематериального наследия»?

Методологическую основу составляет историко-библиографический подход, предполагающий выявление логики смены исследовательских парадигм в их связи с социально-историческими контекстами. Особое внимание уделяется интеграции антропологических и психологических подходов, позволяющих раскрыть экзистенциальное измерение ремесленной традиции в кризисные эпохи.

«Ремесло» и «промысел» в народоописаниях и статистике XIX в.: первая фиксация традиции. Первые систематические описания ремесленных занятий в России были связаны с задачами народоописания и государственной статистики. Первые научные народоописания связаны с исследованиями Сибири в первой половине XVIII в. Материалы экспедиции Мессершмидта (1719–1727) и Великой Северной экспедиции (1733–1743) предоставили сведения о районах расселения, быте, нравах, обычаях, религии и занятиях сибирских народов[2]. Занятия ремеслом не выделяются как отдельная категория, однако упоминаются как сложившийся род деятельности наряду с войной, охотой, религиозными верованиями. Однако уже спустя полвека описания становятся более глубокими: так, Георги в своем «Описании…» говорит о территориальном разделении по сферам занятий и внутрисемейной передаче знаний среди мастеров. Он же рассматривает занятия женщин, отмечая сходство их занятости с европейками, но отмечает, что они «больше всех других европейских поселянок упражнены, можно сказать, до излишества, ибо, сверх работ своих, во весь почти год отправляют по дому и в поле те же работы, что и мужчины, выключая немногих»[3].

[2] *Линденау Я.И.* Описание народов Сибири (первая половина XVIII века) / Пер. с нем., подгот. текста, примеч. и предисл. З.Д. Титовой; под общ. ред. И.С. Вдовина. Магадан, 1983.

[3] *Георги И.Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. Ч. 1–4 / иждивением книгопродавца Ивана Глазунова. Санкт-Петербург, 1799. С. 170–172.

Можно отметить, что в этот период понятие «традиция» применительно к ремеслу ещё не артикулировалось как самостоятельная исследовательская категория, однако формировались ключевые определения, которые впоследствии легли в основу этнографического изучения промыслов.

Так, В.И. Даль в «Толковом словаре живого великорусского языка» зафиксировал разграничение между «ремеслом» и «промыслом», которое долгое время определяло исследовательскую оптику[4]. Ремесло, согласно Далю, представляло собой «рукодельное мастерство, ручной труд, работа и уменье, коим добывают хлеб», «самое занятие, коим человек живет, промысел его, требующий более телесного, чем умственного труда». Промысел же трактовался как «ручной труд, то есть ремесленное производство изделий как способ добычи, уменье и средство для жизни, заработков». В народной этимологии эти понятия не противопоставлялись, а дополняли друг друга: «по ремеслу и промысел, у ремесла не без промысла»[5].

Для исследователей второй половины XIX в., работавших в рамках земской статистики и кустарных обследований (А. Корсак, Н. Цытович, Е.И. Андреев), ремесленные практики представали, прежде всего, как экономический феномен, форма крестьянской занятости. Традиционность здесь понималась в основном как устойчивость форм производства, передаваемых в рамках семьи или локального сообщества. Критериями «традиционного» выступали: наследственный характер занятия, технологическая преемственность, привязанность к определённой местности (местные обстоятельства или обычай[6]) и сезонность труда. Материалы о сельских рукоделиях, собранные Императорским Вольным экономическим обществом и Русским географическим обществом, включали данные не только о местных особенностях занятий: когда они происходят, видах и названиях употребляемых орудий[7], – но и способе организации труда: иерархии и управлении («нравственном, исстари ведущемся в сельских обществах, влиянии одного или нескольких лиц»[8]), числе занятых, их поле и возрасте, способе производства, инструментах, заработке и угрозах для здоровья[9].

Уже исследования этого периода начинают формировать первые «тревожные» нарративы: исследователи фиксируют упадок целого ряда промыслов под влиянием фабричного производства и изменения вкусов. Традиционное ремесло начинает восприниматься как исчезающее явление, что актуализирует задачу его фиксации и, в перспективе, сохранения. Как отмечает

[4] *Голованова Е.И.* Человек и его дело в русском языке XIX века (по данным толкового словаря В.И. Даля) // Челябинский гуманитарий. 2018. № 3 (44). С. 7–12.

[5] *Григорьева Е.И.* Возрождение народной художественной культуры миф или реальность? // МНКО. 2009. № 2. С. 108.

[6] *Корсак А.* О формах промышленности вообще и о значении домашнего производства (кустарной и домашней промышленности) в Западной Европе и России соч. М., 1861. С. 8–14.

[7] Воронежские губернские ведомости. 1853. № 40 (3 окт.). С. 235–238.

[8] Там же. 1853. № 41 (10 окт.). С. 244–246.

[9] Труды Императорского Вольного экономического общества. СПб., 1853. Т. 4. № 12. С. 56–58.

современный исследователь А.В. Христенко, в дореволюционной России кустарные промыслы становятся объектом модернизационных проектов, а их изучение – частью более широкой дискуссии о путях развития национальной экономики и культуры[10].

В конце XIX в. появляется понятие «художественные промыслы», которое начинает отделяться от более широкой категории «кустарных». Это размежевание было связано с тем, что исследователи и художники (В.В. Стасов, деятели Абрамцевского кружка) начинают видеть в некоторых кустарных изделиях не только утилитарную, но и эстетическую ценность[11]. Традиционное в ремесле начинает осмысляться не только как технологическая преемственность, но и как художественный канон, как особый «народный стиль», противопоставленный безликой фабричной продукции. Корни народных промыслов усматриваются в крестьянском быту, монастырских мастерских и дворянской усадебной культуре.

Таким образом, можно сделать промежуточный вывод о том, что на данном этапе определение «традиционное» в отношении ремесла было синонимом «обычного» и «привычного». Специальной рефлексии над тем, как именно передаются ремесленные знания и что обеспечивает их устойчивость, не велось. Ремесло оставалось, скорее, частью экономического и бытового описания, нежели объектом культурологического или этнографического анализа.

Советская этнография: от «пережитка» к системному анализу адаптации. Ранний советский период характеризуется двойственным отношением к «традиционному» в ремесле. С одной стороны, М.А. Некрасова отмечает, что с первых лет существования Советского государства был предпринят ряд охранительных мер по отношению к народным промыслам. В частности, в программе РКП(б) уже в 1919 г. предусматривалась действенная помощь кустарям: снабжение сырьём, материалами, денежными кредитами и государственными заказами. Также 1919 г. ВЦИК принял постановление «О мерах содействия кустарной промышленности». Кустарные предприятия объявлялись неприкосновенными и не подлежали конфискации и национализации без особого постановления ВСНХ. Разрешалась свободная торговля кустарными изделиями[12]. С другой стороны, в рамках марксистской парадигмы кустарные промыслы рассматривались как «пережитки» доиндустриальных отношений, которые должны быть либо преобразованы в социалистические формы кооперации, либо вытеснены крупной промышленностью. Задачей Института по изучению народов СССР (1930) было «всестороннее выяснение пережиточных явлений, тормозящих переход от

[10] *Христенко А.В.* Антропология кустарного производства в свете музейно-выставочной практики дореволюционной России // Живая старина. 2019. № 3. С. 40–43.

[11] *Никифорова В.И.* Творческие стратегии и кустарные практики в инициативах Абрамцевского кружка: автореф. дисс. … канд. ист. наук. М., 2025.

[12] *Некрасова М.А.* Народное искусство как часть культуры Теория и практика. М., 1983.

старых форм быта к новым»[13]. Традиционное в ремесле в этот период несёт негативную коннотацию: оно ассоциируется с отсталостью, патриархальностью, экономической неэффективностью[14].

Однако исследователи, работавшие в 1920–1930-е гг., всё же фиксировали, что именно «традиционные» формы организации женского труда (артели, семейные мастерские) сохраняли промыслы в условиях экономического кризиса. Описывая крестьянский быт, ремесло и промыслы, они соотносили «традиционные» формы организации труда с образом «прогрессивной народной культуры» – особенно, если они были связаны с трудовой дисциплиной, коллективизмом и участием в кооперации. Так, отмечалась потенциально положительная роль женщин-кружевниц, поскольку «сплошь и рядом исключительно от женщины зависит, куда сбыть продукт своего хозяйства, и где приобрести необходимые для семьи и хозяйства товары. Кроме того, нельзя забывать, что женщина является создателем новых ценностей и имеет свой особый от хозяйства бюджет, которым она всегда распоряжается по своему усмотрению. И ясно, что женщина, понимающая и сочувствующая движению, всегда в состоянии активно усилить его и наоборот»[15].

К 1950-м гг. ситуация начинает меняться. С.А. Токарев, один из ведущих советских этнографов, в качестве одной из основных задач этнографии выделяет изучение национально-бытовых особенностей разных народов, поскольку «эти особенности, сохранившиеся от прошлого, играют иногда крупную (положительную или отрицательную) роль в современной жизни»[16]. В этой формулировке уже появляется допуск того, что традиционные элементы, включая ремесленные, могут играть не только негативную, но и позитивную роль. Традиционное в ремесле начинает оцениваться не только как «пережиток», подлежащий преодолению, но и как потенциальный культурный ресурс.

1960–1980-е гг. стали периодом концептуализации традиции как системного механизма воспроизводства культуры. Ю.В. Бромлей в теории этноса связывает трансформацию традиций с этнокультурными процессами, такими как миграция, ассимиляция, изменение образа жизни. Определяя этнос как «исторически сложившуюся общность людей, обладающую общими относительно стабильными особенностями культуры… а также сознанием своего единства и отличия от других таких же образований»[17], он включает тра-

[13] *Москвина Д.А*. Прикладная наука в институте по изучению народов СССР в Академии наук СССР в 1930-е: проект колхозной этнографии // Кунсткамера. 2021. № 1 (11). С. 75–87.

[14] *Воронов В.С.* Крестьянское искусство М., 1924.

[15] *Смекалов В.* Вологодская женщина и кооперация // Кооперация Севера, 1923. № 2–3. С. 23–25.

[16] *Токарев С.А.* Этнография народов СССР. Исторические основы быта и культуры. М., 1958.

[17] *Бромлей Ю.В.* К вопросу о сущности этноса // Природа. 1970. № 2.

диционные формы труда (сюда мы можем отнести ремесла) в систему этнических маркеров. В свою очередь, различение этнодифференцирующих и этнопреобразующих признаков культуры[18] позволяет видеть в ремесле не только технологию, но и символ принадлежности. Позже представление о нерасчленённости утилитарного и символически-ритуального аспектов ремесла будет развиваться в работах Т.А. Бернштам о семиотике рукоделия[19] и Д.Э. Харитоновича о социокультурном образе ремесленника[20].

Особое теоретическое осмысление традиции предложил Э.С. Маркарян, который ввёл понятие «традициологии» как отдельной дисциплины. Согласно Маркаряну, традиция – это «выраженный в социально организованных стереотипах групповой опыт, который путём пространственно-временной трансмиссии аккумулируется и воспроизводится в различных человеческих коллективах»[21]. Применительно к ремесленным практикам это означало, что традиционное понимается как стереотипизированный групповой опыт, передаваемый через поколения. Маркарян подчеркивал связь традиции с теорией адаптации: по его мнению, этнические культуры представляют собой исторически выработанные способы деятельности, обеспечивающие приспособление народов к условиям природной и социальной среды[22].

Параллельно с теоретическими дискуссиями в этнографии, проблема критериев подлинности практически решалась в искусствоведении и музейной практике: возникла задача различения «подлинного» народного искусства от поздних наслоений и фабричных имитаций.

В 1920-е гг. это декларировалось через противопоставление «крестьянского искусства» городской и фабричной продукции[23]. Далее промыслы рассматривались в общем корпусе декоративно-прикладного искусства. М.А. Некрасова выделяет в качестве основной проблемы невозможность полноценно разделить промыслы, как вид искусства коллективно-традиционного, и декоративно-прикладное искусство, как вид творчества индивидуально-художественного, с одной стороны, и художественно-промышленного – с другой[24]. Это привело к встраиванию промыслов в систему местной промышленности. Критерий соответствия традиции был институциона-

[18] *Бромлей Ю.В.* Очерки теории этноса. М., 1987.

[19] *Бернштам Т. А.* Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX в.: половозрастной аспект традиционной культуры // АН СССР, Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Л., 1988.

[20] *Харитонович Д.Э.* Ремесло и искусство (Социокультурный образ средневекового ремесленника) // Одиссей. Человек в истории. 1992. М., 1994.

[21] *Маркарян Э.С.* Узловые проблемы культурной традиции // Советская этнография. 1981. № 2. С. 80.

[22] *Лурье С.В.* Традициология Э.С. Маркаряна: отличие от зарубежных теорий традиции // Культура и образование. 2015. № 4 (19). С. 5–12.

[23] *Некрасов А.И.* Русское народное искусство. М., 1924.

[24] *Некрасова М.А.* Народное искусство как часть культуры Теория и практика. М., 1983.

лизирован: соответствие изделий традиционному стилю и технологии оценивали художественно-экспертные советы предприятий народных художественных промыслов[25]. Таким образом, границу между «традиционным» и «нетрадиционным» проводил не только исследователь, но и институт, что оставляло открытым вопрос о том, кто вправе судить об аутентичности.

И.Я. Богуславская выделяет в качестве важнейших условий формирования и развития самобытных художественных традиций народного промысла природно-географический фактор и местные культурные традиции, включая «сложившуюся за всю историю промысла систему материально-технических и образно-выразительных средств – своего рода «канон» – свод неписаных правил местного искусства»[26], то, что М. Полани описывает как «неявное знание»[27].

Л.С. Лаврентьева, обобщая дискуссии начала 1990-х гг., констатирует, что советская школа рассматривала традиции и инновации диалектически, но на практике традиция мыслилась, в первую очередь, скорее как «устойчивые компоненты» культуры[28].

Особое место занимают работы Т.А. Бернштам, которая одной из первых систематически исследовала гендерный аспект. В работе «Хитро-мудро рукодельице» она показала, что рукоделие было не просто хозяйственным занятием, но институтом социализации, маркером возрастных переходов и социального статуса, одновременно экономической, социальной и символической системой[29].

Таким образом, можно отметить, что в советский период произошёл переход от понимания традиционного как «пережитка» к осмыслению его как системного механизма культурной адаптации.

Традиция как ресурс идентичности, ревитализация и конструирование ремесленного наследия. На рубеже XX–XXI вв. в работах Института этнологии и антропологии РАН традиция и культурное наследие репрезентируются не как статичные «остатки» и не только как системные адаптации, но и как символический ресурс, мобилизуемый сообществами для конструирования идентичности и консолидации. В рамках программы фундаментальных исследований «Традиции и инновации в истории и культуре» (отв. ред. А.П. Деревянко, В.А. Тишков) был зафиксирован тезис о проницаемости границы

[25] К проблеме изучения и развития народных художественных промыслов: история и современность. Обзорное исследование // Наука. Искусство. Народные художественные промыслы. 2017. С. 13–24.

[26] Творческие проблемы современных народных художественных промыслов / Сост. и науч. ред. И.Я. Богуславская. Л., 1981. С. 16–43.

[27] *Полани М.* Личностное знание: на пути к посткритической философии. М., 1985. С. 103.

[28] *Лаврентьева Л.С.* Подходы к изучению традиций в современной этнографии // Аспекты будущего по этнографическим и фольклорным материалам / Отв. ред. Т.Б. Щепанская. СПб., 2012. С. 330–340.

[29] *Бернштам Т.А.* «Хитро-мудро рукодельице» // Женщина и вещественный мир культуры у народов России и Европы: Сб. МАЭ. Т. 47 / Отв. ред. Т.А. Бернштам. СПб., 1999. С. 191–249.

между этими категориями: «сегодняшняя традиция когда-то была инновацией, а сегодняшняя инновация завтра станет традицией»[30].

В работах последнего десятилетия В.А. Тишков последовательно включает «изучение и сохранение историко-культурного наследия» в число важнейших условий формирования российской идентичности[31]. При этом наследие не исчерпывается памятниками: оно включает ремесла и промыслы, фольклор и духовную культуру, т. е. практики, которые соединяют исторический опыт с современностью и работают как узнаваемые символы принадлежности[32]. Применительно к исследованиям ремесла отметим, что традиция в ремесле может рассматриваться не только как способ хозяйственного выживания, но и как инструмент заявления сообщества о своем праве на существование, особенно в ситуациях исторических разрывов, когда обращение к промыслу выполняет мобилизационную функцию.

Параллельно в постсоветской историографии разворачивается процесс ревитализации ремесленного наследия. Исследователи отмечают, что для самих носителей промысел был прежде всего практикой выживания, а не осознанным «сохранением наследия», поэтому внутрисемейная трансляция давала сбои при изменении экономических условий ещё в досоветский период: отец, не видя перспектив, мог не приобщать сыновей к ремеслу[33]; молодые женщины, предпочитая отхожие заработки, утрачивали возможность освоения навыков домашнего рукоделия[34]. Сдержать обесценивание ручного труда могло лишь вмешательство извне: возведение изделий кустарей в статус национального достояния.

Федеральный закон от 20 октября 2022 г. № 402-ФЗ создал новую правовую рамку, закрепив категории «носителей» и «хранителей» нематериального этнокультурного достояния: традиционным признается то, что зафиксировано в реестрах и признано сообществом и государством как наследие.

При этом потребность найти «глубокую» традицию может привести к ее конструированию. Как показывает в своем исследовании истории профессионального образования в сфере традиционного прикладного искусства С.А. Тихомиров, мы можем проследить историю становления «регулярного» городского ремесла, толчком к развитию которого в начале XVIII в. стали петровские преобразования и изменения в укладе и образе жизни при-

[30] Традиции и инновации в истории и культуре / отв. ред. А.П. Деревянко, В.А. Тишков. М., 2015.

[31] *Тишков В.А.* Российская идентичность: внутренние и внешние вызовы // Вестник Российской академии наук. 2019. Т. 89. № 4. С. 408–412.

[32] Культурное наследие: исторический опыт и современные интерпретации (к итогам Года культурного наследия народов России) / отв. ред. В.А. Тишков. М., 2023.

[33] *Егорова М.Г.* Преемственность и семейные традиции в становлении и развитии кустарных крестьянских промыслов Центрального региона России в конце XIX – начале XX веков: автореферат дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 2005.

[34] *Мухина. З.З.* Русская крестьянка в пореформенный период (вторая половина XIX – начало XX века). СПб: Дмитрий Буланин, 2018.

вилегированных сословий, потребовавшие изготовления принципиально новых ремесленных изделий[35]. При этом ряд применяемых технологий был новым, частично заимствованным из европейской практики, однако со временем эти навыки и приемы ушли вместе с мастерами из крестьянской среды, отходниками и фабричными рабочими в народную толщу и постепенно стали восприниматься как неотъемлемая часть народной ремесленной культуры. История их зарождения передавалась по каналам коммуникативной памяти, т. е. устных воспоминаний трех-четырёх поколений мастеров, выстраиваясь вокруг фигуры родоначальника промысла. Этот феномен, когда исследовательская и общественная потребность найти «глубокую», исконную традицию конструирует её даже при отсутствии документальных подтверждений и вопреки относительно позднему, часто городскому или заимствованному происхождению промысла, также стал предметом рефлексии в современной науке.

Традиция как ресурс устойчивости: от адаптации к копинг-стратегиям. Важным этапом в переосмыслении понятия традиции представляется переход от понимания ее как механизма социальной адаптации этноса к осознанию ее роли как индивидуального и коллективного ресурса совладания в трудных жизненных ситуациях. Если в советской традициологии адаптация рассматривалась системно, то исследования конца XX – начала XXI в., находящиеся на стыке антропологии, истории повседневности и психологии, акцентируют внимание на копинг-функции традиционных практик.

Применительно к женским кустарным промыслам это означает следующее: сохранение ремесла в кризисные периоды (депортация, война, экономический коллапс) обеспечивалось не только институциональной поддержкой, но и тем, что сама практика выступала способом совладания с травмирующей реальностью. Ремесло может выступать структурирующим фактором: в условиях хаоса и утраты социального статуса повторяющиеся алгоритмизированные действия создают островок предсказуемости и контроля,

[35] *Тихомиров С.А.* Профессиональное образование в сфере традиционного прикладного искусства: доминанты развития (от средневековья до последней трети XIX века) // Традиционное прикладное искусство и образование. 2019. № 3 (29). С. 15–32.

снижая уровень тревоги[36]. Исследователи отмечают, что совместное рукоделие выполняет функцию терапевтического сообщества[37], поддерживая межпоколенческие связи[38]. Зарубежные исследования подтверждают, что традиционные ремесленные практики усиливают межпоколенческую сплоченность и способствуют укреплению культурной идентичности[39], а также снижают уровень стресса[40]. Также это может стать способом конструирования смысла: через воспроизводство техник носительницы утверждали непрерывность своего существования вопреки внешним обстоятельствам, направленным на разрыв этой непрерывности[41].

Этот подход позволяет уточнить понимание функций традиции. Сохранение ремесла приобретает экзистенциальное измерение: традиция сохраняется потому, что она помогает выжить психологически и социально. Именно этот аспект объясняет живучесть женских промыслов даже при отсутствии внешних институциональных опор или рыночного спроса.

Феноменология традиции С.Б. Адоньевой и механизмы нормирования. Развитием этого направления стала концепция С.Б. Адоньевой и её школы. В статье «Российская наука о народе: от эволюционизма к феноменологии» (2019) фиксируется переход к пониманию традиции как способа бытования культуры в настоящем[42]. Ключевым инструментом становится триада «традиция – трансгрессия – компромисс».

В отличие от предшествующих моделей, где традиция и инновация противопоставлялись, в данной рамке они неразрывны. Традиция рассматривается как актуальная нормативная рамка, то, что сообщество признает правильным здесь и сейчас. Трансгрессия представляет собой любое отклонение от нормы (индивидуальное, вынужденное, внешнее). Важно уточнить, что трансгрессия не обязательно является сознательным нарушением, в условиях исторических разрывов она становится неизбежной адаптацией.

---

[36] *Ситдикова Л.И.* Народные художественные промыслы как вид арт-терапии на примере традиционного ныртинского кружевоплетения Республики Татарстан // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2023. № 4. С. 95–101.

[37] *Лесовская М.И.* Традиции ремесла в современном профессиональном обучении и стресс-менеджменте // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. 2016. № 4. С. 278–291.

[38] *Балабанова Т.Г.* Роль творческих объединений в возобновлении интереса к рукоделию в конце XX – начале XXI века в Иркутской области // Вестник ИрГТУ. 2013. № 5 (76). С. 230–235.

[39] *Sydora B.C., Listener L., Kung J.Y., Ross S., Voyageur C.* Traditional crafting as a catalyst for Indigenous women's intergenerational cohesion and wellness: a Canadian perspective // International Journal of Circumpolar Health. 2023. Vol. 82(1).

[40] *Collier A.* The Well-Being of Women Who Create With Textiles: Implications for Art Therapy // Art Therapy. 2011. Vol. 28. P. 104–112.

[41] *Акчурина-Муфтиева Н.М.* Преемственность традиций // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2016. № 2. С. 39–47.

[42] *Адоньева С.Б.* Российская наука о народе: от эволюционизма к феноменологии // Традиционная культура. 2019. Т. 20. № 4. С. 159–172.

Компромисс является механизмом, посредством которого сообщество «переваривает» отклонение: часть отвергается, часть легитимируется и становится новой нормой.

Интеграция копинг-подхода в эту триаду позволяет ответить на вопрос, почему те или иные трансгрессии принимаются. Компромисс в ремесленной практике часто оказывается стратегией выживания: норма сохраняется или видоизменяется именно в той мере, в какой она продолжает выполнять защитную функцию. Трансгрессия (использование нетипичных материалов в депортации, новые формы изделий в постсоветский период) легитимируется сообществом тогда, когда она позволяет традиции оставаться работающим инструментом устойчивости.

В монографии «Первичные знаки / назначенная реальность» подчеркивается, что культурные формы не передаются механически, а каждый раз заново «назначаются» конкретными людьми[43]. Таким образом, носитель или носительница традиции являются активными агентами нормирования, которые вправе принимать решения, исходя из потребностей выживания. Это представляется особенно наглядно в отношении женских промыслов: трансгрессия часто связана с изменением социальных ролей женщины, а компромисс фиксируется в новых форматах обучения и самоидентификации. Исследователь фокусируется на повседневных практиках трансмиссии – на том, как конкретные женщины в конкретных обстоятельствах балансируют между семейной традицией и государственным заказом, между каноном и необходимостью заработка.

Таким образом, возвращаясь к поставленным вопросам, можно констатировать следующее. Граница между «традиционным» и «нетрадиционным» в ремесле проводилась каждый раз разными средствами: в XIX в. это происходило через критерии наследственности, местности и технологической преемственности и через оппозицию фабричному производству; в советский период – через критерии классовой полезности, а затем соответствия канону, зафиксированному экспертными институтами; в постсоветский – через правовую процедуру реестров и через нормативную работу самого сообщества. Критерии выделения «подлинного» эволюционировали от интуитивной оппозиции «народное/фабричное» через институциональную экспертизу к рефлексивному пониманию того, что сам поиск аутентичности конструирует свой объект. Наконец, статус носителя трансформировался из анонимного кустаря статистических таблиц через коллективного субъекта артели и титулованного мастера промыслов к «хранителю нематериального наследия», активному агенту нормирования, принимающему решения о границах традиции.

Смена исследовательских парадигм отражала более широкие социально-исторические контексты: от имперской модернизации через совет-

[43] *Адоньева С.Б., Веселова И.С., Мариничева Ю.Ю., Петрова (Матвиевская) Л.Ф.* Первичные знаки / назначенная реальность. СПб., 2017.

ские трансформации к постсоветскому поиску национальных идентичностей. Представленный историографический обзор служит теоретической основой для анализа конкретных стратегий сохранения и передачи традиции в женских кустарных промыслах: торжокском золотном шитье и крымскотатарской золотной вышивке. Понимание того, как менялось восприятие «традиционного» в ремесле, позволяет более глубоко осмыслить те механизмы, с помощью которых носительницы этих ремесел сохраняли и передавали свои навыки в условиях исторических вызовов XX – начала XXI в., используя традицию не как застывшую форму, а как живой ресурс совладания с реальностью.

Список литературы:

1. *Адоньева С.Б.* Российская наука о народе: от эволюционизма к феноменологии // Традиционная культура. 2019. Т. 20. № 4. С. 159–172.
2. *Акчурина-Муфтиева Н.М.* Преемственность традиций // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2016. № 2. С. 39–47.
3. *Балабанова Т.Г.* Роль творческих объединений в возобновлении интереса к рукоделию в конце XX – начале XXI века в Иркутской области // Вестник ИрГТУ. 2013. № 5 (76). С. 230–235.
4. *Бернштам Т.А.* «Хитро-мудро рукодельице» // Женщина и вещественный мир культуры у народов России и Европы: Сб. МАЭ. Т. 47 / Отв. ред. Т.А. Бернштам. СПб., 1999. С. 191–249.
5. *Голованова Е.И.* Человек и его дело в русском языке XIX века (по данным толкового словаря В.И. Даля) // Челябинский гуманитарий. 2018. № 3 (44). С. 7–12.
6. *Корсак А.* О формах промышленности вообще и о значении домашнего производства (кустарной и домашней промышленности) в Западной Европе и России соч. М., 1861. С. 8–14.
7. *Лаврентьева Л.С.* Подходы к изучению традиций в современной этнографии // Аспекты будущего по этнографическим и фольклорным материалам / Отв. ред. Т.Б. Щепанская. СПб.: МАЭ РАН, 2012. С. 330–340.
8. *Лесовская М.И.* Традиции ремесла в современном профессиональном обучении и стресс-менеджменте // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. 2016. № 4. С. 278–291.
9. *Лурье С.В.* Традициология Э.С. Маркаряна: отличие от зарубежных теорий традиции // Культура и образование. 2015. № 4 (19). С. 5–12.
10. *Маркарян Э.С.* Узловые проблемы культурной традиции // Советская этнография. 1981. № 2.
11. *Москвина Д.А.* Прикладная наука в институте по изучению народов СССР в Академии наук СССР в 1930-е: проект колхозной этнографии // Кунсткамера. 2021. № 1 (11). С. 75–87.
12. *Полани М.* Личностное знание: на пути к посткритической философии. М., 1985.
13. *Ситдикова Л.И.* Народные художественные промыслы как вид арт-терапии на примере традиционного ныртинского кружевоплетения Республики Татарстан // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2023. № 4.С. 95–101.

14. *Тихомиров С.А.* Профессиональное образование в сфере традиционного прикладного искусства: доминанты развития (от средневековья до последней трети XIX века) // Традиционное прикладное искусство и образование. 2019. № 3 (29). С. 15–32.
15. *Тишков В.А.* Российская идентичность: внутренние и внешние вызовы // Вестник Российской академии наук. 2019. Т. 89. № 4. С. 408–412.
16. *Христенко А.В.* Антропология кустарного производства в свете музейно-выставочной практики дореволюционной России // Живая старина. 2019. № 3. С. 40–43.
17. *Collier A.* The Well-Being of Women Who Create With Textiles: Implications for Art Therapy // Art Therapy. 2011. Vol. 28. P. 104–112.

Об авторе:

ЗАБЕЛИНА Екатерина Николаевна – аспирантка, кафедра всеобщей истории, Тверской государственный университет (170100, Россия, Тверь, ул. Трехсвятская, д. 16/31); e-mail: inrussianfield@mail.ru

The Concept of the «Traditional» in the Study of Craft Practices: The Evolution of Approaches in Russian Ethnography and Folk Studies (19th – Early 21st Century)

E.N. Zabelina

Tver State University, *Tver, Russia*

The article examines the evolution of conceptions of the «traditional» as applied to craft practices in Russian ethnography and folk studies. Drawing on pre-revolutionary, Soviet, and post-Soviet scholarship, it traces the transformation of the research perspective: from the recording of kustar' crafts as an economic phenomenon, through the concept of «survivals» and the systemic analysis of cultural adaptation, to the understanding of tradition as a mechanism of psychological and social resilience. The article analyzes the approaches of 19th century ethnographic describers, researchers working with zemstvo statistics, and Soviet ethnographers, as well as contemporary discussions on the revitalization of cultural heritage. Particular attention is given to the ways in which the criteria for identifying tradition (technological, social, and gender) changed in response to the socio-historical context.
***Keywords*:** *tradition; craft practices; kustar' crafts; folk art crafts; historiography; ethnography; transmission; anthropology of craft.*

About author:

ZABELINA Ekaterina Nikolaevna – Postgraduate Student, Tver State University (Russia, 170100, Tver, Trekhsvyatskaya St., 16/31), e-mail: inrussianfield@mail.ru

References

Adon'eva S.B., *Rossijskaya nauka o narode: ot evolyucionizma k fenomenologii*, Tradicionnaya kul'tura. 2019. T. 20. № 4. S. 159–172.

Akchurina-Muftieva N.M., *Preemstvennost' tradicij*, Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Filosofiya. Politologiya. Kul'turologiya. 2016. № 2. S. 39–47.

Balabanova T.G., *Rol' tvorcheskih ob"edinenij v vozobnovlenii interesa k rukodeliyu v konce XIX – nachale XXI veka v Irkutskoj oblasti*, Vestnik IrGTU. 2013. № 5 (76). S. 230–235.

Bernshtam T.A., *«Hitro-mudro rukodel'ice»*, Zhenshchina i veshchestvennyj mir kul'tury u narodov Rossii i Evropy: Sb. MAE. T. 47 / Otv. red. T.A. Bernshtam. SPb., 1999. S. 191–249.

Golovanova E.I., *Chelovek i ego delo v russkom yazyke XIX veka (po dannym tolkovogo slovarya V.I. Dalya)*, Chelyabinskij gumanitarij. 2018. № 3 (44). S. 7–12.

Lavrent'eva L.S., *Podhody k izucheniyu tradicij v sovremennoj etnografii*, Aspekty budushchego po etnograficheskim i fol'klornym materialam / Otv. red. T.B. Shchepanskaya. SPb., MAE RAN, 2012. S. 330–340.

Lesovskaya M.I., *Tradicii remesla v sovremennom professional'nom obuchenii i stress-menedzhmente*, Social'no-ekonomicheskij i gumanitarnyj zhurnal Krasnoyarskogo GAU. 2016. № 4. S. 278–291.

Lur'e S.V., *Tradiciologiya E.S. Markaryana: otlichie ot zarubezhnyh teorij tradicii*, Kul'tura i obrazovanie. 2015. № 4 (19). S. 5–12.

Markaryan E.S., *Uzlovye problemy kul'turnoj tradicii*, Sovetskaya etnografiya. 1981. № 2.

Moskvina D.A., *Prikladnaya nauka v institute po izucheniyu narodov SSSR v Akademii nauk SSSR v 1930-e: proekt kolhoznoj etnografii*, Kunstkamera. 2021. № 1 (11). S. 75–87.

Polani M., *Lichnostnoe znanie: na puti k postkriticheskoj filosofii*. M., 1985.

Sitdikova L.I., *Narodnye hudozhestvennye promysly kak vid art-terapii na primere tradicionnogo nyrtinskogo kruzhevopleteniya Respubliki Tatarstan*, Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. 2023. № 4.S. 95–101.

Tihomirov S.A., *Professional'noe obrazovanie v sfere tradicionnogo prikladnogo iskusstva: dominanty razvitiya (ot srednevekov'ya do poslednej treti XIX veka)*, Tradicionnoe prikladnoe iskusstvo i obrazovanie. 2019. № 3 (29). S. 15–32.

Tishkov V.A., *Rossijskaya identichnost': vnutrennie i vneshnie vyzovy*, Vestnik Rossijskoj akademii nauk. 2019. T. 89. № 4. S. 408–412.

Hristenko A.V., *Antropologiya kustarnogo proizvodstva v svete muzejno-vystavochnoj praktiki dorevolyucionnoj Rossii*, Zhivaya starina. 2019. № 3. S. 40–43.

Статья поступила в редакцию 01.06.2026 г.

Подписана в печать 11.09.2026 г.

Вестник ТвГУ. Серия «История». 2026. № 3 (79). С. 151–159.

УДК 94(47)”18/19”+055.26
DOI 10.26456/vthistory/2026.3.151

Семейные ценности и идеальный образ материнства в трудах церковных мыслителей России второй половины XIX – начала XX века [1]

К.С. Коваль
ФГБУН «Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН», *г. Москва, Россия*

Статья посвящена анализу концепций идеальной семьи и материнства, сформировавшихся в русской церковно-публицистической мысли второй половины XIX – начала XX в. Исследование фокусируется на взглядах ключевых представителей православной мысли: от приходского духовенства до религиозных философов. На основе работ протоиереев В. Певцова, М. Соколова, А. Рождественского, С. Петровского, митрополита Владимира, а также философа В. Розанова выявляются ключевые аспекты материнства: духовно-воспитательная роль матери как первой учительницы веры и её участие в соборности семьи как носительницы гармонии и любви. В статье делается вывод о том, что предложенные ими модели семейных отношений были попыткой найти баланс между верностью церковной традиции и требованиями новой исторической реальности.
Ключевые слова: *семейные ценности, материнство, идеальная семья, церковная публицистика, православие, брак, гендерные роли, религиозные мыслители, православный брак, русская семья.*

Период второй половины XIX – начала XX в. стал временем глубокого кризиса традиционных устоев российского общества. Под натиском индустриализации, роста революционных настроений, распространения и влияния западных идей институт семьи оказался в центре идеологических баталий. Для русских церковных мыслителей семья была не просто социальной ячейкой, но духовным фундаментом нации, а её сохранение – делом спасения самого государства. В этом контексте особое значение приобрела проблематика женской роли и материнства, которые становились предметом дискуссий на фоне растущего феминистского движения и секуляризации быта.

Актуальность исследования семейных ценностей и идеального образа материнства в трудах русских церковных мыслителей второй половины XIX – начала XX в. обусловлена глубоким кризисом современных представлений

[1] Научный руководитель – д-р ист. наук, профессор, главный научный сотрудник ИЭА РАН. Н.Л. Пушкарева

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-02151 («Материнство и ранее детство в условиях демографических переходов и вызовов второй половины XIX – первой половины XX века»).

© Коваль К.С., 2026

о семье и женской идентичности. В условиях постмодернистского плюрализма, размывания традиционных гендерных ролей и переосмысления института брака, обращение к духовно-нравственным истокам становится не просто академическим интересом, а насущной потребностью поиска опоры для формирования устойчивой семейной модели.

Целью данного исследования является выявление и анализ специфики репрезентации идеала материнства в трудах русских церковных мыслителей второй половины XIX – начала XX в., а также определение места семейных ценностей в их этических и богословских концепциях.

В рамках достижения этой цели ставится задача проследить, как трансформировались представления о женской роли и духовном призвании матери в контексте общественных и религиозных дискуссий указанного периода. Особое внимание уделяется сопоставлению традиционных патриархальных установок с новыми гуманистическими и социальными запросами времени.

Историография рассматриваемого вопроса включает в себя исследования, посвящённые роли и значению семьи и материнства в православной культуре и обществе того периода. Работы Н.Л. Пушкарёвой, А.В. Беловой, Н.А. Мицюк сосредоточены на изучении роли матери в семье и в обществе и на представлениях о материнстве второй половины XIX – начала XX в.[2] Исследованию концепций семьи в русской религиозной философии посвящены работы С.А. Блиновой[3] и А.Т. Замбатовой[4]. Роль святоотеческой традиции в формировании концепции брака, на примере деятельности славянофилов, стала предметом исследования С.И. Скороходовой[5]. В работе П.Е. Яниной анализируется «женский вопрос» в публицистике и романе Салтыкова-Щедрина[6], О.С. Березина исследует антинигилистические

[2] *Пушкарева Н.Л.* Сексуальность в частной жизни русской женщины: влияние православного и этакратического гендерных порядков // Женщина в российском обществе. 2008. (2); *Белова А.В.* Беременность в структуре российской репродуктивной культуры дворянства в XVIII – середине XIX века // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2017. № 2; *Мицюк Н.* Конструируя «идеальную мать»: концепции материнства в российском обществе начала XX в. // Журнал исследований социальной политики. Том 13. № 1.

[3] *Блинова С.А.* Проблема семьи в русской религиозной философии второй половины XIX – первой половины XX веков: историко-философский анализ: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2013.

[4] *Замбатова А.Т.* Аксиологическая концепция семьи в русской религиозной философии // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2011. Вып.12.

[5] *Скороходова С.И.* Философия истории Ю.Ф. Самарина в контексте русской философской мысли XIX – первой четверти XX века: монография. М., 2013.

[6] *Янина П.Е.* «Женский вопрос» и проблема семьи в литературной критике, публицистике и романе «Господа Головлевы» М.Е. Салтыкова-щедрина // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 1 (2).

взгляды Лескова на дом и семью[7]. Эти исслдеования помогают понять общий культурный контекст, в котором формировались и церковные дискуссии.

Исследование темы семейных ценностей и идеала материнства в трудах русских церковных мыслителей второй половины XIX – начала XX в. требует внимательного анализа источниковой базы, основу которой составляют сочинения церковных публицистов, таких как В.Г. Певцов, М.И. Соколов, А. Рождественский, С. Петровский и др.

Вторая половина XIX – начало XX в. в Российской империи было временем интенсивных социальных трансформаций, затронувших все сферы жизни, включая религиозную. В этот период церковная публицистика стала зеркалом разнонаправленных тенденций в обществе, ареной острой борьбы идей. Церковные мыслители были вынуждены отвечать на вызовы модернизации, секуляризации и углубляющихся социальных противоречий. В ходе этих дискуссий сложился богатый спектр мнений, отразивший сложность и многогранность процессов в российском обществе.

Протоиерей, публицист и просветитель В.Г. Певцов одним из первых целенаправленно обратился к проблематике идеальной православной семьи. Брак и семейная жизнь по Певцову – это не случайность, а часть Божественного плана, существующая не только для продолжения рода, но и как источник радости и благополучия. Певцов утверждает патриархальную модель, где муж – глава семьи, обладающий властью, данной Богом, и несущий ответственность за ее благо. Однако эта власть трактуется не как господство, а как служение по примеру Христа, предавшего себя за Церковь. Жена не является рабой, она – партнер, равная в человеческом достоинстве перед Богом. Автор отмечает, что основой семейной гармонии является взаимное уважение, совет и сотрудничество. Певцов предостерегает, что пренебрежительное отношение мужа к жене карается беспокойством в доме и формированием у детей страха и неуважения к отцу, что порождает порочный круг в поколениях[8].

Протоиерей Соколов, основатель «Общества распространения религиозно-нравственного просвещения»[9], в своих проповедях настаивал, что истинное счастье возможно только при соблюдении Божьих заповедей. Для Соколова христианский брак – великая тайна и подражание союзу Христа и

[7] *Березина О.С.* Антинигилистические выступления Н.С. Лескова (взгляд на дом и семью на материале публицистики и эпистоляристики 1860–1870-х гг.) // Гуманитарные науки в современном мире: сб. науч. трудов по итогам междунар. науч.-практ. конф. (5 сентября 2014 г.). Уфа, 2014.

[8] *Певцов В.Г. (Священник В. Певцов)* О семье. Мужьям о женах: чтение для народа, избранное Комиссией для печати из числа произнесенных в Соляном городке / Составил свящ. Певцов. СПб., 1874. С. 4–7.

[9] *Тарасов И.А.* История учреждения в Петербурге Общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви // Христианское чтение. 2015. № 5. С. 164.

Церкви. Муж призван любить жену как Христос Церковь, а жена – повиноваться мужу в знак любви, сохраняя мир и любовь не только в радости, но и в испытаниях. Автор выражал тревогу по поводу разрушения брачных уз, связывая это с пренебрежением учением Христа и разлагающим влиянием городской, фабричной среды на молодёжь[10].

Выдающийся иерарх и духовный писатель митрополит Владимир в работе «Социальная задача семьи»[11] рассмотрел проблемы семьи в контексте острейшего социально-политического кризиса Первой русской революции. Он вышел за рамки сугубо религиозно-нравственной проблематики, связав семейное благополучие с экономическими условиями. Митрополит утверждал, что семья – это первообраз и основа государства, а ее разрушение ведет к краху государственности. В смутное время семья должна стать оплотом христианских ценностей[12]. Уникальность подхода митрополита Владимира заключается в выдвижении конкретных социально-экономических условий для укрепления семьи: 1) увеличение оплаты труда; 2) сокращение рабочего дня для усиления связи с домом; 3) запрет работы женщинам на фабриках (чтобы оградить их от революционных настроений и сохранить семейный очаг); 4) улучшение жилищных условий[13]. Так, священнослужитель высказывал идею о балансе работы и частной жизни для сохранения института семьи.

Активисты трезвенного движения, получившего официальный импульс после определения Синода 1889 г., видели в пьянстве главного врага семейного счастья[14]. Отец Александр Рождественский, создатель крупнейшего в стране общества трезвости, в своих проповедях утверждал, что высшая цель христианина – служение Богу, реализуемое внутри семьи (через благочестивую жизнь) и через семью (через гостеприимство и благотворительность). Идеальная семья, по его мнению, это «алтарь», излучающий свет и радость, где супруги соединены верностью и единомыслием, а главным методом воспитания детей является добрый родительский пример[15].

Протоиерей Сергий Петровский в книге «Пьянство – это могила семейного счастья»[16] создал поэтичный образ идеального семейного очага или

[10] *Соколов М.И.* Слова и речи протоиерея Михаила Ильича Соколова: [Ум. 5 июня 1895 г.]. СПб.: тип. Гл. упр. уделов, 1895. С. 25–27.

[11] *Богоявленский В.Н.* (митр. Киевский и Галицкий). Социальная задача семьи: беседа высокопреосвященного Владимира митрополита Московского и Коломенского. М., 1906.

[12] Там же. С. 3–4.

[13] Там же. С. 5.

[14] *Виноградов М.Б.* Трезвенное движение в России: церковно-исторический аспект // Вестник Омской православной духовной семинарии. 2018. № 2(5). С. 196–201.

[15] *Рождественский А.В.* Семья православного христианина: Сб. проповедей, размышлений, рассказов, стихотворений / Сост. свящ. А. Рождественский. СПб., 1900. С. 73.

[16] *Петровский С.В.* Пьянство – могила семейнаго счастия / священник Сергий Петровский. 3-е изд. Одесса, 1912. С. 17–18.

«тихой гавани», куда муж возвращается с трудов, где его встречают любящая жена и дети, царит довольство и достаток, а пьянству нет места. Этот идиллический образ противопоставлялся разрушительной реальности, где алкоголизм ведёт к бедности, насилию и социальной деградации. В отличие от Рождественского, который больше сосредоточен на функциональной роли семьи как «алтаря», Петровский уделяет больше внимания её эмоциональному и психологическому аспекту.

Духовный просветитель П.А. Никольский, автор популярной брошюры «Таинство брака», акцентировал важность свободного выбора и взаимной симпатии будущих супругов, критикуя браки по расчету, навязанные родителями. Он призывал к взаимному согласию и уступкам между поколениями при заключении брака, советуя оценивать прежде всего характер и доброту избранника, а не богатство или красоту. В браке, по Никольскому, муж как глава должен проявлять мудрость и снисходительность, а жена – скромность и покорность. Однако гармония, по его мнению, зиждется на взаимном совете, доверии и совместном решении житейских вопросов, что создает атмосферу мира и уважения[17].

Религиозный философ В. Розанов предложил радикально иной, либерально-мистический взгляд. В статье «О непорочной семье и ее главном условии» он утверждал, что семья по своей сути иррациональна, мистична и не поддается логическому конструированию. Ее основу составляют не рассудок, а страсти, которые, будучи регулируемы, придают семейной жизни смысл и живость. Идеальная «непорочная семья» становится мощным центром притяжения, «малой церковью», чей пример убедительнее любых доводов[18]. Он выступал за допустимость развода как «естественного механизма» очищения института семьи, критикуя его безусловный запрет. Семейная жизнь, основанная на лжи и страхе, представлялась ему самоотравляющей и разрушительной[19].

Особое внимание в трудах православных мыслителей уделялось воспитательной миссии матери. Все авторы сходились во мнении, что именно мать закладывает в ребенка первые понятия о вере, совести и долге. Как писал отец Александр Рождественский, «родительский пример – это главный инструмент формирования христианской личности. Лицо матери, “излучающее веру и умиление”, становится для ребёнка живым образом Бога»[20]. В этом смысле материнство приобретало не только социальную, но и сакраментальную значимость. Педагог и общественный деятель И.И. Годимус в 1870-е гг. также вдохновенно писал: «О! Как бы мы желали показать нашим

[17] *Никольский П.А.* Таинство брака. Тамбов, 1910. С. 5–6.

[18] *Розанов В.В.* Семейный вопрос в России: т. 1 и 2, материалы для 3 т.: собр. соч. / под общ. ред. А.Н. Николюкина; [сост. и подгот. текста А.Н. Николюкина, В.Н. Дядичева, П.П. Апрышко]. М., 2004. С. 82–92.

[19] Там же. С. 83.

[20] *Рождественский А.В.* Семья православного христианина: Сб. проповедей, размышлений, рассказов, стихотворений / Сост. свящ. А. Рождественский. СПб., 1900. С. 101–103.

читателям, сколько величия, прелести в матери семейства, образующий душу своего дитяти, научая его любить Господа, его Творца, или благословлять его имя, и подавая ему пример молитвы»[21].

Пастырь К. Лорченко, петербургский священник, подчеркивает роль матери как воспитательницы: «благочестивая грамотная мать семейства знает, что в ее руках судьба ее детей. А потому малолетнего своего ребенка, как только он начал говорить, мать становит его с собой на молитву, не пропуская ни одной праздничной службы, вводит его в храм Божий, следит за каждым его словом и поступком»[22]. В представленном высказывании богословский пласт не выражен в виде сложных теологических рассуждений, а реализуется через конкретные действия матери и их осмысление. Этими действиями должны быть молитва, участие в церковной жизни и ссылка на божественное благословение. Роль матери здесь провозглашается не просто как социальная функция, а как священнодействие, являющееся продолжением и завершением церковного служения.

Матери-крестьянки, по словам протоиерея В. Рождественского, и сами мало знают дела религии, сами нередко не считают грехом и дурное дело. Им в этом случае должны прийти на помощь пастыри церкви. Обязанность их – внушать матерям, чтобы они приучали детей к домашней молитве и водили их в церковь, освящали их таинствами веры, останавливали их при дурных делах и наклонностях[23]. Молитва должна стать для ребенка таким же естественным актом, как разговор. Она не рассматривается как трудное или сложное действие, требующее специальных усилий, а как первозданный способ общения с Богом, который необходимо развивать с первых дней жизни.

Митрополит Иосиф Петроградский говорил, что воспитание есть, как мы сказали, священнодействие женщины[24]. Таким образом, на плечах матери всегда, во все периоды человечества, лежала ответственность за ментальное и физическое развитие ребенка, особенно за духовное воспитание подрастающего поколения.

В статье «Женский университет в Москве» В. Розанов также подчеркивает роль матери как воспитательницы: «Стране в высшей степени нужны мягкие нравы, деликатные привычки, человечные взгляды по всем направлениям и во всех областях. Нет более надежного и более ревностного распространителя вообще всякого рода нововведений, чем женщины, – чего бы дело ни коснулось»[25].

---

[21] *Годимус И.И.* Значение семьи. Нравственное учение о ея происхождении и влиянии на супруга, супругу, детей и родственников. М., 1873. С. 100.

[22] *Лорченко К., свящ.* Крестьянским грамотным девушкам доброе слово на добрую память. СПб., 1895. С. 9–10.

[23] *Рождественский В.П.* Несколько мыслей о религиозно-нравственном воспитании протоиерея Виктора Рождественского. М., 1878. С. 12.

[24] *Иосиф Петроградский, свящ.* Как «воспитывается» неблаговоспитанность. Свято-Троицкая Сергиева лавра. 1904. С. 14.

[25] *Розанов В.В.* Женский университет в Москве // Новое Время. 1906. 16 апр. № 10807.

Профессор религиозной истории Д.И. Введенский, рассуждая о материнстве, писал: «Если же так, если чувство материнства общечеловечно, если история всех народов знает редких матерей, то, очевидно, это чувство имеет глубочайшее основание в самой природе. Оно есть дело милосердия Творца. Потому материнскую любовь справедливо можно назвать каплею любви из океана Божественной любви»[26]. Для большинства церковных авторов того времени семья рассматривалась как «первичная и естественная форма человеческого общежития», а её разрушение – как угроза самому существованию государства и Церкви. В этом контексте материнство наделялось особым сакральным статусом. Церковь старалась больше покровительствовать женщинам, стараясь укрепить их благочестие в противовес антирелигиозным настроениям и «освободительному движению».

Рассмотренные авторы, будучи объединены православной верой, представляют различные страты и интеллектуальные течения внутри церковного сообщества, что обусловило различия в акцентах и целевой аудитории. Проведенный анализ позволяет утверждать, что во второй половине XIX – начале XX в. русская церковная мысль, реагируя на кризис патриархальных устоев, секуляризацию и социальные потрясения, сформировала не единую, а стратифицированную и эволюционирующую концепцию идеальной семьи. Центральной, объединяющей разные уровни, оставалась парадигма семьи как «малой церкви» – союза, основанного на христианской любви, духовном единстве и взаимном служении, освященного таинством брака. Однако внутри этой парадигмы существовал значительный диапазон: от строгого следования патриархальной модели с акцентом на добродетели (приходское духовенство) до включения в дискурс социально-экономических требований (митрополит Владимир) и философского осмысления семьи как иррационально-мистического феномена (философ В. Розанов).

Различия в подходах определялись социальной позицией автора (иерарх, приходский священник, мирянин-просветитель, философ), его целевой аудиторией (крестьяне, рабочие, средний класс, интеллигенция) и остротой восприятия конкретных исторических вызовов (революция, алкоголизм, эмансипация). Таким образом, православная семейная идеология этого периода предстает не как монолит, а как динамичное поле интеллектуального поиска, стремившегося предложить аутентичный христианский ответ на проблему сохранения и возрождения фундаментальной ячейки общества и веры в эпоху модернизационных бурь.

[26] *Веденский Д.И.* Материнство. (В защиту нравственной личности женщины). М., 1908. С. 3–4.

Подводя итог анализу трудов церковных мыслителей России второй половины XIX – начала XX в., можно сделать несколько принципиальных выводов.

Во-первых, в рассматриваемый период образ материнства в православной мысли не был статичным. Он представлял собой сложный синтез традиционного патриархального уклада и попыток осмыслить вызовы наступающей эпохи модерна. Церковные авторы видели в материнстве не просто биологическую или социальную функцию, а высокое духовное служение, «домашнее священство», через которое женщина не только воспитывает новых членов общества, но и созидает «малую церковь» – семью.

Во-вторых, ключевой ценностью, которую транслировали мыслители того времени, была жертвенность. Идеальная мать в их представлении – это личность, способная к полному самоотречению ради блага детей и супруга. Однако важно отметить, что эта жертвенность не трактовалась как пассивное подчинение. Напротив, она подавалась как проявление высшей нравственной силы, способной удержать общество от распада в условиях стремительных социальных перемен.

В-третьих, церковная мысль этого периода остро реагировала на «женский вопрос». Мыслители осознавали, что традиционная модель семьи нуждается в защите, но при этом искали способы гармонизировать материнство с необходимостью интеллектуального и духовного развития женщины. Идеал материнства, предлагаемый церковными авторами, был направлен на то, чтобы уберечь женщину от крайностей эмансипации, сохранив при этом её достоинство как центральной фигуры семейного воспитания.

Список литературы:

1. *Виноградов М.Б.* Трезвенное движение в России: церковно-исторический аспект // Вестник Омской православной духовной семинарии. 2018. № 2 (5). С. 196–201.
2. *Тарасов И.А.* История учреждения в Петербурге Общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви // Христианское чтение. 2015. № 5. С. 156–169.

Об авторе:

КОВАЛЬ Каролина Сергеевна – аспирантка, стажёр-исследователь, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, Российская академия наук (Россия, 119334, Москва, Ленинский проспект, 32а), e-mail: karolinakoval@yandex.ru

Family Values and the Perfect Image of Motherhood in the Works of Russian Church Thinkers of the Second Half of the 19th – early 20th Century

K.S. Koval

The Russian Academy of Sciences N.N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology, *Moscow, Russia*

The article is devoted to the analysis of the concepts of the ideal family and motherhood, formed in Russian church of the second half of the XIX – early XX century. The research focuses on the views of a number of key representatives of Orthodox thought, from parish clergy to hierarchs and religious philosophers. Based on the works of Archpriests V. Pevtsov, M. Sokolov, A. Rozhdestvensky, S. Petrovsky, Metropolitan Vladimir (Bogoyavlensky), as well as philosopher V. Rozanov, and others there are two key aspects of motherhood: the spiritual and educational role of a mother as the first teacher of belief and her participation in the unity of a family as a bearer of harmony and love. It is emphasized that the mother was considered not as a passive performer of household duties, but as an active spiritual leader, guardian of piety and an equal participant in the family union. The article also examines the views of Orthodox thinkers about marriage as a sacrament, as well as the role and reactions to the challenges of modernization, secularization and social problems. The article concludes that the models of family relations they proposed were an attempt to find a balance between fidelity to church tradition and the demands of a new historical reality.

Keywords: *family values, motherhood, ideal of the family, church journalism, Orthodox, marriage, gender roles, religious thinkers, Orthodox marriage, Russian family.*

About the author:

KOVAL Karolina Sergeevna – Postgraduate Student, Intern Researcher at the Miklukho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences (32a, Leninsky Prospekt, Moscow, 119334, Russia). Email: karolinakoval@yandex.ru

References:

Vinogradov M.B., *Trezvennoe dvizhenie v Rossii: cerkovno-istoricheskij aspekt*, Vestnik Omskoj pravoslavnoj duhovnoj seminarii. 2018. № 2 (5). S. 196–201.

Tarasov I.A., *Istorija uchrezhdenija v Peterburge Obshhestva rasprostranenija religiozno-nravstvennogo prosveshhenija v duhe Pravoslavnoj Cerkvi*, Hristianskoe chtenie. 2015. № 5. S. 156–169.

Статья поступила в редакцию 20.05.2026 г.

Подписана в печать 11.09.2026 г

Вестник ТвГУ. Серия «История». 2026. № 3 (79). С. 160–169.

УДК 94(47)”1917”
DOI 10.26456/vthistory/2026.3.160

«Ленинцы» и Апрельский кризис глазами участников демонстрации на Невском проспекте Петрограда 21 апреля 1917 года [1]

Р.А. Шумяков

АНОО ВО «Европейский университет в Санкт-Петербурге»,
г. Санкт-Петербург, Россия

Статья посвящена реконструкции восприятия образов радикальных социалистов в Петрограде во время Апрельского кризиса. Основным источником послужили свидетельские показания, собранные при расследовании стрельбы на Невском проспекте 21 апреля 1917 г. Демонстрации и контрдемонстрации были вызваны публикацией «ноты» П.Н. Милюкова 20 апреля. Антиправительственные демонстрации рабочих 21 апреля были восприняты публикой на Невском проспекте как акции «ленинцев» и спровоцировали контрманифестацию. При столкновении с рабочими сторонники правительства навязывали им ярлык «ленинцев». Публикации эмоциональных свидетельств о столкновении 21 апреля со слов сторонников правительства закрепляли в прессе образ «ленинцев» как главных виновников Апрельского кризиса. Это подталкивало рабочих к восприятию ярлыка «ленинцев» как позитивной автохарактеристики.

Ключевые слова: *Революция 1917, Ленин, ленинцы, большевики, Апрельский кризис, имагология, история эмоций*.

Апрельский кризис стал первым в длинной череде кризисов власти в России в 1917 г. Его «спусковым крючком» стала публикация «ноты» П.Н. Милюкова, по времени совпавшая с первомайским праздником (18 апреля по старому стилю). Это вызвало вооружённые демонстрации 20–21 апреля в Петрограде, приведшие к жертвам убитыми и ранеными. Следствием кризиса стало образование коалиционного правительства 5 мая.

Исследователи политической истории революции уделили значительное внимание этому событию[2]. Вместе с тем чаще всего эта история рассматривалась в свете классовых противоречий и политических позиций участников конфликта. Меньше внимания уделялось образам, слухам и эмоциям,

[1] Научный руководитель – д-р ист. наук, профессор факультета истории Европейского университета в Санкт-Петербурге Б.Н. Колоницкий.

[2] *Голиков Г.Н., Токарев Ю.С.* Апрельский кризис 1917 г. // Исторические записки. 1956. Т. 57. С. 35–79; Октябрьское вооруженное восстание: Семнадцатый год в Петрограде: в 2 кн. / А.Л. Фрайман (отв. ред.). Л., 1967. Кн. 1. С. 178–250; Питерские рабочие и Великий Октябрь / О.Н. Знаменский (отв. ред.), Л., 1987. С. 118–149.

© Шумяков Р.А., 2026

которые были характерны для разворачивания Апрельского кризиса[3]. В последние годы вышел ряд знаковых работ, реконструирующих культурно-эмоциональную сторону революционной истории[4].

Особую роль в этом конфликте сыграли образы радикальных социалистов, или тех, кого в разных контекстах современники именовали «ленинцами» и/или «большевиками». По словам Б.И. Колоницкого, слово «ленинцы» «уже к середине апреля стало широко используемым пропагандистским штампом, употребляемым для обозначения крайнего и воинственного, бездумного и антипатриотичного радикализма»[5]. Исследователь впервые рассмотрел образы «ленинцев» и их политическое использование в политических конфликтах весны 1917 г. Изображения левых радикалов «максималистами», «хамами», «шкурниками» и «предателями» со стороны их оппонентов описал К.А. Тарасов[6]. Визуальной сатире на В.И. Ленина и «ленинцев» было посвящено исследование В.Б. Аксенова[7]. Отдельному рассмотрению подвергся образ левых радикалов как «партии гражданской войны»[8].

Не менее важным представляется изучение распространенности тех или иных образов и понятий в различные периоды, их воздействия на политические события. В связи с этим целью данной статьи является реконструкция восприятия образов радикальных социалистов в Петрограде во время Апрельского кризиса. Основным источником статьи стали свидетельские показания, собранные в процессе расследования стрельбы на Невском проспекте 21 апреля 1917 г. Сохранилось два тома следственного дела (объёмом более 300 листов), которое было начато 21 апреля и проводилось следователем по особо важным делам при Петроградском окружном суде В.Н. Середой. Было

[3] *Соболев Г.Л.* Революционное сознание рабочих и солдат Петрограда в 1917 г.: Период двоевластия. Л., 1973. С. 216–241.

[4] *Аксенов В.Б.* Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции, 1914–1918. М., 2020; *Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г.* 1917 год. Элиты и толпы: культурные ландшафты русской революции. М., 2017; *Булдаков В.П.* Страсти революции: эмоциональная стихия 1917 года. М., 2024.

[5] *Колоницкий Б.И.* «Товарищ Керенский»: антимонархическая революция и формирование культа «вождя народа»: март – июнь 1917 года. М., 2017. С. 415.

[6] *Тарасов К.А.* «Ленинцы» и «большевики» в политическом языке 1917 г. // Слова и конфликты. Язык противостояния и эскалация гражданской войны в России: сб. ст. / Б.И. Колоницкий (отв. ред.). СПб., 2022. С. 233–264; *Тарасов К.А.* «Большевизм» как собирательный образ врагов революции 1917 г. // Слова и конфликты. Язык противостояния и эскалация гражданской войны в России: сб. ст. / Б.И. Колоницкий (отв. ред.). СПб., 2022. С. 265–295; *Тарасов К.А.* Грядущий хам и торжествующие «хамы». Из истории легитимации насилия в 1917 году // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2022. № 2. С. 81–97.

[7] *Аксенов В.Б.* Образы Ленина в визуальной сатире и причины краха антибольшевистской пропаганды // Quaestio Rossica. 2020. Т. 8. № 2. С. 455–472.

[8] Имя раздора: Политическое использование понятия «гражданская война» (1917–1918) / коллективная монография под ред. Б.И. Колоницкого (отв. ред.), К.В. Годунова, А.В. Резника, К.А. Тарасова. М., 2025. С. 149–173, 183–194.

опрошено 83 человека[9]. Указанный источник не раз попадал в поле зрения исследователей, равно как и его частичная публикация[10]. Вместе с тем рассмотрение его с точки зрения фиксации сложившихся к моменту Апрельского кризиса образов радикальных социалистов представляется продуктивным и не до конца оцененным исследователями. Восприятие многих опрошенных было насыщенно образами из газетных материалов и устной агитации последних недель и эмоционально окрашено, – показания позволяют реконструировать представление современников о произошедшем «по горячим следам». Первые показания были записаны в Мариинском дворце через несколько часов после столкновения. Внимание будет сосредоточено на 20 показаниях (19 показаний участников манифестации в поддержку Временного правительства на Невском проспекте 21 апреля, около 16 часов дня, и одно показание проезжавшего в момент манифестации в трамвае)[11].

Первомайский праздник рабочих (18 апреля старого стиля), проходивший под поддержанными Петроградским Советом лозунгами «Да здравствует Интернационал», «Да здравствует мир народов», «Долой милитаризм» и др., совпал по времени с отправкой Временным правительством державам-союзникам ноты. В ней излагались задачи внешней политики правительства. Формально нота была препроводительным документом к декларации правительства 27 марта, в которой декларировалось отсутствие у «свободной России» захватнических целей в мировой войне. Фактически же это был самостоятельный документ, в котором заявлялось об уверенности в «победоносном окончании настоящей войны, в полном согласии с союзниками», что по оглашении этого документа в утренних газетах 20 апреля массами рабочих и солдат было интерпретировано как «война до победы» и «аннексии и контрибуции». Публикация ноты спровоцировала вооруженные демонстрации солдат и рабочих под лозунгами «Долой Милюкова», «Да здравствует Совет рабочих и солдатских депутатов» и др., а также контрдемонстрации в поддержку Временного правительства[12].

Манифестации 21 апреля проходили уже без солдат, с участием рабочих и различной публики сторонников правительства. Демонстрации привели к ряду вооруженных столкновений в разных частях города с убитыми и ранеными. Самым резонансным оказалось столкновение на Невском проспекте около 16 часов дня.

Согласно показаниям и газетным отчетам, около 16 часов на Невском проспекте с Садовой улицы (от Марсова поля) показалась демонстрация вооруженных рабочих Выборгской стороны, шедших с плакатами «Долой

[9] Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее – ЦГИА СПб). Ф. 487. Оп. 1. Д. 2631, 2632.

[10] Апрельские дни 1917 года в Петрограде / публ. П. Стулова // Красный архив. 1929. Т. 2 (33). С. 34–81.

[11] ЦГИА СПб. Ф. 487. Оп. 1. Д. 2631. Л. 3–46 об.

[12] *Голиков Г.Н., Токарев Ю.С.* Указ. соч.; Октябрьское вооруженное восстание. Кн. 1. С. 217–237.

Временное правительство», «Да здравствует Совет рабочих и солдатских депутатов», «Долой Милюкова» и др. Демонстранты двинулись в сторону Адмиралтейства. Появление манифестантов вызвало возмущение и заставило бывших на Невском проспекте случайных людей сорганизоваться в контрманифестацию[13] (далее будем называть её так – *Р. Ш.*) под лозунгом «Да здравствует Временное правительство» – знамя создали тут же, сорвав красный флаг с ближайшего здания и написав лозунг мелом[14]. Решено было идти к Мариинскому дворцу, где шли переговоры правительства и Исполкома Петроградского Совета об урегулировании конфликта. Вскоре за контрманифестацией показалась вторая демонстрация рабочих, тоже вооруженных, с аналогичными антиправительственными лозунгами. При сближении контрманифестации и демонстрации рабочих завязалась борьба за знамена, в процессе которой раздались выстрелы, приведшие к смертям и ранениям. (Ю.С. Токаревым в 1967 г. высказан тезис о том, что выстрелы были произведены «контрреволюционными элементами», а рабочие приложили все усилия к недопущению столкновений, а также подверг критике ход и результаты расследования В.Н. Середы, якобы вставшего «на сторону контрреволюционных провокаторов из кадетского лагеря» [15]. В то же время первый тезис фактически воспроизводит утверждение «Правды»[16]. Оба утверждения нуждаются в пересмотре. О.Н. Знаменский, также привлекавший материалы расследования В.Н. Середы, высказался мягче, но тоже давал читателю понять, что стреляли не рабочие[17]. Однако многие опрошенные утверждали, что стреляли из рядов рабочих демонстрантов.)

В 12 показаниях встречаются именования манифестантов «ленинцами», реже – «ленинской демонстрацией», «ленинской группой» и т. п., либо фиксируются крики находившихся на Невском: «Долой Ленина». При этом в 10 показаниях «ленинцы» – описание манифестантов самими допрошенными. Большинство из указанных 10 использует политизированный язык («ленинцы») без пояснений, как нечто не требующее комментария. Лишь двое подошли к описанию манифестантов несколько отстраненно. Я.П. Хавин показал, что «все в один голос твердили, что это дело рук “ленинцев”», хотя

[13] Апрельские дни 1917 года в Петрограде / публ. П. Стулова // Красный архив. 1929. Т. 2 (33). С. 66.

[14] *Колоницкий Б.И.* Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года СПб., 2012. С. 249–250. См. также специальные исследования знамен революции: *Корнаков П.К.* 1917 год в отражении вексиллологических источников: (По материалам Петрограда и действующей армии): автореферат дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1989; *Корнаков П.К.* Символика и ритуалы революции 1917 г. // Анатомия революции: 1917 г. в России: массы, партии, власть. СПб., 1994. С. 356–365.

[15] Октябрьское вооруженное восстание. Кн. 1. С. 230–231.

[16] Правда. № от 22, 23 апреля; Апрельские дни 1917 года в Петрограде / публ. П. Стулова // Красный архив. 1929. Т. 2 (33). С. 70; см. также допросы авторов заметок в «Правде» Б.А. Бреслава и В.В. Пономарева: ЦГИА СПб. Ф. 487. Оп. 1. Д. 2631. Л. 116–119

[17] Питерские рабочие и Великий Октябрь / О.Н. Знаменский (отв. ред.). Л., 1987. С. 144.

сам при допросе использовал слова «вооруженные манифестанты», «вооруженная банда», «братоубийцы»[18]. А.А. Луйк (офицер, 35 лет), наблюдавший манифестацию рабочих из вагона трамвая, дал следующий комментарий: «Я называю их “ленинцами”, как вся ехавшая в трамвае публика, потому, что они *несли плакат “Долой Временное правительство”* и, главное, *имели при себе оружие*»[19] (здесь и далее курсив мой. – *Р. Ш.*). Кроме того, В.В. Беляев (28 лет, прапорщик в отставке) объяснил, что «ленинцами» контрманифестанты «прозвали сторонников беспорядков»[20]. Единственным, кто сознательно отверг причастность демонстрантов к «ленинцам» (проговорив это), стал Е.С. Трактерев (солдат, 40 лет) – он решительно утверждал, «что виновники убийства *не были “ленинцами”*, т. к. *они против этой клички протестовали*, они называли себя представителями рабочих Выборгской стороны»[21].

Вышеописанное, кажется, позволяет объяснить описание рабочих демонстрантов как «ленинцев» их антиправительственной позицией. Очевидно, пропаганда партии большевиков (из которых не все бы согласились назвать себя «ленинцами») и пропаганда их противников сделали убеждение в тесной связи отказа в поддержке правительству и имени Ленина широко распространённым.

Не таким очевидным является другое объяснение принадлежности к «ленинцам» – вооружение, что, по словам А.А. Луйка, было «главным» критерием. Вероятно, это свидетельствует, что агитация за создание красной гвардии, наиболее последовательными, но не единственными сторонниками которой были большевики, сделала известным и этот их лозунг[22]. В марте призывы к организации красной гвардии были не редки и в советских «Известиях»[23].

Некоторые опрошенные тоже опознали в вооруженных рабочих «красную гвардию»: М.С. Бакшис (42 лет, помощница книгохранителя) опознала ее по красным повязкам на рукаве[24], а П.А. Ушаков (студент Петербургского университета) показал, что «Может быть на основании какого-нибудь флага, или почему-нибудь другому, но *все были убеждены,* что это идет ленинская “красная гвардия”»[25].

Но объяснение А.А. Луйка может быть истолковано и иначе. Одной из дискредитирующих левых радикалов идей, продвигавшихся несоциалисти-

[18] ЦГИА СПб. Ф. 487. Оп. 1. Д. 2631.Л. 44–45 об.

[19] Там же. Л. 46–46 об.

[20] Там же. Л. 9–10 об.

[21] Там же. Л. 30–31.

[22] *Н[евск]ий В.* Ждать нельзя // Правда. 1917. 17 марта; *Бонч-Бруевич В.* Вооруженный народ // Правда. 1917. 18 марта; Резолюции, принятые Б.Ц.К. РСДРП // Правда. 1917. 26 марта.

[23] Неотложная необходимость // Известия. 1917. 19 марта; Письмо в редакцию // Известия. 1917. 23 марта.

[24] ЦГИА СПб. Ф. 487. Оп. 1. Д. 2631. Л. 36–37.

[25] Там же. Л. 38–39 об.

ческой прессой, стала их склонность к насилию. Использовались как реальные, так и мнимые факты и высказывания. Известность получили, в частности, случаи ареста несогласных с ленинской агитацией у особняка Кшесинской[26]. Это позволяло ряду газет сформировать «горизонт ожидания» от взаимодействия с «ленинцами»: обыватель должен был ожидать применения насилия обитателями дома Кшесинской. Помимо этого, неоднократно повторялась мысль о готовности Ленина и его сторонников силой свергнуть Временное правительство. Большевики часто опровергали подобные утверждения в прессе[27]. Вероятно, оружие манифестантов в глазах Луйка символизировало готовность пустить его в ход, тем самым доказывая, что наблюдатель столкнулся с «ленинцами». (Как отмечал в постановлении по итогу следствия В.Н. Середа, публика на Невском пр., увидев рабочих демонстрантов с оружием в руках, предположила, что те идут силой свергать Временное правительство[28]).

Отсутствие «ленинского» ярлыка в показаниях не означало, что допрошенные были беспристрастны. Из 20 показаний только 9 претендуют на нейтральность, именуя рабочих «протестантами» (показания инженера-электрика Путиловского завода Александра Даниловича Богомолова[29]), «нашими противниками по убеждению» (сводное показание штабс-капитана Вячеслава Александровича Зюньзя и подпоручика Павла Павловича Муцянко[30]) либо при воспроизведении криков в адрес рабочих используют обороты в третьем лице (к примеру, «толпа кричала», но не «мы кричали» и др.). Большая часть опрошенных демонстрирует яркий эмоциональный язык, передавая настроение 21 апреля и собственную вовлеченность. Уже упомянутый В.В. Беляев, по его словам, активный участник контрманифестации, вырвавший у одного из рабочих винтовку, называл демонстрантов «толпой вооруженных хулиганов», «негодяями» и «подлыми трусами». Он также рассказывал, что, когда со стороны Садовой ул. появилась «новая толпа “ленинцев”», контрманифестанты «побежали к ним и стали их (т. е. совершенно другую манифестацию! – *Р. Ш.*) укорять в предательстве и провокации, клеймя их “гнусными и подлыми убийцами”, боящимися немцев и способными убивать только мирных, безоружных граждан»[31]. Иными словами, возбужденные сторонники Временного правительства в тот момент были готовы всех рабочих демонстрантов воспринимать как «ленинцев». Аналогичные описания случившегося, с большим или меньшим пафосом и

[26] Ленинский участок // Русская воля. 1917. 11 апреля; *Косиков Дм.* Где Правда? // Русская воля. 1917. 12 апреля; Для памяти // Там же. 26 апреля; и др.

[27] Начинается // Правда. 1917. 11 апреля; Дикие слухи // Там же. 12 апреля; Вниманию товарищей // Там же. 21 апреля; *Сафаров Г.* В обновленном участке // Там же; *Шилкевич В.* Арест // Там же.

[28] Апрельские дни 1917 года в Петрограде / публ. П. Стулова // Красный архив. 1929. Т. 2 (33). С. 66.

[29] ЦГИА СПб. Ф. 487. Оп. 1. Д. 2631. Л. 40–41.

[30] Там же. Л. 5–6.

[31] Там же. Л. 9–10 об.

эмоциональным напряжением, представили другие 10 допрошенных. Согласно их показаниям, в толпе на Невском проспекте рабочих также именовали «романовцами», «вороньем», «предателями», «изменниками», «немецкими шпионами», кричали «Долой Ленина», «Ленин провокатор», говорили об «измене», «позоре» и «провокации». Ряд описанных характеристик («романовцы», «провокаторы», «воронье») может быть объяснен изображением противников продолжения войны сторонниками свергнутой монархии Романовых, другие же ассоциировали левых социалистов с Германией (ассоциация крайних левых с внешним врагом в марте – апреле 1917 г. была востребованным агитационным приёмом провоенно настроенных партий и газет).

Как отмечали в показаниях некоторые контрманифестанты, не все их противники были согласны с кличкой «ленинцы». На это отвечали: «мы с Парвиайнена», «мы с завода “Лесснера”»[32]. Среди знамен некоторые отмечали черные знамена, на одном из которых были изображены череп под скрещенными костями и надпись: «Да здравствует Коммуна»[33]. Следовательно, среди рабочих демонстрантов были и симпатизировавшие анархистам. Однако контрманифестантами, сторонниками Временного правительства, это не принималось в расчёт – и сами «ленинцы» в течение недель до Апрельского кризиса описывались как «анархисты»[34].

Контрманифестация, после разоружения рабочих, 21 апреля всё же дошла до Мариинского дворца. Тогда же правительству стало известно о кровавом столкновении и там же было инициировано расследование, первые показания записаны в Мариинском дворце.

На следующий день отчёты о произошедшем появились в газетах. Описания событий, очевидно, были даны со слов контрманифестантов, притом не всегда бывших в первых рядах во время столкновения. Следствием этого стало изображение конфликта как столкновения сторонников правительства и «ленинцев», изображение домыслов опрошенных в качестве аутентичного свидетельского показания. К примеру, «Биржевые ведомости» сообщали, что на Невском проспекте «ленинцы» стали «разворачивать знамена с призывом “арестовать Милюкова, Гучкова”, “бить буржуев”, “занимать фабрики и заводы”» (о таких знаменах сведений в показаниях нет); после того как «вооружённую чернь» разоружили, «были выброшены открытые, *по-ви-*

[32] ЦГИА СПб. Ф. 487. Оп. 1. Д. 2631. Л. 10, 65. См. также: *Колоницкий Б.И.* «Товарищ Керенский». С. 425–426.

[33] Апрельские дни 1917 года в Петрограде / публ. П. Стулова // Красный архив. 1929. Т. 2 (33). С. 65.

[34] Плеханов и Ленин // Русская воля. 1917. 6 апреля; Петроград, 13 апреля // Речь. 1917. 13 апреля; Уроки двух дней // Рабочая газета. 1917. 23 апреля.

димому [sic!], знамена с надписями “Ленин и его товарищей в запломбированном вагоне обратно в Германию”»[35]. Схожего содержания отчеты поместили и другие газеты, прежде развивавшие антибольшевистскую агитацию[36].

Так в печати оказались «схвачены» эмоциональные описания событий 21 апреля сторонников Временного правительства, убеждённых в том, что они столкнулись с «ленинцами». К старым слухам и домыслам добавились новые, получившие к тому же авторитетность газетной публикацией и фактом начавшегося расследования. Это вело и к тому, что Апрельский кризис некоторыми современниками (в первую очередь склонными к поддержке правительства) воспринимался как следствие политики «ленинцев». Помимо этого, идентификация целой социальной группы как группы политической (рабочие – «ленинцы») в контексте предшествовавшей кампании против «буржуазной» печати и конфликта сторонников Временного правительства и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, как можно предположить, подталкивала рабочих к принятию навязываемой характеристики, исходя из стремления противостоять «буржуазии». Рабочие убеждались, что большевики и Ленин – «истинные» выразители интересов рабочего класса не только в связи с действиями политической партии, а благодаря усилиям их оппонентов. Так дискурс создавал жёсткую связь политических партий и социальных классов, и в частности связь «большевиков» и «рабочих».

Список литературы:

1. *Аксенов В.Б.* Образы Ленина в визуальной сатире и причины краха антибольшевистской пропаганды // Quaestio Rossica. 2020. Т. 8. № 2. С. 455–472.
2. *Аксенов В.Б.* Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции, 1914–1918. М.: Новое лит. обозрение, 2020.
3. *Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г.* 1917 год. Элиты и толпы: культурные ландшафты русской революции. М.: ИстЛит, 2017.
4. *Булдаков В.П.* Страсти революции: эмоциональная стихия 1917 года. М.: Новое лит. обозрение, 2024.
5. *Голиков Г.Н., Токарев Ю.С.* Апрельский кризис 1917 г. // Исторические записки. 1956. Т. 57. С. 35–79.
6. *Колоницкий Б.И.* Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года СПб.: Лики России, 2012.
7. *Колоницкий Б.И.* «Товарищ Керенский»: антимонархическая революция и формирование культа «вождя народа»: март – июнь 1917 года. М.: Новое лит. обозрение, 2017.

[35] На улицах Петрограда // Биржевые ведомости: утр. вып. 1917. 22 апреля.
[36] Русская воля. 1917. 22 апреля; Новое время. 1917. 22 апреля.

8. *Корнаков П.К.* 1917 год в отражении вексиллологических источников: (По материалам Петрограда и действующей армии): автореферат дис. ... канд. ист. наук. Л., 1989.
9. *Корнаков П.К.* Символика и ритуалы революции 1917 г. // Анатомия революции: 1917 г. в России: массы, партии, власть / В.Ю. Черняев (отв. ред.). СПб.: Глаголъ, 1994. С. 356–365.
10. *Соболев Г.Л.* Революционное сознание рабочих и солдат Петрограда в 1917 г.: Период двоевластия. Л.: Наука, 1973.
11. *Тарасов К.А.* «Большевизм» как собирательный образ врагов революции 1917 г. // Слова и конфликты. Язык противостояния и эскалация гражданской войны в России: сб. ст. / Б.И. Колоницкий (отв. ред.). СПб.: Изд-во Европейск. ун-та, 2022. С. 265–295.
12. *Тарасов К.А.* «Ленинцы» и «большевики» в политическом языке 1917 г. // Слова и конфликты. Язык противостояния и эскалация гражданской войны в России: сб. ст. / Б.И. Колоницкий (отв. ред.). СПб.: Изд-во Европейск. ун-та, 2022. С. 233–264.
13. *Тарасов К.А.* Грядущий хам и торжествующие «хамы». Из истории легитимации насилия в 1917 году // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2022. № 2. С. 81–97.

Об авторе:

ШУМЯКОВ Рауф Артурович – аспирант, исследователь, факультет истории, Европейский университет в Санкт-Петербурге (191187, Санкт-Петербург, Гагаринская ул., д. 6/1, А); e-mail: rshumyakov@eu.spb.ru

«The Leninists» and the April Crisis through the Eyes of Participants in the Demonstration on Nevsky Prospect in Petrograd, April 21, 1917

R.A. Shumyakov

European University at St. Petersburg, *St. Petersburg, Russia*

The article analyzes the perception of radical socialists in Petrograd during the April Crisis based on witness testimony from the investigation into the Nevsky Prospect shooting on April 21, 1917. Demonstrations and counter-demonstrations followed the publication of P.N. Milyukov's «Note» on April 20. On April 21, anti-government workers' demonstrations were viewed by the public on Nevsky Prospect as actions by «Leninists», leading to a counter-demonstration. Government supporters confronting workers labeled them «Leninists». Publication of emotional testimonies about the clash, based on government supporters' accounts, solidified the image of «Leninists» as the main instigators of the crisis. Consequently, workers began adopting «Leninist» as a positive self-identifier.

Keywords: *Revolution of 1917, Lenin, Leninists, Bolsheviks, April Crisis, imagology, history of emotions*.

About the author:

SHUMYAKOV Rauf Arturovich – postgraduate student, researcher, Department of History, European University at St. Petersburg 191187, Russia, St. Petersburg, ul. Gagarinskaya 6/1A); e-mail: rshumyakov@eu.spb.ru

References:

Aksenov V., *Obrazy Lenina v vizual'noy satire i prichiny krakha antibol'shevistskoy propagandy*, Quaestio Rossica, Vol. 8, 2020, № 2, S. 455–472.

Aksenov V.B., *Slukhi, obrazy, emotsii. Massovyye nastroyeniya rossiyan v gody voyny i revolyutsii, 1914-1918*, M., Novoe lit. obozrenie, 2020.

Buldakov V.P., Leontieva T.G., 1917 god. Elity i tolpy: kul'turnyye landshafty russkoy revolyutsii, M., «IstLit», 2017.

Buldakov V.P. *Strasti revolyutsii: emotsional'naya stikhiya 1917 goda*, M., Novoe lit. obozrenie, 2024.

Golikov G.N., Tokarev Yu.S. *Aprel'skii krizis 1917 g.*, Istoricheskie zapiski, 1956, Vol. 57, S. 35–79.

Kolonitskii B.I. *Simvoly vlasti i bor'ba za vlast': k izucheniyu politicheskoy kul'tury rossiyskoy revolyutsii 1917 goda*, SPb., Liki Rossii, 2012.

Kolonitskii B.I. *«Tovarishch Kerenskii»: antimonarkhicheskaya revolyutsiya i formirovanie kul'ta «vozhdya naroda»: mart – iyun' 1917 goda*. M., Novoe lit. obozrenie, 2017.

Kolonitskii B.I., Gudunov K.V., Reznik A.V., Tarasov K.A., Ivanov D.I., Shumyakov R.A. *Imya razdora: Politicheskoe ispol'zovanie ponyatiya «grazhdanskaya voina» (1917–1918)*, kollektivnaya monografiya, M., Novoe lit. obozrenie, 2025.

Kornakov P.K. *1917 god v otrazhenii veksillologicheskikh istochnikov: (Po materialam Petrograda i deistvuyushchei armii)*, avtoreferat dis. ... kand. ist. nauk, L., 1989.

Kornakov P.K. *Simvolika i ritualy revolyutsii 1917 g.*, Anatomiya revolyutsii: 1917 g. v Rossii: massy, partii, vlast', V.Yu. Chernyaev (otv. red.), SPb., Glagol'', 1994, S. 356–365.

Sobolev G.L. *Revolyutsionnoe soznanie rabochikh i soldat Petrograda v 1917 g.: Period dvoevlastiya*, L., Nauka, 1973.

Tarasov K.A. *«Bol'shevizm» kak sobiratel'nyi obraz vragov revolyutsii 1917 g.*, Slova i konflikty. Yazyk protivostoyaniya i eskalatsiya grazhdanskoi voiny v Rossii: sb. st., B.I. Kolonitskii (otv. red.), SPb., Izd-vo Evropeisk. un-ta, 2022, S. 265–295.

Tarasov K.A. *«Lenintsy» i «bol'sheviki» v politicheskom yazyke 1917 g.*, Slova i konflikty. Yazyk protivostoyaniya i eskalatsiya grazhdanskoi voiny v Rossii: sb. st., B.I. Kolonitskii (otv. red.), SPb., Izd-vo Evropeisk. un-ta, 2022, S. 233–264.

Tarasov K.A. *Gryadushchii kham i torzhestvuyushchie «khamy». Iz istorii legitimatsii nasiliya v 1917 godu*, Vestnik TvGU, Seriya «Istoriya», 2022, № 2, S. 81–97.

Статья поступила в редакцию 20.04.2026 г.

Подписана в печать 11.09.2026 г.

Вестник ТвГУ. Серия «История». 2026. № 3 (79). С. 170–177.

СТРАНИЦА АСПИРАНТА

УДК 94(47)+111-055.52+396.1
DOI 10.26456/vthistory/2026.3.170

Эмоциональное проживание повседневности британки на Ближнем Востоке: опыт Гертруды Белл [1]

Д.С. Спиридонова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», *г. Тверь*

В статье анализируются эго-документы (письма и дневники) британской путешественницы, археолога и администратора Гертруды Белл (1868–1926 гг.), созданные ею во время деятельности на Ближнем Востоке, в которых были отражены её субъективные впечатления от региона и личные переживания, полученные от опыта регулярного проживания в нем. При помощи подхода имагологии делается вывод о её восприятии ближневосточных стран и обычаев, на которое повлияли её образование и опыт путешествий, а также её социализация в качестве женщины британского аристократического круга. Ментальное существование одновременно в категориях «востока» и «запада» находило своё отражение в её повседневности, о чём она писала своим корреспондентам, рефлексируя собственный опыт и эмоциональные переживания в эпистолярной деятельности.

Ключевые слова: *история повседневности, женская история, эго-документы, социальная антропология, Ближний Восток, Иран, Гертруда Белл, XX век, колониализм, имагология*.

Социальные обязательства, наложенные на женщин существовавшими на протяжении истории гендерными рамками, неизбежно ограничивали их жизненный и социальный опыт. Ограничение перемещения в пространстве вело к сужению полей потенциальной повседневной женской деятельности, сводя её до семейной жизни и домашнего труда. В среде британского высшего общества рубежа XIX–XX вв. единственная социально приемлемая женская роль была роль жены и матери семейства. Викторианская мораль подразумевала полнейшее отсутствие у женщины амбиций и стремлений к самореализации в какой-либо другой социальной роли, а круг её интересов ограничивался домашним очагом.

Изучение внутренних механизмов разрушения ограничений и бегства от ожиданий социума, применённое одной из женщин указанного круга, является целью данной статьи.

[1] Научный руководитель – д-р ист. наук, профессор, заведующая кафедрой всеобщей истории Тверского государственного университета А.В. Белова.

© Спиридонова Д.С., 2026

Поле изучаемой деятельности представляет собой ментальное женское пространство, отражённое в документах, созданных ею самой. В данном пространстве неизбежны столкновения прививаемой в семье и обществе викторианской морали и собственных амбиций и стремлений, а также стереотипов о «Другом», когда дело касается путешествий и проживания на Ближнем Востоке – регионе, чуждым Британии.

Историография изучения данного поля включает в себя узкоспециализированные работы историков-антропологов, изучавших женскую ментальность и повседневность в условиях ограниченности патриархальными нормами. А.В. Белова раскрывает понятийный аппарат и методологические основы изучения женской повседневности[2]. Автор уделяет внимание источниковедческому аспекту изучения быта русских дворянок, но используемый ею методологический и понятийный компонент может быть расширен для изучения женщин привилегированных сословий других стран и другого культурного контекста. В процессе исследования восприятия Ближнего Востока в глазах британки необходимую базу составляет монография Е.В. Тихоновой[3], в которой дана характеристика этно-конфессиональных общин Ирака (где преимущественно Гертруда Белл вела свою деятельность). Правда, данная работа представляет собой комплексный анализ по политическим и социальным сферам государственной жизни и не включает имагологический и гендерный аспекты.

Колоссальную роль в исследованиях отношений Британии и Ирака в указанный период сыграла монография Э. Саида «Ориентализм»[4], положившая начало целому направлению в изучении и отношении к явлению колониализма. В постколониальном дискурсе деятельность европейских государств на Ближнем Востоке оценивалась исключительно негативно. Э. Саид, автор концепции ориентализма как символа власти Запада над Востоком, критиковал деятельность Г. Белл, обличая её «империалистические мотивы». Но источники личного происхождения рисуют перед исследователями другую картину, далекую от сложившегося образа «британского империализма» и исключительно потребительских мотивов его деятелей. В них отражается бегство амбициозной женщины от условностей западной культуры, нашедшей пространство ментальной свободы и личностной самореализации на Ближнем Востоке.

Самой яркой формой протеста против угнетающих закостенелых норм являлось путешествие как побег, и не только территориальный, но и ментальный, освобождающий от довлеющих социальных ролей британского общества. Гертруда Белл, воспитывавшаяся в весьма либеральной (по меркам современников) семье, тем не менее ощущала эту потребность. (Особенности её биографии нами уже рассматривались, см.: *Спиридонова Д.С.*

[2] *Белова А.В.* Женская повседневность как предмет истории повседневности // Этнографическое обозрение. 2006. № 4. С. 85–97.

[3] *Тихонова Е.В.* Этноконфессиональные общины Ирака в годы британского мандата. М, 2007.

[4] *Said E.* Orientalism. New York, 1978.

Феномен личности Гертруды Белл, создательницы государства Ирак // Путь в науку: материалы международной научной конференции молодых учёных исторического факультета ТвГУ. Тверь, 2023; *Спиридонова Д.С.* Гертруда Белл и Лоуренс Аравийский: особенности восприятия и отображения женской и мужской биографии // Семейное, женское, повседневное в историко-антропологическом измерении: материалы XVI международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН. М, 2023.)

Увлечённость Гертруды Белл Ближним Востоком прослеживается в эго-документах с момента её первого путешествия в Тегеран в 1892 г. Тогда же она начинает искать учителя для изучения персидского языка. Благодаря знанию местных языков она смогла плотно сотрудничать с местным населением и проникнуться ближневосточной культурой. Она сама отмечала преимущество, которое даёт свободное владение языком в части познания менталитета его носителей, что интересовало ее сильнее всего[5]. Это станет одной из причин глубокого понимания Белл арабской культуры и основой тесных связей с местными жителями.

Ближний Восток был для неё привлекательным, но нельзя не отметить некоторую романтизацию её представлений и постоянную рефлексию на тему исторических процессов, происходящих в нём на протяжении тысячелетий. В своих письмах она отмечает: «Я вскочила в 6 часов и целый час гуляла по берегу Евфрата под пальмами и ивами, разговаривала с крестьянами, которые водили своих волов вверх и вниз по длинным склонам подъемников, слышала месопотамского соловья и вспомнила, что это были те же виды и звуки, что и у Навуходоносора и даже Хаммурапи. Интересно, утешала ли их и поддерживала ли их вечная красота земли и простая деревенская жизнь в полях и реках, которая зарождается, умирает и снова возникает, не оставляя следов и никогда не меняясь[6]». В приведённой цитате видно, какой ценностью она наделяет устойчивость данной культуры и её неизменность на протяжении веков, которая кажется Г. Белл привлекательной. Также отмечается её интерес к жизни простых крестьян, их незамысловатому повседневному быту и желание его узнать через коммуникацию с местными жителями. Месопотамия с её древними памятниками и следами библейской истории не могла не заинтересовать Белл. В своих письмах она часто проводит параллели с людьми, населяющими эту территорию в прошлом, причём как с известными правителями, так и с простыми крестьянами. Консерватизм восточной культуры выделяются ею как тенденции исторического пути Ирака и других ближневосточных стран, и «запад» как ци-

[5] *Bell G.* Syria: The Desert & The Sown / E.P. Dutton and company: New York, 1907. P. 9.

[6] Letter from Gertrude Bell to her father Hugh Bell 18 April 1918 / Gertrude Bell Archive // Newcastle University. URL: https://gertrudebell.ncl.ac.uk/l/gb-1-1-2-1-14-9 (date of application: 20.12.2025).

вилизация с активными изменениями и постоянным внедрением технологических новшеств воспринимаются ею скорее как исключение из общечеловеческого опыта[7].

В центре её внимания всегда находились не только археологические памятники, но и народы, населяющие данные территории. Но более глубокое погружение в жизнь племени было невозможно для неё по ряду причин. В ней видели всегда в первую очередь подданную Британской империи. В условиях усиления центробежных сил в Османской империи накануне Первой мировой войны многие арабские лидеры стремились заручиться поддержкой ведущих европейских держав для своих целей. Знакомство с дочерью богатого члена британского парламента было выгодно и могло способствовать установлению контакта с другими представителями власти Британской империи. По этой причине эмиры и шейхи, которых встречала Г. Белл, были зачастую доброжелательны к ней и охотно вступали в коммуникацию, что позволило ей завести среди арабской элиты много знакомств, которые будут полезны ей в дальнейшем. Она писала: «... и ещё через два дня мы прибыли к великому шейху всех этих восточных Аназе, и я остановилась у его палаток и попросила его гостеприимства. Он относился ко мне с отеческой добротой, кормил меня, развлекал и посоветовал мне взять второго рафика...[8]». При этом, очевидно, этих мужчин, представителей местной власти в регионе, не смущал тот факт, что Г. Белл – женщина. Согласно мусульманским представлениям, не следовало вступать с ней в тесную коммуникацию, не говоря уже о том, что её внешний вид был неприемлем (Г. Белл никогда не носила принятые в регионе женские закрытые одеяния). Тем не менее её национальная идентичность становилась первичнее гендерной, что позволяло ей входить в «мужские» пространства и взаимодействовать с мужским коллективом. «И я слушала рассказы и песни пустыни, о подвигах Аудеха, одного из самых известных налетчиков наших дней, и романтических приключениях принцев Неджда. Мухаммед сидел рядом со мной на ковриках, расстеленных на чистом мягком песке, его огромная фигура была закутана в плащ из овчины, и иногда он попыхивал своей наргиле и слушал разговор, а иногда присоединялся к нему[9]». Таким образом, в силу обстоятельств Г. Белл смогла преодолеть этот гендерный барьер.

На первый взгляд может показаться, что, вопреки своим интересам ко всем аспектам жизни народов Ближнего Востока, Белл не интересовалась женским опытом. В её письмах в основном встречаются имена мужчин и мужские фигуры, с кем она взаимодействовала. Но о своих редких возможностях взаимодействия с местными женщинами она всегда рассказывает

[7] *Bell G.* Safar Nameh, Persian Pictures / Richard Bentley and son: London, 1894. P. 262.

[8] Letter from Gertrude Bell to her stepmother Florence Bell 23 April 1914 – 2 May 1914 / Gertrude Bell Archive // Newcastle University. URL: https://gertrudebell.ncl.ac.uk/l/gb-1-1-1-1-23-4 (date of application: 20.12.2025).

[9] Letter from Gertrude Bell to her stepmother Florence Bell 4 February 1914 – 29 March 1914 / Gertrude Bell Archive // Newcastle University. URL: https://gertrudebell.ncl.ac.uk/l/gb-1-1-1-1-23-3 (date of application: 20.12.2025).

очень подробно, в письмах пересказывая такие эпизоды, что свидетельствует о её заинтересованности. Она писала: «Вчера я нанесла продолжительный визит жене Вали, чрезвычайно интересной женщине. Она родилась и выросла в Египте – её родители были турками – и говорит по-английски почти как англичанка. Она много читает, очень умна и проницательный политик. Мы говорили здесь о двух войнах на Балканах и о женщинах-мусульманках – она говорит, что последние похожи на женщин-мусульманок в зарубежных романах, они ничего не делают, даже необычной работы – и это было довольно увлекательно. Она единственная женщина в своем роде, которую я встречала»[10].

После получения официальной должности в подмандатном правительстве Ирака Г. Белл не оставляет попыток сблизиться с местными женщинами. «К счастью, моя первая вечеринка во вторник состоялась накануне – думаю, вечеринку на следующей неделе придется отложить, потому что в моем саду будет слишком грязно. У меня было около 50 дам, в основном мусульманок – они сейчас собираются, и я со временем всех их приведу. Мы пили чай в саду и очень весело разговаривали почти 2 часа»[11], – так она пишет о проводимых ею встречах, которые тем не менее не приведут к установлению у неё более тесных контактов с мусульманками, т. к. упоминания о них останутся редки. Кроме того, очевидно, что её вечеринки посещали лишь жительницы Багдада, наиболее либеральные и прогрессивные во взглядах.

Данный опыт во многом уникален, поскольку на примере других известных путешественниц (Мэри Монтегю, Мэри Кингсли, Александрины Тинне, Кристины Бельджойозо и др.) можно выявить тенденцию, что женщины свободно допускаются во внутренние, «женские» пространства, и могут подробнее узнать о закрытой частной жизни народов «экзотических» для европейцев стран. Тем не менее Г. Белл так и не смогла войти в «женское» пространство Ближнего Востока по причине того, что вращалась в «мужском». Преодоленный ею гендерный барьер в отношении активных социальных взаимодействий в общественной жизни привел к тому, что доступ в частную был для нее закрыт. Так, например, она описала одну из деловых встреч: «Президент Сингапура очень строг и довольно косо смотрел на нас с капелланом, когда мы веселились за обедом за кружкой пива и содовой водой, но, когда я заявила, что мне нужна сигарета, и послала за ней знакомого араба, он расслабился и тоже закурил»[12].

[10] Letter from Gertrude Bell to her father, Sir Hugh Bell 29 November 1913 / Gertrude Bell Archive // Newcastle University. URL: https://gertrudebell.ncl.ac.uk/l/gb-1-1-2-1-10-10 (date of application: 20.12.2025).

[11] Letter from Gertrude Bell to her father, Sir Hugh Bell 6 December 1918 / Gertrude Bell Archive // Newcastle University. URL: https://gertrudebell.ncl.ac.uk/l/gb-1-1-2-1-14-28 (date of application: 20.12.2025).

[12] Letter from Gertrude Bell to her father, Sir Hugh Bell 28 November 1918 / Gertrude Bell Archive // Newcastle University. URL: https://gertrudebell.ncl.ac.uk/l/gb-1-1-2-1-14-27 (date of application: 20.12.2025).

В своих путешествиях Белл не раз демонстрировала рискованное поведение, и даже местные мужчины опасались ее смелых планов: «Трое мужчин, которых я привезла из Дамаска, были очень неуверенны, пойдут ли они со мной. Я думаю, они действительно боялись опасностей дороги»[13]. Во время одного из таких задержаний она описывает, как проводила время: «Мы провели день не без удовольствия, сплетничая с солдатами, чиня сломанный шест для палатки, а также во время очень долгих периодов сплетен в палатке Фаттуха, то один, то другой участник экспедиции заглядывал, чтобы принять участие в разговоре. И я занята разработкой новых планов, потому что я еще не побеждена. Но я полагаю, что эта дорога закрыта, и мне, вероятно, придется отправиться в Дамаск и начать все сначала через Пальмиру»[14]. Далее она охарактеризует этот случай так: «Все это довольно комично; Мне все равно. Это смешной эпизод в приключении, но я не думаю, что приключение закончилось; просто оно должно принять другой оборот»[15]. Отчасти, это связано с её личными качествами характера. Кроме того, подобная авантюрная жизнь полностью отвечала ее личным вкусам, что также способствовало её стремлению снова и снова отправляться на Ближний Восток, где вся её жизнь словно превращалась в приключенческий роман.

Для женщин викторианского воспитания активные путешествия и подобный образ жизни были неприличными, как и постоянное проживание в палатках с мужчинами. Пустыня была в каком-то смысле пространством её свободы от светских условностей и гендерных ограничений. Гертруда была настолько привязана к данному региону, что называла его «вторым домом» и писала, что, если бы её семья не оставалась в Британии, она бы никогда его не покидала[16].

После окончания Первой мировой войны та деятельность, которой она занималась на своем посту, позволяла ей чувствовать свою значимость как личности. Принимая участие в административном управлении страны, она чувствовала психологический комфорт от признания её компетенции и заслуг, ведь как женщине ей часто нужно было доказывать это. Возможность быть свободной и принимать значимые решения, продвигать свои идеи – вот чем был Ближний Восток для Гертруды Белл. Представление об Ираке как о своем «доме» давало Белл психологический комфорт и позволяло, пользуясь своими знаниями языков и обычаев, длительно проживать в нём.

[13] Letter from Gertrude Bell to her father, Sir Hugh Bell 19 January 1914 – 27 January, 1914 / A collection of Gertrude's letters / Gertrude Bell Archive // Newcastle University. URL: https://gertrudebell.ncl.ac.uk/l/gb-1-1-2-1-10-11 (date of application: 20.12.2025).

[14] Letter from Gertrude Bell to her stepmother, Dame Florence Bell 9 January 1914 – 11 January, 1914 / A collection of Gertrude's letters / Gertrude Bell Archive // Newcastle University. URL: https://gertrudebell.ncl.ac.uk/l/gb-1-1-1-1-23-1 (date of application: 20.12.2025).

[15] Там же.

[16] Letter from Gertrude Bell to W.M. Ramsay 7 February 1918 / A collection of Gertrude's letters / Gertrude Bell Archive // Newcastle University. URL: https://gertrudebell.ncl.ac.uk/l/gb-1-3-2-7 (date of application: 20.12.2025).

Проживание своей повседневности на Ближнем Востоке для Гертруды Белл как для женщины из британского высшего общества было нонконформистским. Однако стечение обстоятельств, а также её личные качества, позволили ей самостоятельно выбрать сферу своей деятельности. Отбросив политические мотивы, можно увидеть также искреннее человеческое любопытство и желание увидеть своими глазами «Других», узнать больше об их жизни и обычаях, актуальное для обеих сторон – Гертруды Белл и её многочисленных знакомых с Ближнего Востока.

Список литературы:

1. *Белова А.В.* Женская повседневность как предмет истории повседневности // Этнографическое обозрение. 2006. № 4. С. 85–97.
2. *Тихонова Е.В.* Этноконфессиональные общины Ирака в годы британского мандата. М, 2007.

Об авторе:

СПИРИДОНОВА Дарья Сергеевна – аспирантка, кафедра всеобщей истории, Тверской государственный университет, (Россия, Тверь, ул. Вокзальная, 10), e-mail: DariaSpiridonowa99@yandex.ru

Emotional Experience of Everyday Life of a British Woman in the Middle East: Gertrude Bell's Experience

D.S. Spiridonova

Tver State University, *Tver, Russia*

The article analyzes ego-documents by the British traveller, archaeologist and administrator Gertrude Bell (1868–1926), which she created during her work in the Middle East and which reflect her subjective impressions of the region and her personal experiences gained from living there regularly. Using the approach of imagology, the article draws conclusions about her perception of Middle Eastern countries and customs, which was influenced by her education and travel experience, as well as her socialization as a woman from the British aristocratic circle. The mental existence simultaneously within the categories of “East” and “West” was reflected in her everyday life, which she wrote about to her correspondents, reflecting on her experience and emotional experiences in her epistolary activity.

Keywords*: history of everyday life, women’s history, self-documents, social anthropology, the Middle East, Iran, Gertrude Bell, the 20th century, colonialism, imagology.*

About the author:

SPIRIDONOVA Daria Sergeevna – postgraduate student, Tver State University, (Russia, Tver, Vokzalnaya Street, 10), e-mail: DariaSpiridonowa99@yandex.ru

References:

Belova A.V. *Zhenskaya povsednevnost' kak predmet istorii povsednevnosti*, Etnograficheskoe obozrenie. 2006. № 4. S. 85–97.

Tihonova E.V., *Etnokonfessional'nye obshchiny Iraka v gody britanskogo mandata*. M, 2007.

Статья поступила в редакцию 20.05.2026 г.

Подписана в печать 11.09.2026 г.

Вестник ТвГУ. Серия «История». 2026. № 3 (79). С. 178–183.

СООБЩЕНИЯ

УДК 94(47/954)
DOI 10.26456/vthistory/2026.3.178

Память о Н.Н. Микулухо-Маклае как нематериальное культурное наследие: практики коммеморации в России и Папуа-Новой Гвинее

Г.А. Кокорина

ФГБОУ ВО «Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)», *г. Москва, Россия*

В статье исследуется феномен памяти о Н.Н. Миклухо-Маклае как элементе нематериального культурного наследия в двух социокультурных контекстах: в Папуа–Новой Гвинее и в России. Анализируются формы сохранения памяти об учёном – от устных преданий папуасских общин (в которых Н.Н. Миклухо-Маклай выступает как культурный герой) до институциональных практик коммеморации в России (музейные экспозиции, образовательные проекты, топонимика). Особое внимание уделено эволюции образа исследователя в исторической ретроспективе. В качестве нормативной основы рассматривается Конвенция ЮНЕСКО 2003 г.; в качестве актуальных практик – совместные экспедиционные и цифровые проекты, реализуемые в партнерстве с локальными сообществами. Память о Н.Н. Миклухо-Маклае функционирует как многослойный феномен, объединяющий локальные мифологические нарративы и общественную память, и служит носителем гуманистических ценностей.

Ключевые слова: *Н.Н. Миклухо-Маклай, культурно-историческая связь, нематериальное культурное наследие, коммеморация.*

Особое место в истории российской науки о народах занимает научная деятельность Н.Н. Миклухо-Маклая, который стремился доказать единство человеческого рода, физическую и психическую равноценность всех рас и народов, обосновать идею о том, что все имеющиеся различия между народами вызваны природными и социальными условиями их жизни. Его наследие традиционно рассматривают в первую очередь как вклад в науку. Однако не менее значимой оказывается память о нем как феномен нематериального культурного наследия.

Актуальность темы обусловлена усилением внимания к исторической памяти, к сохранению локальных традиций памяти и развитием цифровых технологий.

© Кокорина Г.А., 2026

Конвенция ЮНЕСКО об охране нематериального культурного наследия (2003 г.)[1] предоставляет концептуальные инструменты для осмысления памяти о Н.Н. Миклухо-Маклае как объекте наследия. В её логике устные предания папуасских общин, образовательные проекты и совместные экспедиционные практики могут быть рассмотрены как формы «знаний и навыков, связанных с традициями», а также «обычаев и обрядов», сохраняющих культурную идентичность.

В России память о Н.Н. Миклухо-Маклае поддерживается преимущественно через институциональные механизмы. Ключевым событием являются ежегодные циклы «Маклаевских чтений» в г. Окуловке (Новгородская область) и г. Санкт-Петербурге. В программы мероприятий включены научные доклады, выступления приглашенных гостей, в том числе из-за рубежа, кинопоказы и выставки.

В Санкт-Петербурге «Маклаевские чтения» проводит Отдел Австралии, Океании и Индонезии Музея этнологии и антропологии им. Петра Великого (Кунсткамера). На междисциплинарную конференцию ежегодно приезжают специалисты по языкам и культуре народов Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании. Тематика охватывает различные вопросы этнографии, антропологии, фольклора, этнолингвистики народов Юго-Восточной Азии, Океании и Австралии. В центре внимания оказываются австронезийские культуры и результаты полевых исследований. Работа конференции и её результаты получают широкое освещение в различных научных сборниках[2].

На малой родине Н.Н. Миклухо-Маклая в Окуловке «Маклаевские чтения» – это целый спектр образовательных мероприятий[3]. Чтения организуют в Окуловском краеведческом музее имени Н.Н. Миклухо-Маклая с 1986 г.[4] Обычно их приурочивают ко Дню этнографа (17 июля).

Насыщенное и разноплановое мероприятие включает в себя: научные доклады о биографии Н.Н. Миклухо-Маклая, его экспедициях (в первую очередь на Новую Гвинею) и научном наследии; выступления ученых и общественных деятелей; просмотр документальных фильмов об этнографических исследованиях и путешествиях; презентации новых проектов. В этом году фонд сохранения этнокультурного наследия им. Миклухо-Маклая представляет образовательно-просветительский проект «Ожившая история: по следам

[1] Конвенция об охране нематериального культурного наследия [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_heritage_conv.shtml (дата обращения: 01.07.2026).

[2] *Станюкович М.В.* Этнография, этноботаника, этнолингвистика тропической Азии: обзор Маклаевских чтений 2021–2022 гг. и секции на Радловских чтениях 2023 г. // Шаги/Steps. 2023. Т. 9 № 3. С. 316–335.

[3] Программа «Маклаевские чтения – 2026: встреча поколений исследователей». [Электронный ресурс]. URL: https://minkult.novreg.ru/medianews/news/93736/ (дата обращения: 06.07.2026).

[4] Из истории Маклавеских чтений [Электронный ресурс]. URL: https://okulovka-muzei.ru/article/30837 (дата обращения: 06.07.2026).

Миклухо-Маклая»[5]. Проект объединяет материалы исторических экспедиций и современные исследования региона Южных морей. В его рамках проходят выставки, лекции, показы короткометражных фильмов. Иногда добавляют и неформатные активности: мастер-классы, пленэры, велопробеги. Это пример устойчивой локальной традиции, где научное знание сочетается с просветительской и воспитательной работой.

Архивные и музейные практики представлены коллекциями Кунсткамеры, фондами Русского географического общества и региональными музеями. Фонды музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН содержат не только этнографические предметы, собранные ученым, но и его рисунки, дневники, письма – материальные носители нематериального наследия. Экспонирование этих материалов сопровождается нарративами о гуманистической миссии исследователя, что формирует устойчивый образ «ученого-миротворца». Важнейшим моментом стала оцифровка материалов, что дало возможность широкому кругу исследователей использовать их в своей научной деятельности.

На уровне городской среды память фиксируется через топонимы и мемориальные объекты. В Санкт-Петербурге именем Н.Н. Миклухо-Маклая названа набережная на Васильевском острове (проект реализован при поддержке Фонда им. Н.Н. Миклухо-Маклая в 2021 г.), в других городах России его имя носят улицы, школы и научные учреждения (Институт этнологии и антропологии РАН им. Н.Н. Миклухо-Маклая, г. Москва). Такая «география памяти» делает наследие учёного видимым и доступным для широкой аудитории.

Особое место занимают образовательные проекты, ориентированные на формирование межкультурной компетентности и гуманистических ценностей. Например, комплексная цифровая платформа «Онлайн-музей Н.Н. Миклухо-Маклая 2.0»[6], где собраны документы, фотографии, зарисовки из экспедиций, материалы о традициях народов Океании. Или образовательно-просветительский проект «Русские географические названия: история открытий»[7]. В этом проекте есть виртуальная карта с историческими русскими топонимами Океании, структурированные тексты по истории и географии, а также цикл из трёх научно-популярных фильмов «Русский Атлас». Эти мероприятия не только сохраняют биографические детали, но и актуализируют знания о регионе.

[5] Образовательно-просветительский проект «Ожившая история: по следам Миклухо-Маклая» [Электронный ресурс]. URL: https://mikluho-maclay.org/projekts/ozhivshaya-istoriya-po-sledam-mikluho-maklaya/ (дата обращения: 01.07.2026).

[6] Онлайн-музей Н.Н. Миклухо-Маклая [Электронный ресурс]. URL: https://mikluho-maclay.online/ (дата обращения: 01.07.2026).

[7] Русские географические названия: история открытий [Электронный ресурс]. URL: https://oceania.mikluho-maclay.ru/ (дата обращения: 01.07.2026).

В Папуа–Новой Гвинеи память о Н.Н. Миклухо-Маклае сохраняется в форме живых устных преданий, которые антропологи и этнографы фиксируют на протяжении столетия[8]. Имя «Маклай» закрепилось в топонимах и бытовой лексике[9]. В локальных нарративах ученый предстает как «Тамо-бороборо» («великий вождь») или «человек с Луны»[10] – культурный герой, изменивший повседневность общин. В этих преданиях переплетаются исторические факты и мифологические мотивы.

Современные исследования показывают, что предания о Н.Н. Миклухо-Маклае выполняют важные социальные функции: они легитимируют межобщинные связи, служат маркером локальной идентичности и инструментом передачи этических норм (уважение к Другому, ценность знаний, запрет на насилие)[11]. В последние десятилетия эти нарративы становятся объектом совместного документирования: экспедиции Фонда сохранения этнокультурного наследия им. Н.Н. Миклухо-Маклая работают в партнерстве с местными сообществами, фиксируя предания, пантомимы и ритуалы, связанные с именем ученого[12]. Такой подход соответствует этическим стандартам ЮНЕСКО по работе с нематериальным наследием: приоритет отдается не «извлечению» знаний, а совместному производству и сохранению культурного опыта.

Современные проекты, включая экспедиции XXI в. и партнерства с российскими исследователями, способствуют актуализации и документированию устной традиции. Важным этическим принципом здесь становится совместное производство знания: интервью со старейшинами, фиксация преданий, согласование публикаций с сообществами[13]. Такой подход соответствует гуманистическим установкам самого Н.Н. Миклухо-Маклая, который выступал за уважение к автономии народов.

Особую роль играют практики репатриации: возвращение останков и коллекций, согласование экспозиций и публикаций. Эти действия не только восстанавливают историческую справедливость, но и укрепляют доверие между исследователями и сообществами, делая память о Н.Н. Миклухо-Маклае инструментом межкультурного диалога.

---

[8] *Туторский А.В., Говор Е.В., Баллард К.* Изучение наследия Н.Н. Миклухо-Маклая русско- и англоязычными исследователями в 1992–2017 годах // Археология, этнография и антропология Евразии. 2019. Том 47. № 2. С. 112–121.

[9] *Ельчанинов А.И.* Миклухо-Маклай и русские имена на карте Папуа – Новой Гвинеи // Журнал Института наследия. 2019. № 4 (19). С. 10–15.

[10] *Тумаркин Д.Д.* «Вторая жизнь» Н.Н. Миклухо-Маклая: мифы и предания о русском ученом в Папуа-Новой Гвинее // Этнографическое обозрение. 1997. № 1. С. 158–169.

[11] *Миклухо-Маклай Н.Н.* Культурно-исторические связи России и Папуа – Новой Гвинеи как пример эффективности мягкой силы // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2024. Том 2. № 2 (62). С. 296–313.

[12] *Миклухо-Маклай Н.Н.* Возрождение российских научных исследований в Папуа – Новой Гвинее в начале XXI в. // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2020. Том I. № 1 (46). С. 269–284.

[13] *Лебедева А.А.* Очерк современной культуры папуасов берега Маклая (социум, экономика, объекты культуры, самоопределение) // Кунсткамера. 2018. № 1. С. 170–180.

Динамика коммеморативных практик отражает изменение общественных ценностей. В XIX в. Н.Н. Миклухо-Маклай воспринимался прежде всего как исследователь, бросивший вызов расистским теориям своего времени. В советский период его образ был вписан в идеологию интернационализма и антиколониализма: акцент делался на борьбе с расизмом и защите прав коренных народов. Современные проекты, напротив, делают упор на диалог культур и этику научного исследования, что соответствует глобальным трендам в области охраны нематериального наследия.

Таким образом, в Папуа–Новой Гвинее и России память о Н.Н. Миклухо-Маклае развивается в параллельных, но взаимодополняющих направлениях. Если в Папуа–Новой Гвинее она укоренена в локальной мифологии и повседневной практике, то в России – в институциональных форматах и публичной истории. При этом обе традиции объединяет общий этический стержень: уважение к культурному разнообразию и ценность ненасильственного взаимодействия.

Современные вызовы требуют комплексного подхода к сохранению этого наследия: сочетания официальной охраны, цифровых технологий и партнерства с сообществами. Только в таком проекте память о Н.Н. Миклухо-Маклае сможет оставаться не музейным экспонатом, а актуальным ресурсом межкультурного диалога и этического осмысления науки.

Список литературы:

1. *Ельчанинов А.И.* Миклухо-Маклай и русские имена на карте Папуа – Новой Гвинеи // Журнал Института наследия. 2019. № 4 (19). С. 10–15.
2. *Лебедева А.А.* Очерк современной культуры папуасов берега Маклая (социум, экономика, объекты культуры, самоопределение) // Кунсткамера. 2018. № 1. С. 170–180.
3. *Станюкович М.В.* Этнография, этноботаника, этнолингвистика тропической Азии: обзор Маклаевских чтений 2021–2022 гг. и секции на Радловских чтениях 2023 г. // Шаги/Steps. 2023. Т. 9. № 3. С. 316–335.
4. *Тумаркин Д.Д.* «Вторая жизнь» Н.Н. Миклухо-Маклая: мифы и предания о русском ученом в Папуа-Новой Гвинее // Этнографическое обозрение. 1997. № 1. С. 158–169.
5. *Туторский А.В., Говор Е.В., Баллард К.* Изучение наследия Н.Н. Миклухо-Маклая русско- и англоязычными исследователями в 1992–2017 годах // Археология, этнография и антропология Евразии. 2019. Том 47, № 2. С. 112–121.

Об авторе:

КОКОРИНА Галина Алексеевна – преподаватель, кафедра гуманитарных наук и дизайна, ФГБОУ ВО «Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)», (115035, город Москва, улица Садовническая, дом 33, строение 1), e-mail: Kokorina-galina@mail.ru

The Memory of N.N. Miklukho-Maklay as an Intangible Cultural Heritage: Practies of Commemoration in Russia and Papua New Guinea

G.A. Kokorina

The Kosygin State University of Russia, *Tver, Russia*

The article explores the phenomenon of memory of N. N. Miklukho-Maclay as an element of intangible cultural heritage – in two socio-cultural contexts: in Papua New Guinea and in Russia. The forms of preserving the memory of the scientist are analyzed, starting from the oral traditions of Papuan communities (in which N. N. Miklukho-Maclay acts as a cultural hero) before the institutional practices of commemoration in Russia (museum exhibitions, educational projects, toponymy).

Special attention is paid to the evolution of the researcher's image in historical retrospect. The UNESCO Convention of 2003 is considered as a normative framework; joint expedition and digital projects implemented in partnership with local communities are considered as relevant practices.

The memory of N. N. Miklouho-Maclay functions as a multilayered phenomenon that combines local mythological narratives and public memory, and serves as a carrier of humanistic values.

Keywords: *N. N. Miklukho-Maklay, cultural and historical connection, intangible cultural heritage, commemoration.*

About the author:

Galina KOKORINA – Lecturer at the Department of Humanities and Design, The Kosygin State University of Russia (115035, Moscow, Sadovnicheskaya Street, Building 33, Structure 1) e-mail: Kokorina-galina@mail.ru

References

Yelchaninov A.I., *Miklukho-Maklay and Russian names on the map of Papua New Guinea*, Journal of the Institute of Heritage, 2019, № 4 (19), P. 10–15.

Lebedeva A.A., *An essay on the modern culture of the Papuans of the Maklay coast (society, economy, cultural objects, self-determination),* Kunstkamera, 2018, № 1, P. 170–180.

Stanyukovich M.V., *Ethnography, ethnobotany, ethnolinguistics of tropical Asia: a review of the Maklay readings of 2021-2022 and the section on the Radlov readings of 2023*, Steps/Steps, 2023, Vol. 9, № 3, P. 316–335.

Tumarkin D.D., *«The second life» N. N. Miklukho-Maklaya: Myths and legends about a Russian scientist in Papua New Guinea*, Ethnographic Review, 1997, № 1, P. 158–169.

Tutorskiy A.V., Govor E.V., Ballard K., *The study of the heritage of N.N. Miklukho-Maklay by Russian- and English-speaking researchers in 1992-2017*, Archeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia, 2019, Vol. 47, № 2, P. 112–121.

Статья поступила в редакцию 14.06.2026 г.
Подписана в печать 11.09.2026 г.

Вестник ТвГУ. Серия «История». 2026. № 3 (79). С. 184–189.

КРИТИКА. БИБЛИОГРАФИЯ. НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 94.2-4
DOI 10.26456/vthistory/2026.3.184

Рецензия на книгу: *Юкина И.И.* От дам-патронесс до женотделовок: история женского движения России. М.: Новое литературное обозрение, 2024. 680 с. *

Н.А. Дмитриева

ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
г. Москва, Россия

В статье представлена рецензия на монографию И.И. Юкиной «От дам-патронесс до женотделовок: история женского движения России». В работе рассматривается эволюция женского движения в России с конца 1850-х по 1918 г., анализируются его основные этапы, идеологические трансформации и специфика в сравнении с западными моделями эмансипации. Отмечается фундаментальный характер исследования, его актуальность в свете современных дискуссий о роли женщин в общественной жизни и традициях женского служения. Монография оценивается как значимый вклад в отечественную историографию, восполняющий пробел в изучении женского движения как самостоятельного социального феномена.

Ключевые слова: *история женщин, женское движение, И.И. Юкина, социология общественных движений, женская эмансипация, биографический подход, модернизация*.

Выход в свет монографии Ирины Игоревны Юкиной «От дам-патронесс до женотделовок: история женского движения России» (2024) представляет собой значимое событие как для специалистов в области женской истории, так и для всего сообщества историков, социологов и политологов, занимающихся проблематикой общественных движений и модернизационных процессов в России. Автор монографии – известный историк и социолог, кандидат социологических наук, чьи предыдущие работы уже давно считаются классическими в исследовательской среде[1].

* Текст подготовлен в рамках проекта РНФ «Женская семейная память в России XVIII – XXI вв.: формы передачи, динамика трансформаций, социальная миссия» (№ 24-18-00212).

[1] *Юкина И.И.* История женщин России: Женское движение и феминизм в 1850–1920-е годы: Материалы к библиогр. СПб., 2003; *Её же.* Русский феминизм как вызов современности. СПб., 2007.

© Дмитриева Н.А, 2026

Новая книга, по сути, представляет собой глубокую переработку и расширение предыдущего труда, учитывающие новейшую историографическую ситуацию и вводящие в оборот дополнительные источники. Важно подчеркнуть, что за последнее десятилетие в отечественной науке не выходило столь концептуальных и масштабных обобщающих работ по истории женского движения, что делает данное издание особенно актуальным и своевременным.

Монография представляет собой фундаментальное исследование, выполненное на стыке истории и социологии, а именно – интеллектуальной истории и социологии общественных движений. Отличительной чертой исследования является плодотворное применение социологических подходов к анализу обширного исторического материала, благодаря чему автор преодолевает описательность и выстраивает полноценное проблемное изложение. Автор предлагает использовать синтез трёх основных теоретических подходов социологии общественных движений: традиционного (акцент на причинах возникновения и роли идеологии) (с. 23); подхода коллективных действий или мобилизации ресурсов (рассмотрение движения как рационального субъекта, использующего внешние и внутренние ресурсы) (с. 25–27) и подхода новых социальных движений или идентичности (фокус на поиске и обретении участницами новых коллективных идентичностей и ценностей) (с. 30–31). Такое сочетание позволяет по-новому взглянуть на причины возникновения женского движения, его внутреннюю динамику, эволюцию организационных форм, стратегий и тактик, а также факторы, определившие его уникальную результативность.

В обширном и тщательно проработанном введении, помимо обоснования методологической позиции автора, представлен обстоятельный историографический обзор. Автор последовательно показывает, как идеологические установки различных периодов – от либеральной историографии рубежа XIX–XX вв. до марксистского подхода советского времени и, наконец, к методологическому плюрализму постсоветского периода – определяли не только выводы, но и саму постановку исследовательских задач. И. Юкина детально прослеживает, как в советской историографии произошла подмена понятий: «женское движение» стало трактоваться чрезвычайно широко, в него включали любые формы политической активности женщин, вплоть до участия в революционных партиях, что привело к утрате его специфики как самостоятельного общественного феномена (с. 45–47). Показательно, что в советское время само понятие «общественное движение» зачастую отсутствовало в энциклопедических изданиях, уступая место теории классовой борьбы, а процесс женской эмансипации трактовался как «буржуазное» явление.

Автор также дает взвешенную оценку вкладу зарубежной историографии (работы Р. Стайтса, Л. Эдмондсон, Б. Энгл и др.), которая первой ввела тему русского феминизма в широкий научный оборот.

Однако, по мнению И. Юкиной, авторы изданий сфокусировались преимущественно на деятельной стороне движения, оставив в тени его идеологию и философские основания (с. 58–61).

Новая работа И. Юкиной преодолевает эту односторонность, предлагая интегральный взгляд, объединяющий историю идей, организационных практик и индивидуальных судеб. Структурно книга делится на две основные части, соответствующие выделяемым автором этапам движения, что является одним из ключевых концептуальных решений.

Часть I посвящена первому этапу, охватывающему период с 1858 по 1905 гг., который определяется автором как собственно ***женское движение***. По мнению И. Юкиной, зарождение женского движения относится к концу 1850-х гг., когда М.В. Трубникова, Н.В. Стасова и А.П. Философова, впоследствии ключевые фигуры раннего женского движения, приступили к публичному обсуждению положения женщин и инициировали создание первых самодеятельных женских организаций. И. Юкина убедительно показывает, как в условиях пореформенного кризиса и начала модернизации впервые сложились политические, экономические и организационные предпосылки для зарождения общественных движений (с. 64–65). Автор детально рассматривает влияние внешних факторов (макроуровень) (реформы 1860-х гг., социально-экономические сдвиги, появление новой социальной страты – разночинной интеллигенции) и мезоуровень (дискурсы прессы, литературы, институты семьи и образования, формировавшие представления о социальных ролях). Особое значение в женском движении она придает возникшему в 1860-е гг. «семейному вопросу», обострившему проблему отцов и детей (с. 67) и повлекшему кризис патриархатных отношений (с. 166). При этом И. Юкина подчеркивает, что именно дворянки, «поставленные перед проблемой выживания» в условиях разорения помещичьего землевладения, разделявшие либеральные идеи», включились в активное женское движение (с. 82) и сформировали образ «новых женщин» (с. 83).

Особое внимание уделяется внутренним ресурсам движения: биографиям его пионерок, созданию первых организаций, коллективным действиям в поддержку женского образования и профессиональной занятости. Ключевой вывод И. Юкиной заключается в том, что женское движение первого этапа носило «общий» или «ненаправленный» характер (по терминологии Г. Блумера) (с. 285). Оно было ориентировано на постепенное изменение ценностей и норм общества, в ходе которого были пересмотрены модели женственности, сформированы новые представления о возможностях женщины, создана институциональная инфраструктура (высшие женские курсы, общежития, трудовые артели). Итогом этого этапа стала институционализация движения в общественном сознании как благотворительно-просветительского, что, однако, к 1880-м гг. привело к кризису и смене поколений, обнажив

острую потребность в новой, наступательной идеологии (с. 286–287).

Часть II посвящена второму этапу, который И. Юкина определяет как «феминисткий» (1905–1918) (с. 290). Отправной точкой здесь служит изменение внешних макроусловий: введение избирательного права и создание Государственной Думы, которые, с одной стороны, продемонстрировали победу либерализма, а с другой – сделали женщин аутсайдерами новой институциональной политики, т. к. избирательные права им предоставлены не были (с. 297). Как показывает Юкина, именно этот вызов привел к принципиальной трансформации движения: оно приобретает «специфический» характер, ставит четкую цель – достижение политического равноправия – и активно разрабатывает феминистскую идеологию (с. 321, 354–356).

На этом этапе создаются новые политизированные организации (Союз равноправности женщин, Лига равноправия женщин, Женская прогрессивная партия). Важное наблюдение автора также в том, что она подчеркивает смену репертуара коллективных действий: от благотворительности к политическим митингам, петициям, контактам с партийными фракциями и депутатами Государственной Думы. Автор детально прослеживает тактику дифференцированного рекрутирования сторонниц из разных социальных слоев, поиск союзников в либеральных и социалистических партиях, а также сложные взаимоотношения с большевиками (с. 573–574).

Центральное место в этой части занимает анализ достижения главной цели – получения женщинами всей полноты избирательных прав в 1917 г., что, по мнению И. Юкиной, стало результатом двух взаимосвязанных стратегий: многолетнего формирования культурного дрейфа (изменение общественного мнения и стереотипов в отношении социальной роли женщин) и точного политического выбора момента для нанесения решающего удара в ситуации кризиса легитимности власти.

В разделе «Вместо заключения. Советский феминизм» автор убедительно демонстрирует преемственность между дореволюционным феминистским движением и законодательными инициативами большевиков, показывая, что многие прогрессивные декреты 1918–1920-х гг. (о браке, семье, труде) были подготовлены теоретическими наработками и многолетней лоббистской деятельностью русских равноправок (с. 578–582). Однако И. Юкина фиксирует и разрыв: советизация женского вопроса привела к подмене идеологии свободной личности идеологией мобилизованной «женщины-должницы», а самостоятельные женские организации были ликвидированы как «буржуазные».

Одним из центральных и наиболее новаторских тезисов книги является положение И. Юкиной о том, что в России движение изначально формировалось как ***вариант женского социального участия в публичной сфере***. Оно было тесно связано с общей идеей служения народу, характерной для русской интеллигенции, и с христианскими идеалами милосердия. В отличие от

радикальных суфражисток Запада, российские активистки долгое время стремились вписать свои требования в существующие социальные структуры, рассматривая эмансипацию как часть общего процесса освобождения личности от патриархатных структур. Российское движение было гораздо более демократичным по своим мировоззренческим установкам: оно активно работало над повышением самосознания женщин низших социальных слоев, решая их насущные проблемы – от жилищных условий до организации детских дошкольных учреждений и борьбы за отмену регламентации проституции. Эта специфика, по мнению Юкиной, позволила российскому феминизму избежать крайних форм радикализма, характерных для западного суфражизма, и сделала его более органичным для российской культурной и социальной почвы.

Сильной стороной монографии, несомненно, является широкое и плодотворное применение биографического подхода. Юкина уделяет значительное внимание раскрытию жизненных путей, мотивации, внутренних миров и личных драм ключевых деятельниц движения, что позволяет оживить историю и показать ее через судьбы реальных людей. Автор тщательно прослеживает, как личный опыт этих женщин, их образование, карьерные достижения, семейные коллизии, разочарования и победы трансформировались в политические требования, влияли на формирование идеологии движения и расширение его социальной базы.

Наконец, следует особо отметить масштабную источниковую и историографическую базу исследования. Книга опирается на огромный пласт архивных материалов, многие из которых вводятся в научный оборот впервые, на богатейшую периодическую печать (как женскую, так и общую), мемуарную литературу и колоссальный массив научных трудов на русском и иностранных языках. Это позволяет автору выстраивать многослойный анализ, сопоставляя различные дискурсы – официальный, либеральный, консервативный, социалистический и собственно феминистский.

Подводя итоги, важно отметить, что монография «От дам-патронесс до женотделовок» предлагает читателю взвешенный, новаторский и в высшей степени актуальный взгляд на историю женского движения в России как на неотъемлемую часть процесса модернизации и становления гражданского общества. Монография И. Юкиной показывает, что участие женщин в общественной жизни всегда включало широкий спектр задач: просвещение, благотворительность, развитие медицины и педагогики, заботу о семье и детстве. Этот опыт, сочетавший личную самореализацию с ответственностью перед обществом, остается востребованным и сегодня, предлагая современным социальным инициативам проверенный временем ориентир созидательного служения.

Об авторе:

ДМИТРИЕВА Наталья Александровна – доктор исторических наук, профессор, Социогуманитарное ядро, Общеакадемический факультет, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (Россия, 119571, г. Москва, проспект Вернадского, дом 82), email: dmitrievana67@yandex.ru

Book Review: *Yukina I.I.* From Lady Patronesses to Women's Departments: A History of the Women's Movement in Russia. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2024. 680 p.

N.A. Dmitrieva

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, *Moscow, Russia*

The review examines I.I. Yukina's monograph «From Lady Patronesses to Women's Departments: A History of the Women's Movement in Russia». The work traces the evolution of the women's movement in Russia from the late 1850s to 1918, analyzing its main stages, ideological transformations, and distinctive features in comparison with Western models of emancipation. The fundamental nature of the study and its relevance in light of contemporary debates on the role of women in public life and the traditions of women's service are highlighted. The monograph is assessed as a significant contribution to Russian historiography, filling a gap in the study of the women's movement as an independent social phenomenon.

Keywords: women's history, women's movement, I.I. Yukina, sociology of social movements, women's emancipation, biographical approach, modernization.

About the author:

DMITRIEVA Natalia Alexandrovna – Doctor of History, Professor, Sociogumanitarian Core of the General Academic Faculty, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (82 Prospekt Vernadskogo, Moscow, 119571, Russia), e-mail: dmitrievana67@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 14.05.2026 г.

Подписана в печать 11.09.2026 г.

Вестник
Тверского государственного
университета
Серия: История

СВЕДЕНИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Адрес редакции: 170001, Россия, Тверь,
ул. Трехсвятская, д. 16/31, каб. 201.
Телефон/факс: 8 (4822) 34–16–85.

E-mail: history.decanat@tversu.ru

Журнал «Вестник Тверского университета. Серия История» является научно-теоретическим журналом, представляющим широкий спектр проблем всеобщей и отечественной истории, историографии, источниковедения, археологии, вспомогательных исторических дисциплин. Выходит с 2007 г. по 4 номера в год. Журнал учреждён Тверским государственным университетом и является подписным периодическим научным изданием. Публикуются статьи, подготовленные преподавателями и сотрудниками исторического Тверского государственного университета, а также учёными из других научных и образовательных учреждений России, ближнего и дальнего зарубежья.

Авторы несут персональную ответственность за содержание статей, представленных к публикации.

Журнал зарегистрирован в Международном центре ISSN в Париже (1998-5037), что обеспечивает информацию о нём в соответствующих международных реферативных изданиях.

Требования к оформлению, содержанию и доставке текстов в редакцию

К публикации принимаются **статьи** кандидатов и докторов наук объёмом 1 п. л. (40 тыс. зн. с пробелами), **статьи** докторантов, аспирантов и соискателей объёмом 0,5 п. л. с аннотациями 800 знаков; **сообщения** (краткая информация о научной проблеме, заметки о достижениях отдельных учёных или юбилейных датах) в объёме от 0,2 до 0,4 п. л.; **рецензии** (0,3 п.л.) с аннотациями до 400 знаков.

В статье допускаются ссылки на авторефераты диссертационных работ.

Тексты статей, сообщений и рецензий высылаются по электронной почте главному редактору (Леонтьевой Татьяне Геннадьевне) или ответственному секретарю журнала (Богданову Сергею Владимировичу). В файле должны содержаться: текст статьи, резюме на русском и английском языках, сведения об авторе на русском и английском языках, траслитерированны список литературы. Сведения об авторе включают: фамилию, имя и отчество полностью, учёное звание, степень, должность, полное название места работы, почтовый адрес места работы с индексом города и указанием страны и адрес электронной почты. на русском и английском языках**.**

Рукопись статьи должна представлять собой готовый оригинал-макет на одной стороне листа формата А4. Рукопись статьи сопровождают: фамилия, имя, отчество автора, указанные полностью, название статьи; **аннотация** (800 зн.), содержащая постановку проблемы, историографию, краткий анализ источников и основной вывод статьи; **ключевые слова** (до 10 слов или словосочетаний) **на русском и английском языках**. Английский вариант должен быть идентичен русскому.

Статья должна сопровождаться списком **цитированной литературы** на русском языке и в транслитерации.

Требования к оформлению приложений к тексту статьи

1. *Фамилии авторов*

Фамилии авторов статей представляются в одной из принятых международных систем транслитерации для авторов.

Чтобы избежать дублирования профилей в БД авторам важно:

придерживаться одной системы транслитерации для всех своих публикаций;

придерживаться указания одного места работы, так как данные о принадлежности к организации (аффилиации) являются одним из основных определяющих признаков для идентификации автора. Отсутствие данных об аффилиации ведёт к потере статей в профиле автора, а указание на различные места работы ведёт к созданию дублей профилей.

2. *Название организации и ведомства*

Название организации используется для идентификации авторов, для создания их авторских профилей и профилей организаций. Данные о публикациях авторов, связанных с конкретными организациями, используются для получения полной информации о научной деятельности организаций (и в целом страны). Во избежание создания дублирующих профилей организации в статьях необходимо ***употреблять официальное название организации на русском языке и принятое официальное название на английском языке***, что позволит более точно идентифицировать принадлежность авторов и предотвратит потери статей в системе анализа. Узнать правильное англоязычное название вузов и многих других организаций можно на их официальном сайте. Исключение составляют не переводимые на английский язык наименований фирм, которые даются в транслитерированном варианте.

3. *Заглавие статей на английском языке*

– заглавия научных статей должны быть информативными;

– в заглавиях статей можно использовать только общепринятые сокращения;

– в переводе заглавий статей на английский язык не должно быть транслитераций с русского языка, кроме непереводимых названий собственных имен и др. объектов, имеющих собственные названия; также не используется непереводимый сленг, известный только русскоговорящим специалистам. Это также касается авторских резюме (аннотаций) и ключевых слов.

4. *Авторские резюме (аннотации) на английском языке*

Авторское резюме призвано выполнять функцию независимого от статьи источника информации, должно излагать существенные факты работы, и не должно преувеличивать или содержать материал, который отсутствует в основной части публикации.

Аннотации должны быть:

- информативными (не содержать общих слов);
- содержательными (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированными (следовать логике описания результатов в статье);
- «англоязычными» (написаны качественным английским языком);
- компактными (укладываться в объем 800 зн.).

Аннотации должны быть написаны качественным английским языком. Текст должен быть связным с использованием слов «следовательно», «например», «в результате» и т. д. («consequently», «forexample», «as a result» etc.), либо разрозненные излагаемые положения должны логично вытекать один из другого. Необходимо использовать активный, а не пассивный залог, т.е. «The studytested», но не «It was tested in this study» (частая ошибка российских аннотаций).

Предпочтительным вариантом аннотации является краткое повторение в ней структуры статьи, включающей введение, цели и задачи, методы, результаты, заключение.

В качестве помощи для написания англоязычных аннотаций (рефератов) можно рекомендовать обратиться к российскому ГОСТу 7.9-95 «Реферат и аннотация. Общие требования», который был разработан, в основном, для информационных изданий и к «Рекомендациям к написанию аннотаций для англоязычных

статей, подаваемых в журналы издательства Emerald» (Великобритания): (http://www.emeraldinsight.com/authors/guides/write/abstracts.htm).

5. *Пристатейные списки литературы*

В пристатейный список литературы включаются только **цитируемые публикации, опубликованные после 1917 г**. В списке литературы приводится **полное библиографическое описание** публикации.

Отдельным блоком приводится транслитерированный спсиок литературы («References»). Для транслитерации публикаций уместно исползовать такие ресурсы: http://translit-online.ru/ (выполняется транслитерация по ГОСТ 7.79-2000). Если список литературы состоит только из англоязычных источников, то блок «References» может отсутствовать. В транслитерированных ссылках **недопустимо использовать** разделительные знаки российских ГОСТов (//, – и т. п.).

Другие требования к предоставляемым материалам

Основные разделы статьи: введение, содержащее историографию и источниковедческий анализ проблемы, основная часть, заключение (выводы), в котором указаны новые результаты и их теоретическое или практическое значение; список литературы.

За ошибки и неточности научного и фактического характера, перевод аннотации ответственность несёт автор статьи.

В статьях оформляются **пристраничные сноски**. В них указываются выходные данные, **достаточные для библиографического поиска**, при этом должны быть соблюдены правила библиографических сокращений (сб. ст., Мат. конф., дисс. … канд. ист. наук и т. д.), фамилия и инициалы авторов выделяются курсивом, ссылка на архивные фонды первично оформляется с полным названием архивного учреждения, затем даётся только аббревиатура. **В постраничные сноски не помещаются примечания к тексту статьи!** При их наличии они могут быть размещены после текста статьи, редколегия оставляет за собой право удалить примечания.

Иллюстрации

Рисунки выполняются в графическом редакторе и предоставляются в редакцию отдельным файлом. Рисунки к статье должны иметь расширение *.jpg и чёткую легенду.

За оформление имеющихся в статье графических материалов (графики, диаграммы) ответственность несёт автор. При вёрстке журнала они не редактируются.

Порядок рецензирования рукописей

Рукописи, оформленные с нарушением правил для авторов, не рассматриваются. **Представление в редакцию ранее опубликованных статей не допускается.**

По получении статьи от автора редакция направляет её на рецензирование двум рецензентам (проводится «слепое рецензирование»), которые выносят заключение о возможности публикации. На основании экспертного заключения редколлегия принимает текст к изданию, либо направляет на доработку. Возвращение рукописи автору на доработку не означает, что она принята к публикации.

К предлагаемым для публикации в «Вестнике ТвГУ» статьям аспирантов прилагаются заверенные рецензии научных руководителей и рекомендации кафедр, где выполняются работа, или внешнего оппонента-специалиста. В рецензии раскрывается и конкретизируется исследовательская новизна, научная логика, отмечается научная и практическая значимость статьи, указывается на соответствие её оформления требованиям журнала.

Если статья отклонена, то автору сообщается мотивированное заключение рецензента. После переработки автором материалы рассматривает главный редактор и принимает решение о публикации.

Редакция не берёт на себя обязательства по срокам публикации и оставляет за собой право редактирования, сокращения публикуемых материалов и адаптации их к рубрикам журнала. Корректура автору не предоставляется. Редакция по электронной почте сообщает автору результаты рецензирования.

Оплата за публикацию рукописей не взимается.

Полнотекстовые сетевые версии выпусков научного журнала «Вестник Тверского университета. Серия История» можно найти в свободном доступе в Научной электронной библиотеке ТвГУ (http://eprints.tversu/ru) по присвоенным DOI и на сайте журнала «Вестник Тверского государственного университета. Серия: История»: https://journal.tversu.ru/index.php/history

Формат цитирования статей из журнала

В целях обеспечения корректного представления информации о статьях в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ) редакционная коллегия рекомендует следующее оформление ссылок на статьи, опубликованные в серии «История» журнала «Вестник Тверского государственного университета»:

Автор Название статьи // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. Год. № 1. С. [страницы].

Пример:

Булдаков В.П. Постреволюционная Россия: идеология и управление // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2015. № 3. С. 49.

Контактные данные ответственных за выпуск

170100, г. Тверь, ул. Трёхсвятская, д. 16/31, к. 201.
Телефон/факс: 8 (4822) 34-16-85.
Главный редактор – Татьяна Геннадьевна Леонтьева 8 (4822) 34-16-85.
Ответственный секретарь – Сергей Владимирович Богданов
Bogdanov.SV@tversu.ru)
E-mail: history.decanat@tversu.ru
URL: https://journal.tversu.ru/index.php/history

Вестник Тверского государственного университета.
Серия: «История». № 3 (79). 2026

Подписной индекс: 85716 (подписной интернет-каталог «Пресса России»)

Подписано в печать 16.10.2026. Выход в свет 20.10.2026.
Формат 70x108$^{1}/_{16}$. Бумага типографская № 1.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,88.
Тираж 500 экз. Заказ № 178.
Издатель – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Тверской государственный университет».
Адрес: Россия, 170100, г. Тверь, ул. Желябова, д. 33.
Отпечатано в издательстве Тверского государственного университета.
Адрес: Россия, 170100, г. Тверь, Студенческий пер., д. 12, корпус Б.
Тел. издательства: 8 (4822) 35-60-63.
Цена свободная.